Владимир БЕЛЯЕВ

В ТЕ ХОЛОДНЫЕ ДНИ

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ РОМАН

Владимир БЕЛЯЕВ

В ТЕ ХОЛОДНЫЕ ДНИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1977

Беляев В. С.
Б 44 В те холодные дни. М., «Моск. рабочий», 1977.

272 с. (Современный городской роман)

В романе раскрывается тема творческого отношения современного рабочего к своему труду, тема связи личной судьбы с судьбой коллектива, ответственности за порученное дело. Автор рассказывает о становлении и развитии крупного современного завода, об истории рабочей династии Шкуратовых.

Р2

Б $\frac{70302\text{-}28}{М172(03)\text{-}77}$ 172-77

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья
Как будто песнь в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут — и с ней сегодня краше —
О том, что мы в грядущем есть:
Мосты, дворцы и песни наши!

А. Твардовский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В тот год зима была лютая, вьюжная. Снег выпал рано и с великой щедростью надолго укрыл поля и леса. Налетали холодные ветры, трещали морозы, гуляла пурга. В аэропортах больших городов скопилось множество народа. Случалось, что и Москва не выпускала и не принимала самолеты, и только изредка выпадали счастливые часы, когда то в одном, то в другом районе ненадолго рассеивались тучи и разрешали вылет и посадку.

В один из таких дней в Москву по срочному вызову министра летел на реактивном лайнере директор большого трубопрокатного завода Сергей Тарасович Косачев.

В салоне было тепло и уютно, в тусклом ночном освещении отчетливо вырисовывались лица пассажиров. Кое-кто уже спал, другие тихо разговаривали, курили, просматривали газеты, ожидали, когда стюардесса принесет горячий кофе. Миловидная девушка с желтыми волосами уже двигалась вдоль кресел с подносом в руках. Охотников закусывать в столь поздний час было немного, и стюардесса, не задерживаясь, проходила дальше с неизменно вежливой улыбкой.

Наконец она приблизилась к Косачеву, остановилась, приветливо наклонилась, желая удобнее поставить чашку, но вдруг заметила, что пассажир дремлет, и не стала тревожить его.

Но Косачев вовсе не спал, хотя глаза его в этот момент были закрыты.

Он не мог ни уснуть, ни даже вздремнуть, беспокойно думал о предстоящей встрече с министром, старался догадаться, зачем его вызывают в Москву. Почему такая срочность, что за важное дело? Только вчера утром он разговаривал с министром по телефону о корректировке плана, и министр ни слова не сказал о поездке, даже не сделал никакого намека. И вдруг в конце дня раздался звонок из министерства. Показалось странным, что звонил не сам министр, а его помощник.

— Сергей Тарасович,— сказал помощник спокойно и вежливо,— Павел Михайлович просит вас срочно вылететь в Москву.

Для Косачева этот вызов был неожиданным.

— Соедините меня с министром,— попросил Косачев.

— Павла Михайловича нет на месте, он в Совмине. Просил передать, чтобы вы непременно завтра прибыли к нам.

— Какие материалы брать с собой?

— Ничего не сказал.

— Хорошо, завтра буду,— закончил разговор Косачев и с досадой опустил трубку.

Он любил ясность в делах и в отношениях с людьми. Надо же знать, зачем вызывают в Москву, что за срочный вопрос и к какому разговору готовиться? Может, все-таки поздно вечером стоит позвонить министру и

узнать, в чем дело? «А может, он специально вызывает через помощника, чтобы я не задавал вопросов, на которые у него самого еще нет ответа? Разговор, видимо, серьезный, по телефону ничего не решишь».

Перед самым вылетом Косачев все-таки не выдержал, позвонил в министерство, но министра все еще не было на месте, а помощник ничего нового не добавил.

Косачев предчувствовал, что встреча будет непростая. Министр не из тех, кто попусту отвлекает директоров от дела. Вызывает, значит, что-то задумал. Внезапность в подобных разговорах помогает тому, кто начинает первым. Однажды министр вот так же пригласил его срочно к себе посоветоваться по кадровому вопросу да и забрал у Косачева главного инженера, назначив директором нового завода в Сибири. Ловко поймал на слове, деваться было некуда. Или в прошлом году. Косачев до сих пор не может отделаться от того тяжелого чувства, которое осталось у него на душе после прошлогодней истории с испытанием новых опытных труб. Хотел сделать тихо, а шума получилось много. Не спрашивая разрешения министра, даже не поставив его в известность, Косачев послал свои опытные трубы на трассу Газстроя, чтобы проверить их прочность на деле. Думал: пройдет все как надо, тогда и доложу министру. Поздравляйте, мол, с победой. Надеялся на шик, а получился пшик. Ужасно неприятное дело, до сих пор душа болит.

«Зря не поддержали меня с экспериментом,— думал Косачев.— Время покажет, кто прав, у нас все по науке, и с экономической стороны выгодно, для государства польза. Жаль, что я не сумел убедить министра, видно, в запале больше на эмоции нажимал, а веских аргументов не хватило. Вроде по-разному смотрим на это дело. Министр так и не ответил на мою записку, видно, изучает мое сочинение. Неудобная ситуация получается: министр стоит на своем, а я вроде отсиживаюсь в кустах. Интересно, зачем же теперь вызывает меня уважаемый Павел Михайлович? Может, дошли до него слухи, что я не успокоился и продолжаю экспериментыр? Помнится, тогда он назвал мою операцию позорнейшим конфузом, предложил прекратить рискованные дорогие опыты, хотя я провожу их за счет внутренних резервов. Так-то оно так, но все же к этому можно придраться, да еще

как! А если в самом деле кто-нибудь написал жалобу и министр не примет мою сторону? Опять биться об стенку головой? Нет уж, у меня есть запасной ход. Хватит, надоело! В прошлом году я спасовал, а теперь будет помоему: если навалится, начнет нажимать — уйду. Вот так! Заявление в кармане лежит, хрустит под рукой. Тогда я только заикнулся о пенсии, а теперь, в случае чего, выну заявление и положу на стол!»

Косачеву не давала покоя старая история, которая все еще продолжалась и, по его мнению, была причиной сегодняшнего вызова к министру.

Вспомнились подробности той дерзкой попытки, которую в прошлом году министр назвал «позорнейшим конфузом».

Как опытный инженер и руководитель большого промышленного предприятия, отдавший много лет и сил трубопрокатному делу, Косачев хотел, в конечном итоге, добиться полной слаженности в работе всех звеньев завода при обеспечении безукоризненности качества основной продукции. Но сделать это никак не удавалось до конца. В последние годы заводу вменялось в обязанность выпускать из отходов сортового стального листа всякого рода металлические емкости, вроде цистерн для заправочных автомашин, молоковозов, цементовозов, газгольдеров для химической промышленности.

Этот дополнительный объем работ неукоснительно вменялся заводу в целях рационального использования отходов стального листа, которые возникали при производстве основных видов изделия и скапливались в большом количестве на складах. Чтобы не тратить больших средств на транспортировку этих отходов на другие предприятия страны, Косачев сам в свое время предложил изготовлять емкости здесь же, у себя на заводе.

Поскольку завод выполнял заказы такого рода быстро и на высоком качественном уровне, у него появилось все больше новых заказчиков. Завод изготавливал в большом количестве различные емкости для транспортировки и хранения бензина, керосина, солярки. Особенно острая нужда была в автозаправщиках в период уборки урожая. Понимая всю необходимость выполнения таких заказов, Косачев вместе с тем не желал ни на йоту ослаблять основное профилирующее направление производства.

Как-то в дружеском разговоре Косачев сказал о себе:

— Когда я оглядываюсь на пройденный жизненный путь, я вижу длинную ступенчатую лестницу, ведущую в гору, по которой я поднимался вместе с заводом. Сначала был у нас один маленький цех, потом построили еще один, вскоре возвели два новых корпуса, потом еще три цеха и три корпуса. Так и будет тянуться эта лестница вверх, и всё будут прибавляться ступеньки и при нашей жизни и после нас.

Косачев любил движение вперед, не терпел успокоенности и застоя. Никакие трудности не останавливали его, он постоянно выдвигал новые идеи, изобретал, искал, тормошил всех вокруг.

Еще с давних студенческих лет Косачев мечтал создать такое идеальное комплексное производство, чтобы оно работало без отходов, в данном случае он видел возможность обеспечить технологию изготовления труб при максимально емком использовании стального листа, получаемого с прокатных заводов. При такой технологии Косачев мог бы полностью сосредоточить все силы инженеров, мастеров и рабочих на главных задачах завода и сделал бы новый шаг к повышению качества и надежности выпускаемой продукции.

Об этом он неоднократно писал в главк, в министерство, пытался обосновать свою идею, но так как проблема долгое время не решалась, а с завода не снимали план по изготовлению емкостей из отходов, Косачев самостоятельно начал эксперименты по отработке технологии изготовления из обрезков стального листа двухшовной трубы большого диаметра. Он имел свои планы: освоить это дело в принципе, а потом вытеснить побочный для завода ассортимент и выпускать из цельного листа новые крупнокалиберные трубы, которые нужны народному хозяйству.

На свой риск и страх, в течение нескольких лет, не торопясь, Косачев оборудовал экспериментальный цех, собрал группу специалистов, упорно подступался к решению заманчивой инженерно-технической задачи. Регулярно выполняя основной заводской план, Косачев всегда умел изыскать из внутренних резервов необходимые средства для задуманного эксперимента, постепенно построил один стан, потом второй и третий, подготовился к сооружению целой линии, твердо веря, что затеянное

дело имеет большую перспективу на будущее. Шли серьезные и основательные опыты, все строилось на научной базе. Дело продвигалось так успешно, что уже в прошлом году удалось по-настоящему сварить несколько экспериментальных труб, которые Косачев без ведома министерства рискнул отправить на испытание на участок Газстроя. И хотя это, как известно, кончилось конфузом, Косачев не сдался, продолжая эксперимент.

Косачев знал, что прошлогодний конфуз у многих подорвал веру в двухшовную трубу. Не только в министерстве, но и на заводе многие скептически стали смотреть на это дело. Правда, заводские работники открыто не выступали против, никто не чинил препятствий. Иные рассуждали так: раз у истоков этого дела стоит сам Косачев и является главным заводилой, так пусть он и отбивается своими силами, характер у него твердый, настырный, его просто не сломишь, он любую стену пробьет, докажет свое.

Однако, когда заходил серьезный разговор, возникали горячие споры, иные высказывали возражения прямо в лицо Косачеву. Как всегда, выявлялись и сторонники и противники, выдвигались серьезные возражения, но Косачев закусив удила яростно спорил со скептиками.

— Не рискованно ли с двумя швами? — возражали осторожные люди.— Такого еще не было.

— Не было, так будет,— твердил Косачев.— Вы понимаете, какие выгоды это сулит заводу? Да и не только заводу — всему государству! Мы с вами без особых капиталовложений колоссально увеличим эффективность производства и дадим народному хозяйству совершенно новый вид продукции и, конечно, при этом обязаны обеспечить высокое качество.

— Мы государству и так даем, что положено,—говорил заместитель главного инженера Вячеслав Иванович Поспелов.— Зачем суетиться, искать, выдумывать, когда у нас и так дел по горло. Завод на хорошем счету, дела идут отлично, чего нам не хватает? От добра добра не ищут, Сергей Тарасович. Техническая революция обязывает нас совершенствовать дело.

— И искать новые пути,— перебил его Косачев.— Непременно искать, уважаемый Вячеслав Иванович. Искать и двигать вперед наше дело, вот к чему нас обязывает время.

В разговор вмешался главный инженер Кирилл Николаевич Водников.

— Я не согласен с вами, Вячеслав Иванович,— возразил он своему заместителю.— Мне лично всегда представлялась идея Сергея Тарасовича о двухшовной трубе весьма интересной. Вы отмахиваетесь от нее, ссылаясь на техническую революцию, а я думаю, что именно такой подход к делу, о котором говорит Сергей Тарасович, собственно, и является одним из конкретных выражений сущности технической революции. Здесь сама жизнь соединяет науку с производством. Я целиком и полностью за проект Косачева.

— Я тоже не против,— вдруг возразил Поспелов.— Только не люблю суеты, нам и так неплохо живется.

— Суета, говоришь? — сверкнул глазами Косачев.— Надо различать суету от беспокойства. Суета — пустое дело, а беспокойство — это, брат, вечный двигатель жизни.

— Двигатель,— усмехнулся Поспелов.— В прошлом году нас так двинуло, что до сих пор кое-кто смеется.

Косачеву не понравились эти слова, он оборвал Поспелова:

— Острить всякий умеет. Делом надо заниматься и не прятаться в кусты при первой неудаче. За битого двух небитых дают.

Косачев почему-то вспомнил теперь этот разговор с Поспеловым и словно увидел усмешку упрямого инженера и услышал сказанные с подковыркой слова: «Двигатель... В прошлом году нас так двинуло...»

Тогда Косачев срочно вылетел в Москву, чтобы лично объяснить ситуацию с трубами, явился к министру.

— Все партизаните? — с упреком сказал министр, протягивая Косачеву руку.— Что у вас там творится?

Они были один на один в кабинете и, как старые товарищи, говорили прямо, без лишних предисловий и иносказаний.

Павел Михайлович вышел из-за стола, сел рядом с Косачевым на диване, как бы подчеркивая свою доброжелательность и миролюбие.

— Нехорошо получилось с трубами,— вполне официальным тоном говорил министр.— Дело пустяковое, а резонанс большой. Вся Москва оборвала мне телефоны: что это, говорят, с Косачевым? Правда, что в лужу сел со своими трубами?

— Прямо уж вся Москва? — усомнился Косачев.

— И не только Москва. Из других городов спрашивали. До Свердловска и до Горького слухи дошли. Все удивляются: завод, мол, первоклассный, всему миру известный, а с трубами конфуз. Пришлось успокоить, объяснять, что это за трубы. Новый, мол, сорт, личное изобретение Сергея Тарасовича.

Косачев с обидой покачал головой.

— Смеяться, конечно, можно. Я не оправдываюсь, поспешил и людей насмешил. Однако, скажу вам, Павел Михайлович, дело это все же серьезное. Выгода для завода и государства бесспорная.

— Зря ты хвастаешься,— сказал министр.— Чего тут геройствовать? Тратите впустую ценнейшую сталь.

— Это же отходы,— объяснил Косачев.

— Вам уже давно четко указано, что нужно делать из этих отходов, а вы самовольно, без необходимых расчетов, делаете ваши трубы и позоритесь перед людьми.

— Да что тут страшного? — пожал плечами Косачев.— Допустили промах — сами же исправим. Мы свое дело доведем до конца, дайте срок. Не всякая удача с первого раза бывает. Мы не в игрушки играем, двухшовную трубу обязательно сделаем.

Министр слушал Косачева, смотрел на него в упор и с ироническим укором покачивал головой. Прервал собеседника, мягким, дружеским тоном сказал:

— Скажи мне, я правильно понял ситуацию, Сергей Тарасович? Ты хочешь наладить такое производство труб, чтобы не оставалось отходов стального листа, и таким образом отделаться от изготовления цистерн и прочих емкостей?

— Да, Павел Михайлович,— подтвердил догадку министра Косачев.— Это правда. Я мечтаю добиться абсолютной специализации завода при оптимальном использовании стального листа, предназначенного для нашей главной профилирующей продукции. Это — первое. А второе, скажу откровенно, меня всерьез захватила идея создания двухшовной трубы большого диаметра, и я уже почти на пороге решения этой задачи. Вы не хуже меня знаете, что такие трубы нужны нашему народному хозяйству не меньше, нежели эти емкости, которые мы выкраиваем и шьем, как шьют лоскутные одеяла из обрезков.

Министр молча встал, прошелся вокруг стола и сел в свое кресло. Строго взглянув на Косачева, сказал официальным тоном:

— Сергей Тарасович, у себя на заводе можно забавляться экспериментами сколько влезет, а высовываться с негодными трубами на люди и потешать честной мир непозволительно. Кажется, должен понять, как подвел самого себя, меня и министерство.

Косачев откинулся на спинку дивана, спокойно посмотрел на министра, с легкой иронией спросил:

— Это что же, Павел Михайлович, выговор мне даешь или как?

— Как хочешь, так и понимай,— сказал министр, не обращая внимания на иронию Косачева.— Благодарить за такой конфуз я не намерен. Всему бывает предел, Сергей Тарасович. Я нисколько не скрываю, что сочувствую вашим экспериментам, дело, мне кажется, стоящее, вполне полагался на тебя, как на серьезного человека. Но что касается твоего намерения отделаться от производства емкостей, я категорически заявляю, что сегодня так ставить вопрос нельзя. Производство этих емкостей нам вменено государственным планом, и мы обязаны неукоснительно выполнять указание.

— Разве я срываю план? — сказал Косачев.— Не было и не будет случая, чтобы у меня на заводе завалили государственное задание. Я же смотрю на дело в перспективе. Надо же когда-нибудь эти заказы на емкости разместить на других предприятиях, не в ущерб основным профилирующим направлениям производства.

— Мы ведь не удельные князья,— сказал министр.— Надо подходить к делу не только с позиций одного завода или одного министерства, у нас большая страна, и мы обязаны думать об интересах всего государства. Не хочу читать тебе политграмоту, сам все знаешь, и за трубы и за молоковозы сегодня с тебя спрос один. Придет время, изменится ситуация, тогда, может, и внесем коррективы в нашу жизнь. А партизанить нельзя. Как ты сам выглядишь после этого? Да и я вместе с тобой? А мы, кажется, уже давно не мальчики.

Министр замолчал, стал закуривать, щелкая зажигалкой, которая не сразу зажглась.

Не поднимаясь с дивана, Косачев в досаде сказал:

— Выходит, сиди и не рыпайся? Не люблю я ждать,

Павел Михайлович, ты знаешь. Хочется каждый день жизни истратить не на ожидания, а на действия. А жизнь, оказывается, удивительно короткая штука. Верно, мы и в самом деле давно не мальчики. Мне уже шестьдесят третий пошел.

Министр посмотрел на Косачева, поднялся, вышел из-за стола, вернулся к дивану, сел рядом с Сергеем Тарасовичем.

— Устал, дружище? Может, на пенсию захотел?

— А что? — с вызовом бросил Косачев.— Писать заявление?

— Не горячись,— засмеялся министр.— Ты неправильно меня понял.

— Да что понимать! — нахмурился Косачев.— Я специально прилетел, чтобы объяснить положение дел и заверить, что в конце концов мы сварим настоящие трубы.

— Обиделся, что встретил тебя выговором? — спросил министр.

— Меня интересует судьба нашего экспериментального цеха. Не закрывайте, Павел Михайлович.

— Да с чего ты взял, что мы хотим закрыть цех?

— А выговор?

— Это — за самовольство. Спешишь поразить мир, торопишься, как мальчишка.

— Нельзя же без риска.

— Легкомысленно это, Сергей Тарасович. Учти наперед и будь осторожней. Возвращайся на завод, веди дело как знаешь, да только не ослабляй внимания к емкостям, иначе мы крепко поссоримся. И новыми трубами обязательно занимайся, да только с умом, без артиллерийских залпов.

— Пустякового срыва испугались? — сказал Косачев с укором.— А какой у меня народ, как верит в это дело! Приехали бы, поговорили с рабочими,— не ругать нас надо, а благодарить.

— Ты же сам прискакал под горячую руку, вот и влетело тебе,— пошутил министр.— Я ведь тоже ночами не сплю, о многом думаю. И конечно же и о трубах, не забываю и молоковозы. Все, брат, нужно, все важно. И если честно признаться, твоя идея двухшовной трубы мне нравится. Продолжай эксперимент, но только без партизанских фейерверков. Пойми меня правильно, Сергей Тарасович, не обижайся.

Косачев слушал Павла Михайловича нахмурившись. Дело было совсем не в обиде. Косачеву не нравилось, что министр не понял его так, как хотелось ему, Косачеву. Жаль, что за этим неприятным происшествием с трубой министр увидел только одно — желание Косачева освободиться от емкостей. Это же совсем не так. Косачев хочет добиться такой идеальной комплексной работы завода, при которой не было бы никаких отходов металла, чтобы специалисты и рабочие не отвлекались ни на какие побочные, случайные поделки и всецело занимались бы главным делом завода, создавая продукцию высшего класса.

Косачеву хотелось точнее рассказать Павлу Михайловичу о том, что у него на душе, до конца объяснить все детали, чтобы министр правильно понял его, но самые нужные слова не приходили на ум в ту минуту, и он не стал продолжать этот разговор.

Чтобы официально закончить встречу с министром, Косачев сказал:

— Давайте приказ, Павел Михайлович, что не возражаете против эксперимента. Официальную бумагу на бланке с печатью. Уж я-то развернусь, будьте уверены, только потом не прорабатывайте меня.

— Пожалуйста,— сказал Павел Михайлович.— Получите любую поддержку. Если нужен приказ, завтра же подпишу.

Они мирно попрощались, и Сергей Тарасович с добрым чувством ушел из министерства.

Вспомнив о том разговоре с Павлом Михайловичем, Косачев и теперь все еще не мог понять, до конца ли был ясен министру косачевский замысел о двухшовной трубе. В первые минуты разговора министр был искренне взволнован самовольством Косачева и неудачной попыткой испытать трубы на трассе Газстроя. Но потом разговор принял иной оборот. Павел Михайлович, кажется, в общем-то выразил безусловное понимание всей важности задуманного Косачевым эксперимента. Однако почему же министр так и не прислал обещанного приказа об экспериментальном цехе и не ответил официальным письмом на записку Косачева, которую он послал недели две спустя? Правда, по телефону министр как-то сказал: «Вашу записку изучаем. Дело серьезное».

Косачев с какой-то внутренней настороженностью

думал о предстоящей встрече с Павлом Михайловичем. Что будет на этот раз? Кажется, ничего экстраординарного на заводе не произошло, основной план выполняем, по емкостям — тоже. Может, недоволен, что втихаря продолжаем эксперименты, не получив приказа? Или считают, что тратим много денег? Если и теперь будет выговаривать и начнет намекать на пенсию, я прямо скажу все, что думаю, возьму и положу на стол заявление.

Сохраняя внешнее спокойствие, Сергей Тарасович поднимался по парадной лестнице, ступая по мягкому ковру. Он весь напружинился, приготовился к трудному, а может быть, и неприятному разговору.

В приемной Косачева не задержали ни на минуту. Секретарша приветливо улыбнулась и, повернув голову к прикрытой двери, сказала:

— Входите, пожалуйста, Павел Михайлович ждет.

Немного сутулясь и прищуривая глаза, министр протянул гостю обе руки и полушутливо, дружески сказал:

— Все-таки прилетел? Молодец! Я опасался, что не прорвешься в такую погоду, а дело не терпит.

Косачев поздоровался, скользнул острым взглядом по кабинету. «Никого, кроме министра, нет. Рано еще, или так нужно?»

— Чудной вы народ, москвичи,— полушутливо заговорил Косачев.— Всегда у вас срочные и сверхсрочные дела. Снуете, как челноки в ткацком станке.

— Такой век, космические скорости, Сергей Тарасович. Ты завтракал? — спросил гостя хозяин кабинета.— Хочешь чаю?

— Спасибо, я успел закусить.

— Значит, не будем терять времени, приступим к делу. Садись.

Министр обошел широкий стол коричневого дерева, остановился у кресла, подождал, пока Косачев уселся напротив, достал из кармана сигареты.

— Закурим?

— Бросил я эту забаву,— сказал Косачев, ожидая, когда же начнется главный разговор.

— А я, грешный, никак не могу бросить. Воли нет.

Павел Михайлович закурил, сел в кресло и положил руки на зеленое сукно стола.

— Догадываешься, зачем тебя позвал? — спросил министр, дружелюбно глядя на Косачева.

— Нет, Павел Михайлович, не знаю.

— Небось учуял? Хитришь?

— Не умею разгадывать тайны.

— Какие у нас тайны? — сказал министр.— Не успеешь кого-нибудь освободить или назначить, как в коридорах уже знают. Новость подобна электрическому заряду и распространяется с такой же быстротой, только не по проводу, а от сотрудника к сотруднику. Один что-то услыхал от кого-то, передал другому, тот третьему, и пошло...

Косачев слушал голос министра и думал про себя: «Что это он говорит? Освободить, назначить? Опять о пенсии вспомнит».

— У нас есть такие ловкачи, особенно среди командированных, вмиг все пронюхают. Не успеет приехать, обойдет все кабинеты, одному вопросик задаст, другого о чем-то спросит и все мотает себе на ус, какая, мол, ситуация на сегодняшний день.

— К чему это вы, Павел Михайлович? — прищурился Косачев.— Я прямо с самолета к вам.

— Ну не знаешь, так не знаешь. Прямо скажи: балуешься еще двухшовной трубой? Не испугался прошлогоднего выговора?

Косачев решил отвечать осторожно:

— Продолжаю эксперименты, Павел Михайлович. Как договорились с вами.

Его лицо становилось серьезным, он сосредоточивался на какой-то важной мысли. Предварительные слова уже были сказаны собеседнику, кажется, пора было переходить к самому главному, ради чего министр вызвал Косачева в Москву.

Косачев молча смотрел на министра, ждал, когда он заговорит.

Министр сделал два-три шага вдоль стола, вернулся обратно, сел ближе к Косачеву и, наклонясь к нему, заговорил доверительным тоном.

— Должен сообщить тебе, Сергей Тарасович, важную и приятную новость,— чуть громче прежнего и торжественнее сказал министр.— Правительство сочло воз-

можным освободить ваш завод и ряд других трубных заводов от производства емкостей, которыми теперь займутся другие предприятия.

— Есть решение? — спросил Косачев.

— Решения еще нет, но серьезно готовится. И как раз нашему министерству дано задание подготовить все расчеты и предложения по расширению трубопрокатного дела. Мы тут досконально изучили твою записку о двухшовной трубе, пока не беспокоили тебя, а теперь прошу засучить рукава, включать рычаги на всю железку. Хватит тянуть резину.

— Поясните конкретнее, Павел Михайлович, что вы имеете в виду?

— Твои знаменитые двухшовные трубы большого диаметра. Как видишь, настал твой час,— сказал министр.

— Что же получается, Павел Михайлович? Я столько лет добивался, стучал во все двери, вы же сами сдерживали,— Косачев не упустил случая упрекнуть министра.— А теперь меня же винишь в медлительности,— разве я тяну резину?

— Да не спеши ты наперед батьки в пекло,— прервал его министр.— К этому делу надо подступаться серьезно. Ты интересные соображения написал в своей докладной, но там много общих рассуждений и мало конкретных расчетов. Прошу тебя, возьми записку, посиди над ней со своим заводским штабом еще месяц или два и представь убедительный экономический расчет эффективности производства изобретенных вами крупнокалиберных труб с двумя швами. Максимально используй весь свой личный опыт и знания твоих инженеров. Ты же крупнейший специалист в этом деле.

— Спасибо, Павел Михайлович. Выходит, признали. А я всю дорогу терялся в догадках: зачем, думаю, министр вызывает. Оказывается, вон как повернулось. Это же здорово получается, черт возьми! Ну что же, я готов. Дайте нам средства, и мы в самый короткий срок при высоком качестве сделаем двухшовную трубу.

— Подожди ты со средствами! Сначала давай научно обоснованный и производственно реальный расчет. Ты понимаешь ответственность предложений? Все будет рассматриваться в ЦК и в правительстве.

Косачев в волнении шагал по кабинету, прошел от стола к окну, вернулся и остановился перед министром.

— В принципе все продумано, Павел Михайлович. Если возьмемся всерьез, обеспечим выпуск в самый короткий срок. Дайте только команду, мы давно готовы.

Стараясь смягчить пыл Косачева, министр подошел к нему и, положив руку на плечо, спокойно сказал:

— Пускаться в бег с закрытыми глазами? Этого никто не разрешит, пока не будет ясна программа наших общих действий.

— Какая программа? Прожектов много, а таких труб, как мы предлагаем, ни у кого нет, Павел Михайлович.

— Откуда у тебя такая уверенность? — поддел Косачева министр.— Ты что, умнее всех?

— Мы же не только на бумагах чертили, а кое-что сделали реальное.

— Вот именно, «кое-что». А сейчас речь идет не о том, чтобы залатать какую-то прореху или щегольнуть оригинальностью. Правительство принимает меры, чтобы решить вопрос перспективно и полностью обеспечить народное хозяйство трубами любого диаметра и самого высокого качества.

— Я так и понимаю. Это задача в целом. А если смотреть с позиции нашего завода, так мы готовы.

Министр с укором взглянул на Косачева, жестко сказал:

— Забыл пословицу: «Кто спешит, тот людей смешит»? С тобой, кажется, бывало такое?

Министр неожиданно засмеялся с такой искренностью, как озорной ребенок.

— Помнишь, Сергей Тарасович? «Позорнейший конфуз»?

— Это пройденный этап, нечего вспоминать,— упрямо сказал Косачев и тоже рассмеялся.— Мы учли ошибки, сменили оборудование, теперь совсем другое дело. Честно говорю. Наше предложение продуманное.

— Ты пойми, Сергей Тарасович,— перебил министр,— то, что можно сделать у вас на заводе,— это только первый шаг. Нам нужно развивать трубопрокатное дело по всей стране.

— Я понимаю, что делаю первый шаг,— горячился Косачев.— Хочется же по-хозяйски, скорее и дешевле.

— И лучше,— добавил министр.

— Само собой. Я рад, Павел Михайлович, что дело оборачивается таким образом. Можно считать, что мы договорились? Уверяю вас, завод не подведет. За расчетами дело не станет, пришлем. Сами увидите, многого не запросим, все возможное сделаем своими силами, взвесим реально, с пониманием обстановки.

Косачев глубоко опустился в кресло, подобрел, с охотой начал рассказывать о заводских делах, о людях, о своих планах. Министр внимательно слушал его, изредка перебивал, задавал вопросы. Они так разговорились, что просидели вдвоем еще более часа.

Наконец Павел Михайлович стал прощаться, с доброй улыбкой протянул руку Косачеву.

— Прошу тебя, Сергей Тарасович, не вноси излишнего азарта в это дело. Больше спокойствия и мудрости. Действуй смелее, готовь развернутые расчеты, только поменьше эмоций и лирики, побольше солидных аргументов. Пока ничего не меняй на заводе, план остается прежним. Примерно через месяц расчеты должны быть представлены в правительство. Если твой проект одобрят, дадут и деньги, и все, что потребуется.

Из Москвы Косачев возвращался в хорошем настроении. О таком повороте дела он не смел даже мечтать еще вчера, отправляясь к министру. И салон самолета казался ему просторным, и кресло — мягким, и пассажиры — особенные, приветливые. На этот раз он с удовольствием выпил кофе, съел бутерброды. Усевшись удобно в кресле, отдыхал, как после удачного трудового дня.

Пробовал закрыть глаза, долго лежал неподвижно, пытаясь вздремнуть, но сон не брал его. Наконец услышал голос стюардессы, которая просила пассажиров пристегнуть ремни. Косачев поднял голову, распрямил спину, с волнением подумал, что через несколько минут он покинет самолет и начнется новый этап в его жизни.

Косачев наклонился к иллюминатору, стал смотреть через стекло. Самолет уже шел на снижение. Зоркий и цепкий взгляд мгновенно уловил целиком всю картину внизу: громадные заводы, жилые кварталы, стадион, кинотеатры, мосты через реку, вокзал, больничный горо-

док, парк культуры — словом, все, что было построено за три десятка лет многими людьми и самим им, Косачевым, на этом обозримом земном просторе. И вдруг он вспомнил тот далекий пасмурный день, когда впервые летел над этим клочком земли на неказистом самолете У-2, болтавшемся в воздухе, как детская люлька. Тогда самолет летел так же низко, но с меньшей скоростью. Внизу была совсем иная картина: глинистые овраги, две-три дымящиеся трубы кирпичного и цементного заводов, дровяные склады, муравьиный рой копошащихся в котловане землекопов, деревянный сарай-вокзал в тупике железнодорожной ветки да чернеющие в Заречье кондовые избы, разбросанные на бугре у береговой излучины. Теперь здесь все переменилось, и только река течет по прежнему руслу да озеро стоит на том же месте, в окружении высоких сосен.

Неторопливо натянув шубу, надев мохнатую шапку, Косачев взял портфель, направился к выходу. Как только вышел из самолета и ступил на трап, увидел среди встречающих несколько знакомых лиц, в стороне от других заметил своего шофера Семена Герасимовича, подогнавшего машину прямо на бетонное поле аэропорта.

Шофер поздоровался с Косачевым, открыл дверцу машины. У Косачева были усталые глаза, бледное, осунувшееся лицо.

— С благополучным возвращением, Сергей Тарасович. Все хорошо?

— Порядок. Давай, Герасимович, жми на завод,— сказал Косачев непривычно глухим, слабым голосом.

Из аэропорта ехали небыстро вдоль реки по шоссе. Дорога была разбитая, скользкая, в долине над речкой тянулся туман. Шофер вел машину осторожно, сбавляя и придерживая скорость. Косачев недовольно скосил на него глаза, заерзал на сиденье: он любил быструю езду. Машина, набирая скорость, пошла быстрее, быстрее. И вдруг от неожиданного толчка Косачева тряхнуло, он уронил голову на грудь, откинулся на сиденье, все потемнело в глазах. Он потерял сознание. Шофер резко затормозил, остановил машину, выскочил на шоссе, стал звать на помощь людей.

2

Косачева доставили в больницу с сильным приступом стенокардии. Он постепенно пришел в себя, удивленно смотрел на людей в белых халатах.

Врачи осторожно щупали его руки, ноги, отходили в сторону, и новые лица появлялись у койки. Потом один за другим стали расходиться, в палате осталось несколько человек. Продолжительное время стояла тишина. Наконец кто-то осторожно кашлянул, наклонился над Косачевым, сказал:

— Ничего, голубчик. Дышите поглубже, вот так...

Потом заговорил другой голос, громче и смелее.

— Придется вам, Сергей Тарасович, немного полежать,— говорил над ухом Косачева старый врач Борис Захарович, низкого роста человек с белой шапкой волос, с добродушным розоватым лицом.

Косачев вопросительно посмотрел на старого человека, узнал его и сердитым, раздраженным тоном прервал:

— Нечего мне разлеживаться, доктор. Не смотрите на меня так жалостливо. Я не беспомощный ребенок, зачем мне больница? У меня срочные дела на заводе. Зачем я здесь?

Он сделал усилие, попытался подняться с койки, но сразу же сморщился от боли, затих.

— Лежите, лежите, голубчик. Мы обязаны тщательным образом исследовать ваше здоровье. Сделаем кардиограмму, анализы. Так уж положено.

Косачев отвернулся от доктора, чувствуя неприятное кружение и шум в голове. Почему-то все предметы и потолок странно покачивались, будто вот-вот упадут...

Косачеву дали лекарство, оставили одного в палате, и он вскоре уснул.

Прошел день, два, самочувствие Косачева улучшилось, все, как ему казалось, пришло в норму, но врачи почему-то не выписывали его из больницы, категорически запрещали ему вставать. Косачев же хорохорился, посмеивался над собой и над врачами:

— Да что вы колдуете надо мной? Я совершенно здоров.

— Конечно, конечно,— соглашались врачи.— Но ради предосторожности надо потерпеть. Завод никуда не

денется, дело не станет. Здоровье дороже всего, потеряешь — не найдешь.

По утрам приходила жена Клавдия Ивановна и семнадцатилетние дочери-двойняшки — Маруся и Женя. Клавдия Ивановна бодрилась, вынимала из сумок домашнюю еду, раскладывала, ненатурально спокойным голосом рассказывала новости. А девочки, не умея скрыть свой испуг и тревогу, жалостливо смотрели на отца, стояли перед ним непривычно притихшие, смирные.

Больница угнетающе действовала на Косачева. Человек не робкого десятка, любящий риск, он, к своему стыду, вдруг почувствовал затаенный страх перед больничной тишиной, запахом лекарств, холодной белизной мебели, постельного белья, халатов и бесшумно притворяемых дверей. Он тоскливо смотрел на голые стены, на свинцовые стекла широкого окна, досадовал и хмурился. Как будто назло кто-то придумал ему такое испытание. Черт знает, что получается! Всю жизнь мечтал делать трубы, годами добивался своего, наконец ему сказали: делай, а он не может, свалился с ног! Жертва нелепого случая? Не-ет, с этим смириться нельзя!

Через всю жизнь пронес Косачев свою влюбленность в трубы, которая зародилась в его душе в далекие студенческие годы. На каком бы посту ни работал — мастером, начальником цеха, директором завода,— он всегда затевал какие-то эксперименты, спорил с инженерами, выявлял сторонников, собирал надежную команду «трубачей», как он любил говорить в шутку. Многие добродушно подсмеивались над этим увлечением директора и принимали как должное тот факт, что на заводе незаметно возник экспериментальный цех, который из года в год расширялся. Работники этого цеха под личной опекой директора, одержимые его идеей, настойчиво искали, изобретали, пробовали. Косачев любил говорить, что без поисков и экспериментов может наступить застой даже в хорошо налаженном производстве, ибо жизнь, как известно, не стоит на месте и в своем движении увлекает все за собой.

Косачев беззаветно отдавался своему делу, привязывался к заводу, как к дому, но он никогда не закрывался от мира глухим забором. Каждый год выбирал время поездить по стране, обязательно успевал осмот-

реть новые заводы, иногда заглядывал на старые, сравнивал прошлое с настоящим.

Как-то в середине пятидесятых годов Косачеву довелось побывать на строительстве огромного металлургического завода, где возводились корпуса прокатного цеха по проекту талантливого инженера Пронина, который когда-то работал у Косачева. Завидно было смотреть на гигантский размах стройки, на замечательное современное оборудование.

— Если бы мне такое хозяйство, я бы горы свернул,— сказал тогда Косачев Пронину, не скрывая зависти.— Нам же приходится все достраивать да пристраивать, обновляться на ходу, ни на минутку не прекращая выпуск продукции, повышая качество. Будь у меня такой новый заводище, я таких бы труб наделал, что удивил бы мир.

— Ты абсолютно прав, Сергей Тарасович,— согласился Пронин.— Я часто вспоминаю ваш завод и каждый раз удивляюсь, какие чудеса вы там творите. Честно говорю, без лести. Нам, людям более молодого поколения, есть чему поучиться у старой гвардии.

Косачеву было приятно слушать такие слова от умного инженера.

— Перебирайся ко мне, коли нравится, с удовольствием приму на самую высокую должность...

Глядя на высокий белый потолок, на темное окно, на закрытую дверь больничной палаты, Косачев готов был взорвать эту ненавистную комнату.

«Экая досада! — думал он в раздражении.— В такой момент так глупо споткнуться! Лежать, как бревно? Дудки! Завтра же встану».

На другой день Сергей Тарасович поднялся с постели и упросил главного врача разрешить заводским инженерам хоть ненадолго приходить к нему в больницу для деловых разговоров.

Первым после утренней заводской планерки явился с докладом главный инженер Кирилл Николаевич Водников.

Косачев стоял посредине комнаты в полосатой пижаме, в домашних туфлях и, шутливо разводя руками, показывал свои апартаменты.

— Полюбуйся, Кирилл Николаевич. Никогда у меня не было такого кабинета. Выбирай место, садись.

Водников поискал глазами стул, подвинул к столику, грузно сел, положив на колени темную кожаную папку, стал вынимать бумаги.

— Начнем без предисловий,— сказал Косачев.— Что на заводе?

— Утром звонил министр. Спрашивал о вашем здоровье.

— А еще о чем?

— Интересовался, как идет подготовка материалов о трубах. Я сказал, что работаем под вашим руководством, не сомневаемся в успехе. Для нас это дело не новое, я заверил министра...

— Ладно, я сам ему позвоню,— перебил Косачев Кирилла Николаевича.— На днях позвоню. Мне даже както неловко перед ним. Было время, когда он сам удерживал меня, а теперь он просит, а я лежу. Парадокс! Надо спешить, Кирилл Николаевич, я всегда рассчитывал на вашу поддержку и сейчас особенно прошу...

— Да что вы, Сергей Тарасович? Я и без просьб со всей охотой. Только вот прошлогодняя история с трубами не выходит из головы. Поспешили, и сами знаете...

— Мы же с вами и тогда понимали, что шли на риск. Та партия опытных труб была изготовлена нами фактически полукустарным способом, мы работали почти вслепую, с помощью примитивных временных приспособлений.

— Это верно,— согласился Водников.

— А если теперь мы своими обоснованными расчетами докажем перспективность нашего способа, и правительство в принципе утвердит проект, даст средства, придется в кратчайший срок полностью перестроить экспериментальный цех и фактически превратить его в филиал завода. Мы подтолкнем листопрокатчиков, откроем перспективы строительства новых трубных заводов, обеспечим первоочередные линии трубопроводов.

Водников давно знал и хорошо понимал замысел Косачева, но такой широкой перспективы до этого разговора он не представлял. Он внимательно слушал Косачева и, глядя на его лицо, следя за выразительными жестами рук, восхищался энергией и умом этого человека.

— Надо ясно понять,— сказал Косачев, наклоняясь к Водникову,— что если мы добьемся утверждения нашего проекта в правительстве, то тем самым возьмем на

себя и огромную ответственность. Легкой жизни не будет. Пойдут трудные дни, бессонные ночи.

— А когда у нас не было трудных дней и бессонных ночей? — с доброй улыбкой спросил Водников.

— Верно, Кирилл Николаевич. Живем, как в старой песне поется: «И вся-то наша жизнь есть борьба».

Он смолк и, слегка наклонив голову, долго смотрел на Водникова. Ему нравился этот человек с обветренным открытым лицом, с чуть заостренным носом, слегка впалыми щеками, с выразительными карими глазами, поблескивающими в глубоких впадинах под густыми черными бровями. Он умный, красивый, в его манерах чувствуется воспитанность и интеллигентность. И одевается он элегантно, всегда свежая сорочка, модный галстук, отутюженный костюм, и шляпу умеет носить как-то особенно, можно подумать, что артист. Сколько помнит Водникова Косачев, он, кажется, никогда не выходил из себя, не впадал в истерику в сложных ситуациях. Всегда держится с достоинством, умеет владеть собой и никакого пижонства не терпит. Приятный человек, настоящий мужчина.

— Устали, Кирилл Николаевич? — участливо спросил Косачев.— Задал я вам работу.

Водников улыбнулся и нечаянно уронил на пол папку.

— Извините, Сергей Тарасович,— сказал он, поднимая рассыпавшийся веер бумаг.— Тут срочные документы, нужно подписать.

— Оставьте на столе,— сказал Косачев и протянул руку, прощаясь.— Идите работать.

Но не успел Водников открыть дверь, как Косачев остановил его:

— Я вас прошу, Кирилл Николаевич, торопиться с материалами. Подключите к этому делу вашего зама и всех, всех товарищей. До моего отъезда в Москву нам придется не раз собраться на заводе, у меня в кабинете. Я сообщу, назначу время. Скажите Уломову, пусть подготовит партком.

Водников посмотрел на Косачева с плохо скрываемым удивлением: «Совещание на заводе? Не считаться с докторами?»

Опустив глаза, Водников сказал директору:

— Не беспокойтесь, Сергей Тарасович. Все подгото-

вим, сделаем, как положено. Весь завод уже на ногах, люди знают, с каким заданием вы приехали из Москвы.

Водников покинул Косачева совсем в ином настроении, чем был несколько часов назад, направляясь в больницу.

«Нас голыми руками не возьмешь,— думал он о Косачеве, присоединяя к нему и себя, и других инженеров, и мастеров, и рабочих завода.— И эту гору свернем».

В тот же день вечером в больнице появился секретарь парткома завода Уломов. Прежде чем подняться к Косачеву, он заглянул к главному врачу. Анализы плохие. Высокое давление, сердечные перебои — словом, неприятная картина.

— Что же делать? — спросил Уломов.

Главный врач спокойно ответил:

— Думаю, все обойдется. Постепенно, конечно, не сразу. Не вижу поводов для серьезной тревоги, однако, знаете, возраст и изношенность организма со счетов не сбросишь.

Расплывчатость рассуждений главного врача раздражала Уломова. Он встал со стула, прямо спросил:

— Значит, ничего опасного?

— Надеюсь, да. А впрочем, я не пророк.

— Все-таки, можно навестить Сергея Тарасовича? Я ненадолго. Его, кажется, предупредили.

— Пожалуйста. Только именно ненадолго. И не тревожьте больного вашими сложными проблемами. Я же знаю, что происходит на заводе.

Уломов пробыл у Косачева более часа. Сергей Тарасович не отпускал его, рассказывал подробности разговора с министром, развивая свои планы, о которых уже перед этим говорил Водникову.

— И прошу тебя, включайся в дело, помогай.

— Завтра соберу партком, пусть Водников доложит обстановку. Что передать товарищам?

— Личную мою просьбу, чтобы все засучивали рукава и брались за дело. Остальное сам скажу, скоро увидимся.

Прошло еще несколько дней.

Косачев чувствовал себя хорошо, был в бодром настроении и откровенно «нажимал» на лечащего врача, надеясь выписаться из больницы.

— Что вы меня здесь держите, доктор? У меня ведь железное здоровье.

Старый, опытный доктор дружески сказал Косачеву:

— Знаете, дорогой... И железо изнашивается. А в вашем возрасте, да при такой работе... Помните картину художника Верещагина «Смертельно раненный солдат»? Пуля уже пробила солдату грудь, а он еще бежит в пылу сражения...

— И прекрасно! — сказал Косачев с мальчишеским задором.

— Вот вы и есть такой солдат. Пока еще бежите, а здоровьишку вашему вот-вот конец.

— Ну что вы говорите, доктор!

— Ради вашей же пользы говорю правду. В самый раз вам теперь подлечиться, отдохнуть как следует.

Косачев усмехнулся:

— Работать надо, не отдыхать.

— Всех дел не переделаешь. Есть же предел человеческим силам. Без отдыха — нельзя.

— Что вы имеете в виду? — спросил Косачев, не скрывая досады.— Какой отдых?

— Нельзя столько лет без передышки тащить такой воз, как ваш заводище. Я же знаю вас, Сергей Тарасович, более двадцати лет, вижу, как вы работаете. На износ.

— Вон вы о чем? — засмеялся Косачев.— К смертельно раненным солдатам меня приписали? Бегу, как смертельно раненный солдат? Советуете остановиться? Не-ет, доктор. Бегу и буду бежать. Другого от меня и не ждите.

Косачев повернулся лицом к врачу и посмотрел на него так, будто собирался встать и продемонстрировать свою силу.

Врач смущенно пожал плечами:

— Я от души вам советовал. Поступайте, как знаете. До свидания.

Косачев с досадой посмотрел ему вслед, с обидой хмыкнул.

Косачев и в самом деле считал себя человеком железного здоровья, никогда не жаловался на недуги, не любил врачей, годами не показывался в поликлинике, а когда врачи сами приходили к нему, бесцеремонно вы-

проваживал их, напуская грубоватый тон, будто в самом деле был былинным богатырем.

«Да что они, в самом деле, не выписывают, осторожничают? — раздраженно думал Косачев.— Может, подозревают новую болезнь, темнят?»

Особенно грустно стало на душе, когда один за другим потянулись к нему в больницу на свидание родные, друзья и товарищи. Приносили цветы, сочувственно улыбались и, уходя, подбадривающе говорили:

— Вы молодец, Сергей Тарасович. У вас такой вид, хоть в космонавты записывай.

После таких посещений он хмурился и сердился.

В отличие от других, жена Косачева Клавдия Ивановна держалась мужественно, сама не хныкала и дочерям своим не позволяла раскисать. С дочерьми и женой ему было хорошо. После их посещений он легко переходил к своим постоянным мыслям о главном деле, продолжая обдумывать план действий. Так было и сегодня. Едва закрылась за ними дверь, он мысленно снова был на заводе.

«Надо прежде всего решить вопрос о расстановке людей на будущее,— думал он.— Водникова обяжу лично заниматься проблемой листа. Поспелову поручу сварку. В этом деле он, пожалуй, соображает лучше других, толковый инженер. Правда, любит усложнять всякое дело, да я введу его в рамки, чтобы все постороннее выбросил из головы. Подберет умелых сварщиков, сколотит бригаду. Не забыть сказать ему про Николая Шкуратова. Вовремя возвратился, пускай скорее берется за дело, будет отличным бригадиром сварщиков. У него настоящий талант, надо поговорить с парнем, объяснить ситуацию».

Косачев вспомнил и о своем недавнем намерении взять его с собой на охоту. Да тут же подумал с грустью: «Какая теперь охота?»

Не раз Косачев ловил себя на том, что к Николаю Шкуратову он испытывал какое-то теплое, отеческое чувство, оттого, наверное, что Николай был чем-то похож на его сына, погибшего на войне. Славный был юноша, бойкий, играл на баяне, любил петь. Мечтал стать летчиком, а сгорел в танке. Как волна об утес, разбилась семья Косачева: сын сложил голову за отчизну, жена умерла, дочь Тамара подросла, вышла замуж, уехала

в Москву. Пришлось Сергею Тарасовичу по-новому строить жизнь. Уже много лет в доме его одни только женщины — ни сына, ни зятя, ни внука. Мужчины в семье — это как крепкие камни в фундаменте, а женщины — как пух, малейший ветер уносит их из родного гнезда, они принимают чужие фамилии. Кончается косачевский род. А был бы жив сын...

«Опять я улетел в облака,— с печалью подумал Косачев, беспокойно шагая по палате.— Вернемся к нашим делам. С Николаем, кажется, все ясно. А его отца, моего старого друга Никифора Шкуратова, поставлю на формовочный стан. Ответственное дело, он одолеет, можно быть спокойным, этот никогда не подводил. Хорошо бы подключить к этому делу Воронкова. Он упрямый как черт, а Никифор расчетливый и осторожный, два таких превосходных мастера — не простая штука, наглядный пример, каждый день перед глазами всего цеха. За ними пойдет молодежь, есть чему поучиться у старой гвардии».

Поздно ночью, когда в больнице наступила глубокая тишина и почти все уже спали, Сергей Тарасович бодрствовал, читал деловые бумаги, принесенные накануне Водниковым, долго что-то писал. Как только закрывал глаза, в голове всплывали воспоминания, клубились, как пар над кипящим котлом. Прошлое как-то причудливо перемежалось с настоящим, почему-то сегодня чаще, чем прежде, вспоминал о своем друге Никифоре Шкуратове, о его семье, сравнивал шкуратовскую семью со своей.

«У Никифора и Марии,— думал он,— хорошо сложилась судьба. Все дети выросли в родном доме, все прикипели к заводу, к отцовскому делу. Как ни кинь, а получается, что и старший сын Андрей вышел в инженеры, стал начальником цеха, и младший, Николай, заводским хлебом кормится. Хоть и покуралесил, побродил, как молодой хмель, а все же накрепко пришвартовался к шкуратовскому берегу. Сначала парень чуть было не подался в железнодорожники, на флоте служил, далеко странствовал, а все же никуда не ушел от родного завода. Теперь вот самый раз закрепить его на якоре, вернуть в электросварщики, поручить настоящее, самостоятельное дело. Таким орлом вырастет, всему заводу честь и слава. Только вот с любовью у него, говорят, большая закавыка получилась. Никифор расска-

зывал, будто в замужнюю влюбился. Хоть бери ремень да учи шалопая уму-разуму, чтобы не позорил рабочего звания. Да разве справишься с ним, вон какой вымахал, богатырь Илья Муромец! Правда, еще молодой, может, выправится, сгладится. Да и то сказать, а если настоящая любовь? Не так-то просто с ней справиться, хоть он и Шкуратов. Ни буря, ни ветер его не валят, а любовь может и пошатнуть. Да я думаю, Николай все выдержит — крепкая порода, нашей заводской закалки. И дочка Шкуратовых, Оля, и сноха Катерина не миновали нашей заводской проходной, все одной стаей летят. А с моими детьми вышло все по-другому. Великая загадка — жизнь человеческая, многое складывается в ней неожиданно, и, будь ты хоть каким мудрецом, заранее не узнаешь».

Он не заметил, как в палате тихо появилась дежурная медсестра.

— Отдохнули бы, Сергей Тарасович. Ночь уже давно.

— Сейчас, сейчас,— кивнул он, не повернув головы.

— Я дам вам сердечных капель. Выпейте, пожалуйста, и ложитесь отдыхать.

Сестра была строгая и вежливая, с ней нельзя было спорить.

Он выпил лекарство, лег в постель, погасив свет.

Косачев лежал, прикрыв рукой глаза. В палате было темно, за окном где-то посвечивали фонари, покачивая тени на голой стене, у которой стояла койка. Ни голоса, ни скрипа дверей, ни даже осторожных шагов медсестры. Покой. И снова пришли воспоминания. Зашелестела, замелькала перед глазами былая жизнь, как пестрые картинки в книжке, которую листал ветер...

3

Вдруг у Косачева начали зябнуть ноги. Он вспомнил себя босоногим парнишкой, шагающим по осенней росе в степи. Он уходил из голодной деревни, пробивался в город, которого сроду не видал, но часто слышал от взрослых, что там дают работу и хлеб. Потом была шахта, черная пыль хрустела на зубах, набивалась в уши, в нос, разъедала глаза. Рабочее общежитие, столовка со щами, кипяток в цинковом баке, краюха липкого ржаного хлеба. Ночная работа на укладке железной дороги,

трухлявые шпалы, ржавые костыли и надсадные взмахи кувалдой: р-раз! два! р-раз! два!

Свою деревню в те годы он вспоминал редко и смутно, никого из близких людей там не осталось, и его не тянуло в места детства. Прошлая жизнь уплывала все дальше и дальше, и он уходил от нее, будто отдалялся от берега, окутанного холодным осенним туманом.

Вскоре он и вовсе перестал думать о деревне: новая жизнь захлестнула его. Пошла живая работа, рабфак, первые книжки и тетрадки.

Молодость. Первая любовь. Это было в Донбассе. Вступил в комсомол, стал ходить на курсы паровозных машинистов. Через год встретил стрелочницу Аню, веселую девушку, шуструю, черноглазую, прямодушную.

Всего отчетливее вспоминался Днепрострой. Как лучшая песня тех лет. Заголовки в газетах: «Укрощение могучей реки», «Первая стройка социализма».

И снова кусочек мела в руках, буквы, и цифры, и белые геометрические линии на черной доске. Годы настойчивого учения. А за окном — Москва. И эти трубы на чертежах! Почему они запали в душу, чем очаровали на всю жизнь? Должно быть, у каждого истинного инженера есть свое пристрастие. У одного самолеты, у другого корабли, у третьего моторы, у четвертого трубы. Что трубы? Они как артерии, несущие жизнь моторам, кораблям, самолетам, заводам, городам...

Косачев вздрогнул и внезапно открыл глаза, словно его разбудили толчком или криком.

— Что? А?

В палате было темно, тихо. Косачева даже в пот ударило. Что за чертовщина? Кажется, ведь не спал.

Он повернулся на бок, опять закрыл глаза, пытаясь уснуть, но никак не мог забыться. Видно, не отделаться от воспоминаний. Придется вновь пройти дорогу прожитой жизни, оглянуться назад.

В тридцатые годы он строил трубопрокатный завод, потом стал директором этого завода. В то время его семья подружилась с семьей Шкуратовых. Никифор и Мария были молодые, открытые, жизнелюбивые. Работали горячо, жили просто, рожали и растили детей. У Косачева с Аннушкой тоже были дети — сын и дочь, и со шкуратовскими детьми они росли вместе, как родные братья и сестры.

...Косачев незаметно уснул и проспал до утра. Проснулся по своему обычаю рано, часов в пять, чувствуя бодрость и подъем духа. Хотелось немедленно ехать на завод, звонить в горком, вызывать инженеров на планерку. Как молодой, вскочил на ноги, стал одеваться. Но запах лекарств и вид больничной палаты сразу же охладили его пыл. В досаде Косачев присел к столу, попытался читать и разобрать бумаги. Почему-то вспомнил песню юных лет и тихо запел, но не бодро, а грустно и задумчиво:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастия ключи...

И тут же замолк. Душа его была под гнетом ночных раздумий о жизни, видений прошлого, тревоги о будущем.

«Как быстро бежит время!» — подумал Косачев, отложив бумаги в сторону.

На один миг опять мелькнуло воспоминание детства, когда его с отцом настигла буря в степи, обрушился ливень. Кругом полыхали молнии, страшно сверкая огненными стрелами. Грохотал гром. Мальчишке казалось, что сейчас на него упадет небо, раздавит, сожжет дотла. В поисках укрытия он побежал к одинокому дереву на бугре. Отец отчаянно закричал, чтобы остановить сына, с трудом догнал его, столкнул в овраг:

— Лежи, сынок, тут не достанет.

Сам же опять побежал на бугор спасать жеребенка, привязанного к телеге. Жеребенок упирался ногами, пытался порвать веревку, перевернул телегу набок. И в ту минуту, когда подбежал старший Косачев, ударила страшная молния, сразила его насмерть...

Давно это было, а горячее дыхание грозы достало вон куда, через столько лет! И отозвалось болью в сердце Косачева.

Косачев положил ладонь на левую сторону груди, закрыл глаза, сжал губы. Теперь ему было страшно не за себя. «Подумаешь, великое дело! Свалюсь, как старый дуб, не я первый, не я последний, и не таких валило время, на всех один закон природы. Главное — нельзя допустить, чтобы от немощи одного человека пострадало большое общее дело. Тут пропущу, там не поправлю вовремя, ан, глядишь, и оплошал завод».

И теперь сильнее, чем когда-либо прежде, Косачеву захотелось осуществить мечту своей жизни — довести до конца затеянное строительство трубоэлектросварочного цеха, что фактически равнялось созданию уникального нового завода. Во что бы то ни стало надо использовать момент. Надо действовать, не терять ни дня, ни одного часа. К черту все эти болезни, воспоминания, меланхолию!

Каждый день с утра он с нетерпением ждал Водникова, а когда тот задерживался хоть на несколько минут, сам выходил в ординаторскую комнату, где стоял телефон, и звонил на завод, требовал немедленно главного инженера.

В иные дни Водников приезжал к Косачеву вместе со своим заместителем Вячеславом Ивановичем Поспеловым, который сочувствовал косачевской идее создания двухшовной трубы, хотя сам до последнего времени не принимал энергичного участия в этом деле. Сомневался ли он? Нет. Просто его голова была занята другими мыслями, работы на заводе хватало всякой — интересной и разнообразной. Теперь же сами обстоятельства властно направляли мысль и энергию Поспелова только на эту цель.

Оставшись на заводе главным лицом, Водников в эти дни больше нажимал на своего зама, все время держал его при себе, вытаскивал в цехи, в конструкторское бюро, в лаборатории, вместе с ним изучал сводки, выверял расчеты, чертежи, следил за ходом монтажа нового оборудования. Подбадривая Поспелова и вовлекая его во все дела, Водников по совету Косачева постепенно наводил Вячеслава Ивановича на одну из важнейших проблем — электросварку.

— Поймите, Вячеслав Иванович, нынче важнее всего на заводе — экспериментальный цех. Оставьте все дела и займитесь им, энергичнее помогайте Сергею Тарасовичу, мне, всему заводу. Займитесь всерьез и досконально электросваркой, подумайте о кадрах.

Поспелов согласно кивал головой, брался за дело, но все шло неровно, временами на него находила какая-то рассеянность, видимо, что-то тревожило его, выводило из равновесия. В его поступках и словах проскальзывала раздражительность и нервозность, которую он старался скрывать. Раньше такого не было, и Кирилл Николае-

вич, заметивший странности в поведении Поспелова, не мог понять, что случилось. Не раз осторожно пробовал заговорить с ним на эту тему, но Вячеслав Иванович тут же уходил в сторону, «закрывался».

— Лирика размягчает,— сказал он однажды Кириллу Николаевичу.— Человек и без того слаб и мягок, как воск. Чтобы выковать характер, нужны молот и наковальня.

— Вон куда хватил! — засмеялся Водников.— Лермонтова начитался или извлекаешь уроки из личной жизни?

На днях Кириллу Николаевичу кто-то сказал, что у Поспелова семейные неприятности, разлад с женой.

Жена Поспелова Нина Степановна, молодая, красивая, кажется, умная женщина. Когда появлялась в обществе, всех мужчин охватывало какое-то странное беспокойство, будто они ходили рядом с чем-то опасным и взрывчатым, как на минном поле. Чем-то тревожили нечаянные встречи с ее скользнувшим взглядом. И даже Кирилл Николаевич, безраздельно преданный своей супруге, будучи старше Поспелова и его жены, иногда тоже испытывал некое смятение перед застенчивой и, казалось, испуганно-настороженной красавицей, и ему было приятно, что в их городе есть такая удивительная женщина.

Слухи о неладах в семье Поспелова, дошедшие до Водникова, не на шутку расстроили его. Он вообще не любил человеческого несчастья, горя, страдания. Может, это неправда, преувеличение, сплетни? Но, может, и была какая-нибудь размолвка или ссора, мелкая обида?

Хотелось чем-нибудь помочь Поспелову, что-то посоветовать. Все же Кирилл Николаевич с женой прожили немало лет, есть кое-какой опыт, жизнь у всех людей в общем похожа, по одному кругу идет. Но дальше этой банальной мысли он не пошел, посчитал, что неловко вмешиваться в личные дела Поспелова. Да и не время теперь об этом думать, и может, действительно прав Поспелов, который сказал Водникову, что лирика размягчает душу.

Подготовив и выверив бо́льшую часть необходимых расчетов, Водников и Поспелов после очередной планерки на заводе готовились ехать в больницу к Косачеву.

Складывая бумаги и чертежи, они продолжали обсуждать все дело в целом и его детали. Их разговор был похож на продолжение странной дискуссии, которая началась давно и тянется уже долгое время, когда люди делают одно дело, хорошо понимая друг друга, но почему-то спорят без конца по каждому поводу.

— Я хорошо понимаю Сергея Тарасовича,— говорил Водников, шагая между столом и широким окном своего кабинета.— Он хочет осуществить свою старую идею. И кроме того, Косачев видит перспективу большого, масштабного дела.

— Но вы же знаете, что у завода есть и другие задачи,— горячился Поспелов.— Выпускаем же мы отличные трубы для котлов, турбин, авиамоторов, принимаем заказы на емкости. Разве мало нам этого? Зачем нам еще эти двухшовные трубы? Поймите меня правильно, Кирилл Николаевич, я не против новых идей. Я — за! Однако надо считаться и с объективными данными. Никто в мире не делает труб с двумя швами. Что же лезть на рожон? Это своего рода какое-то помешательство.

— Это инженерный азарт,— перебил его Водников.— Вы еще молодой, Вячеслав Иванович, у вас нет идеи, которой вы решили посвятить жизнь. А у Сергея Тарасовича есть, он видит перспективу, одержим, расталкивает все на пути. Косачев не такие горы сдвигал и эту сдвинет.

— А вы не боитесь, что он и нас с вами сдвинет? — прищурил глаза Поспелов.— Все полетим в пропасть, лопнем, как наша прошлогодняя труба.

Водников остановился, внимательно посмотрел на своего заместителя и подумал: «Чего он так горячится? Спор ради спора? Или усталость и раздражение?»

— Вы в самом деле боитесь провала? — прямо спросил главный инженер у Поспелова.

— Не знаю, Кирилл Николаевич,— замотал головой Поспелов.— Ничего я не знаю, устал я, и нервы у меня не в порядке. Не сомневаюсь, что завод разрешит и эту проблему. Косачев, конечно, по-своему прав, я его понимаю, но иногда вдруг хочется сопротивляться, потому что Косачев властно берет всех за шиворот и заставляет делать его дело, да так, чтобы я забыл о самом себе, о своей боли. А она болит, моя собственная боль, моя рана. Поймите хоть вы, Кирилл Николаевич.

Водникову показалось, что Поспелов сейчас начнет исповедь, будет рассказывать о своей личной драме, о жене, размягчится сам и размягчит Водникова. В другое время, в других обстоятельствах главный инженер охотно выслушал бы своего заместителя, но сейчас надо тактично остановить его.

Водников подошел к Поспелову, протянул папиросу, зажег спичку, давая закурить. Дружески улыбнулся, положил руку на плечо собеседника.

— Вам, Вячеслав Иванович, не следует забывать, что все мы идем в одной упряжке,— тихо сказал Водников.— Все мы время от времени отключаемся от личных желаний и подчиняемся большому общему делу. У меня тоже когда-то были свои мечты, я хотел стать ракетостроителем, а пришлось идти на войну. Потом занимался котлами на морских судах, делал и другую работу, которая раньше и во сне не снилась. Теперь, как видите, творю нечто далекое от того, о чем мечтал в молодости. Но, знаете, ничуть не жалею, потому что увлечен новым. И пусть не я придумал это дело, но я вижу, что оно интересно, необходимо людям, и мне приятно сознавать, что доля сделанного мной пойдет в общий котел.

— Вполне допускаю и такой взгляд на вещи,— соглашался Поспелов.— Но я полагаю, что постоянство желаний каждого при максимуме усилий, направленных к определенной цели, даст гораздо больший эффект. Концентрация всех умов человечества на каком-нибудь одном предмете может довести до абсурда. Если все станут думать, скажем, только о трубах, кто же сможет делать операции на сердце или строить корабли, шить одежду, выращивать хлеб?

Кирилла Николаевича начинал раздражать такой тон. Желая прекратить ненужную дискуссию, он сухо сказал:

— Разрешите дать вам один совет?

Поспелов перестал ходить по кабинету, сунул окурок в пепельницу.

— Готов выслушать, Кирилл Николаевич.

— Не закрывайтесь вселенским масштабом там, где нужно решать простое конкретное дело.

— Что вы имеете в виду?

— Трубу Косачева. Надо всецело сосредоточиться на деле, которое нам с вами сегодня поручено государством.— Водников решительно встал из-за стола:— На-

деюсь, вы правильно меня поняли? Поехали к Косачеву.— Он сгреб папки с бумагами и чертежами, пошел к выходу.

Поспелов пожал плечами, поспешил за ним.

Чертежи, диаграммы и снимки, которые приносили Косачеву, не удовлетворяли его. Он все браковал, переделывал на свой лад, пересчитывал, чертил заново.

И вот настал день, особенно напряженный для Косачева. С утра до вечера он озабоченно разговаривал с людьми, рылся в бумагах, ел торопливо и мало, старался остаться один в палате. После обеда, когда в больнице стало потише, он совсем уединился и плотно прикрыл дверь. Решительно сгреб со стола пузырьки, коробочки, таблетки, бросил все это на подоконник, а на столе разложил свои бумаги, чертежи, цифровые таблицы и в десятый раз принялся выверять и править докладную записку министру. Для себя он уже составил четкий план будущих действий, с предельной ясностью видел, как поведет дело. Ему очень хотелось заручиться поддержкой авторитетных лиц и организаций, получить полное одобрение проекта в правительстве. Там наверняка будут и другие толковые предложения, пойдут споры, дискуссии. Не ошибиться бы в споре, не забыть никакой мелочи, чтобы никто не мог придраться или поймать на ничтожной оплошности, оттолкнуть идею.

Он все больше распалял себя и забывал, что находится в больнице. К дьяволу этот отвратительный запах лекарств, тихий шепот, белые халаты, сочувственные вздохи! Работал за столом до самого вечера, чертил таблицы, считал, перечеркивал исписанные страницы и снова писал торопливо, крупными, четкими буквами. Не замечал, как шло время, как наступил вечер. Включил верхнюю и настольную лампы, продолжал работать при электрическом свете, то склонялся над бумагами, то в раздумье шагал по комнате, и снова усаживался к столу, делал пометки в чертежах, исправлял таблицы, писал.

Сестры и нянечки по очереди тихо подходили к дверям, прислушивались, не случилось ли чего с больным? Пытались даже приоткрыть дверь, заглянуть в палату. Косачев, не оборачиваясь, строго говорил:

— Не мешайте! Закройте дверь!

Доложили старшей сестре о странном поведении Косачева. Она тотчас решила принять меры. Толкнула дверь в палату, остановилась на пороге.

— В чем дело? — рассеянно спросил Косачев.

Медсестра решительно шагнула к нему:

— Не нарушайте режима, товарищ. Вы тут не директор, а больной и будьте любезны слушаться. Вам запрещено работать, а вы превратили больницу в заводскую контору.

— Верно, милая девушка,— спокойно сказал Косачев.— Обещаю исправиться.

Шумно дыша, Косачев долго и беспокойно ходил по комнате, шагал взад-вперед, зацепился за стул, двинул его ногой. Тесно, не развернешься.

«Бежать отсюда! Бежать!» — думал Косачев, глядя через окно на широкий двор и сад.

В коридоре было тихо, все разошлись.

Сергей Тарасович отошел от окна, нажал кнопку, вызвал нянечку. Попросил, чтобы принесли его пальто, ботинки и шапку.

— Хочу посидеть на веранде, подышать свежим воздухом перед сном,— пояснил он нянечке, услужливой и доверчивой женщине с белым морщинистым лицом и чистыми синими глазами.

Нянечка исполнила его просьбу и тут же ушла. Косачев собрал бумаги в портфель, торопливо оделся. Осторожно открыл узкую дверь на веранду, потом, оглядевшись, ловко перемахнул через низкие перильца и скрылся в темном саду в чаще густых деревьев.

Внезапно перед беглецом из-за угла появилась легковая машина, осветила Косачева скользящим пучком лучей.

— Стойте! — крикнул он, поднимая руку.— Стойте!

Машина не остановилась, покачнувшись на неровной дороге, завернула за высокой деревянный забор и скрылась. Косачев, однако, успел узнать сидящую за рулем женщину. Это была Нина Степановна, жена заместителя главного инженера Поспелова.

«И хорошо, что проехала мимо,— рассудительно подумал Косачев.— Вот был бы номер: убежать из больницы на машине с такой дамочкой. Объясняй потом людям, в чем дело. Пойду домой пешком, тут недалеко».

4

Нина Степановна водила машину уверенно и свободно, ездила играючи, без скованности и напряжения. В городе знали ее как заядлую автомобилистку, городские шоферы уступали ей дорогу, почтительно раскланивались. Орудовцы также уважали ее, говорили с одобрением:

— Настоящий шоферский характер: и лихо ездит, и никаких нарушений. Высший класс!

Она водила машину во все времена года, при всякой погоде, отлично ориентировалась на дорогах, знала, как проехать в любой переулок и самый отдаленный уголок старой и новой части города. Мимо больницы она обычно проезжала по главному шоссе мимо въездных ворот, но на этот раз из-за ремонтных работ на дороге поехала в объезд по узкому темному переулку, теснимому заборами и высокими деревьями. Пробираясь в темноте по ненакатанному ухабистому пути, она не заметила человека на обочине и не остановилась. Плавно покачиваясь, «Волга» выбралась на параллельную заасфальтированную улицу и не спеша покатилась в старый район городской окраины. Вот она замедлила ход, прижалась к штакетнику у одноэтажного дома, где светились занавешенные окна.

Погасив фары и стукнув дверцей, Нина Степановна торопливо пошла к крыльцу, поднялась по ступенькам в темный коридорчик. Привычным движением нащупала холодную скобу, открыла дверь.

Справа за занавеской виднелся вход в другую комнату, где свет горел ярче и кто-то стучал посудой. Женщина, хлопотавшая у плиты, не поворачиваясь, спросила:

— Кто там?

Нина Степановна молча стояла на пороге, улыбалась. Из-за занавески вышла пожилая опрятная женщина, вытирая руки о фартук и вглядываясь в полутьму, чуть склонив голову набок.

— Это ты, Нинулька? Что же стоишь? Не в чужой дом пришла. Проходи.

Нина вбежала в комнату, обняла хозяйку.

— Как у тебя хорошо, тетя Даша! Ворчит, шумит наш старый чайник.

Она подошла к плите, протянула озябшие руки к эмалированному чайнику, который позвякивал крышкой, выпуская белый пар.

— Здравствуй, пузанок! Погреемся?

В комнате в самом деле было уютно, чисто, пахло печеным хлебом, жареным мясом и луком. От пылающей печки, и от приветливой улыбки хозяйки, и от всех вещей веяло теплом. Как приятно было оказаться здесь после морозного колючего ветра!

Раздевшись и бросив шубу и шапку на стул, Нина прошлась по комнате, разглядывая давно знакомые ей предметы, фотографии на стене и на комоде. Здесь были снимки разных людей, но на некоторых фотографиях была и сама Нина, снятая в детстве, в школьном возрасте, и в юности, и теперь, совсем недавно. Нина словно заново приглядывалась к старым вещам после долгой разлуки, раскладывала и вновь перебирала фотографии, будто не находила ту, которую искала.

Сложив руки под фартуком, приветливо поглядывая на Нину, тетя Даша сочувственно качала головой.

— Что же ты все такая, одинаковая? Совсем не меняешься?

Нина улыбнулась, стала вертеться около тусклого зеркальца над тумбочкой, пудрила щеки, поправляла прическу.

— Угости меня чаем, тетя Даша. Озябла я что-то.

— Беспокойная ты, тревожная, как вспугнутая голубка,— нараспев сказала тетя Даша и пошла к плите.

Нина сама взяла из шкафчика чашки, сахарницу, поставила на стол. Отошла к порогу и как бы со стороны взглянула на расставленную посуду на белой скатерти, чему-то грустно улыбнулась и сказала тете Даше:

— Какая я была счастливая, когда жила в этой маленькой комнатушке!

— Откуда оно было-то, счастье?— накладывая еду в большую тарелку, откликнулась тетя Даша.

— В окно прыгало. Помнишь? — засмеялась Нина.— Вот в это самое окошко. Какое оно крохотное стало, а тогда казалось большим.

— Господи, Кольку Шкуратова вспомнила? — догадалась тетя Даша.— Вот непутевый был, в окно к тебе лазил. Уж я его гоняла, один раз даже веником отлу-

пила. А с него как с гуся вода, даже не обиделся на меня. На днях заявлялся — красавец!

— С чего это он? — будто между прочим спросила Нина и притихла, ожидая ответа.

Пригласив к столу, раскладывая еду и разливая чай, тетя Даша стала угощать Нину, не забывая подвинуть ей котлету, пирожок, варенье.

— Ты ешь, милая, ешь. У тебя, конечно, у самой все имеется, не голодная, а от моего угощения не отказывайся.

— Спасибо, все вкусно, я ем,— говорила Нина, принимаясь за ужин.— Так как же он? В самом деле приходил?

— Не торопись, я все по порядку скажу. Думал, не догадаюсь, зачем пришел, а я поняла, от меня не скроешь.

Нина размешивала сахар в чашке, пила из ложечки, терпеливо слушала медленный рассказ тети Даши:

— С флотской службы, значит, вернулся. Такой из себя видный стал, аккуратный. Проведать, говорит, захотелось. Я ему не чужая, двоюродной теткой довожусь. Конфетами, конечно, угостил. Про тебя спрашивал: как, мол, Ниночка? А что ей, говорю? Давно забыть пора, другая жизнь у Ниночки пошла. Муж инженером на заводе работает, хороший человек, серьезный, не пьет, не гуляет. Чего еще желательно женщине? Ниночка, говорю, хорошо живет, на своем постоянном месте, не как другие: по морям, по волнам. Это я про его матросское звание намекнула. А он внимательно слушает и все перебирает фотографии на комоде. Под конец взял твою самую лучшую карточку, положил в карман. Это мне надо, говорит, Нина сама обещала, да не успела, так что я сам возьму. Ну, конечно, взял.

Нина молча слушала, передвигая с места на место вазочку с вареньем, переставляя тарелочки с печеньем и конфетами. Вдруг отодвинула чашку и тихо сказала:

— Кто знает, тетя Даша, как лучше? По морям, по волнам или по рытвинам да по ухабам? Каждый ищет свою дорогу и свой смысл в жизни.

— Тебе-то что печалиться? Медицинское училище окончила, людей лечишь, должно, знаешь, как жить. В доме достаток, муж есть, ребенок растет.

Нина отодвинулась от стола, ей стало тесно и душно.

— Что я знаю? Как живу? Только на дежурстве и забываюсь. Все больных утешаю, подбадриваю, такая неунывающая оптимистка. А у самой кошки на душе скребут.

Горячий золотистый чай приятно поблескивал в белых фарфоровых чашках, над которыми поднимался легкий пар. Тихо шумел на плите чайник. Нина вздохнула.

— Все говорят: хорошая жизнь, счастье. А что это такое? Кто знает?

— Истинно непостижимая твоя душа,— покачала головой тетя Даша, не придавая серьезного значения Нининым словам.— Сам господь-бог не разберется, всегда ты была такая беспокойная.

Нина размешивала чай, позвякивала ложечкой, молчала.

— А что муженек твой, шибко занят? — спросила хозяйка свою беспокойную гостью.— Всегда одна ездишь?

— Ему все некогда. Вечно занят, то заводом, то собой.

Нина рассеянно смотрела по стенам, будто что-то искала взглядом. Потом встала из-за стола, сказала тете Даше:

— Когда увидишь Николая, скажи, чтобы вернул мою карточку. И еще передай... А впрочем, ничего не надо. Карточку пусть вернет.

— Я и то говорю,— согласилась тетя Даша.— Зачем ему твоя карточка? Ты замужняя, у всех на виду. Осрамит он тебя. И ты, бабочка, не вздумай чего такого, не дури. Вышла замуж, сынка родила, живешь — лучше не надо, другие завидуют. А ежели что осталось на душе, стерпи, все пройдет. Мы, бабы, известно, какой народ необдуманный. Бывает, сгоряча такое натворим, а после всю жизнь не знаем, как поправить.

Нина молча встала из-за стола, пошла одеваться.

— Спасибо за угощение, я пойду, тетя Даша. Прощай.

— Прощай, милая. Заходи почаще, ты мне как дочь, всегда я рада. Возьми для сыночка пирожка, сладкий, вкусный.

— Не стоит, тетя Даша. Муж спросит, где взяла, к кому ездила. Не хочу объяснять.

— Ну, ну, делай, как знаешь. Может, так лучше. Прощай. Только не забудь, что я сказала. Ты теперь жена и мать, человек солидный, самостоятельный. А фотография что? Бумажка, не живой человек.

— Ты обязательно скажи, чтобы вернул. Скажи, я велела.

— Да уж скажу, не послушает — сама из рук вырву.

Возвращаясь домой, Нина ехала медленно, рассеянно глядя на оживленные улицы, залитые светом, на сверкающие разноцветными огнями неоновые надписи на фасадах магазинов и кинотеатров.

Поездка к тете Даше еще больше повергла Нину в смятение. Теперь уже не было сомнений, что Николай Шкуратов вернулся из армии и ищет свидания с ней. Слухи подтвердились. Человек, которого она старалась забыть, выбросить из памяти и сердца, снова здесь и в любой день и час может столкнуться с ней лицом к лицу. Ну и что же, пусть встретится. Почему это так должно волновать ее и нарушать покой? Что она так всполошилась? Почему поднялась такая тревога в душе? Разве нельзя взять себя в руки? Все, кажется, давно улеглось, ушла любовь, перекипела страсть, жизнь двинулась по иному кругу. Зачем же все рушить, раскручивать, ломать? Нет, нет. Не надо поддаваться, теребить старые раны, рвать свое сердце на части, причинять боль другим.

Торопиться домой не хотелось. Старалась успокоиться, обрести равновесие. Если нельзя не думать о прошлом, надо хотя бы владеть собой, не распускаться, сохранить достоинство. Собрать все душевные силы, не унизиться самой и не унизить других, остаться человеком.

Она и раньше испытывала угрызения совести, страдала и мучилась, но постепенно внушила себе мысль, что ничего трагического и страшного в ее жизни не произошло. Уже привыкла так думать, пыталась покорно жить, как живется, постепенно почти уверила себя, что иного выхода нет. Но вот теперь, когда вернулся Николай, все обернулось иначе. Огонь, засыпанный пеплом и не угасший совсем, снова стал разгораться.

Нина упрекала себя в легкомыслии.

«Зачем я поехала к тете Даше? Удостовериться, что Николай вернулся? Так это можно было проверить самым простым способом: пройтись по заводу и встретить

его самого на рабочем месте. Да и зачем мне искать встречи с Николаем, что из этого выйдет, и нужно ли, чтобы что-нибудь вышло? Чтобы посмеялся надо мной, над моим глупым бабьим чувством? Что я ему? Навечно в душу запала? Как же, надейся, глупая, небось давно забыл, мало ли других женщин на свете? А как же фотография? Не зря приходил к тете Даше и взял. Значит, любит меня? Я, кажется, с ума схожу, вообразила черт знает что, всполошилась, как девчонка. Сколько воды утекло, время меняет человека. Он теперь стал другим да и на меня посмотрит — не узнает или не захочет узнать».

Она грустно улыбнулась, прибавила газу, помчалась по широкой улице, обгоняя другие машины. И все думала о Николае.

«Старая банальная история,— пыталась иронизировать Нина.— Они любили друг друга, его призвали на воинскую службу, а любимая не дождалась и вышла за другого. Он вернулся, она раскаялась, бросилась к нему, но поздно: он разлюбил ее. Что я выдумываю? Неправда это! Он любит меня! Не так-то просто забыть, что между нами было. Ах, дура я, дура! Взвинтила себя, бог знает что воображаю! Говорят, время стирает в памяти все. Хватит, забуду все. Домой!»

Муж укладывал в постель Коленьку. Когда вошла Нина Степановна, отец и сын обернулись на стук двери, Коленька вырвался из рук отца, побежал к матери.

— Я не хочу спать, мамочка, еще рано. Разреши мне.

Нина подхватила сынишку на руки, но тут же опустила на пол:

— Отойди, я холодная. Простудишься, дай раздеться.

— Где ты была? — недовольным голосом спросил ее Поспелов, не выходя в прихожую и не пытаясь помочь жене снять шубу.— Знаешь, который час?

Не обращая внимания на строгий тон мужа, Нина мирным шутливым тоном сказала:

— Счастливые часов не наблюдают. Правда, Коленька?

Легко подняла на руки сына, пошла в комнату, где был муж.

— У меня еще нет часов,— ответил мальчик и засмеялся.— Когда вырасту, купишь мне вот такие круглые, большущие, как кулак?

— Обязательно куплю,— пообещала Нина.— Ты уже пил чай?

— Ага. И апельсин съел. Папа принес.

— Не один, а два,— сказал Вячеслав Иванович.— И маме оставил, самый большой, как дыня. Принеси-ка.

Коленька побежал на кухню и тут же вернулся с большущим апельсином в руках.

— Вот! — сунул он Нине апельсин.— Это тебе.

— Спасибо. А ты не хочешь?

— Я наелся.

— Ну молодец, иди спать.

Она повела сына к постели.

Вячеслав Иванович продолжал хмуриться.

— Сегодня опять нянечка ругалась, что поздно приходим за Колей,— громко сказал он.— Хорошо, я догадался позвонить с работы в детский сад, узнал, что тебя не было, попросил подождать, сам заехал за Колей.

Нина молчала, укладывала мальчика.

— Ты меня слышишь?

— Да. Говори.

— Слыхала новость: Косачев сбежал из больницы, устроил переполох, все телефоны на заводе оборвал?

— Неугомонный человек,— сказала Нина с одобрением.— Если бы вы все так работали...

— Оставь, пожалуйста. Человек не машина. Про тебя я сказал нянечке, что в больнице дежуришь. Поверила.

Он ждал, что жена сейчас объяснит, где она была и почему так поздно вернулась. Но Нина шутливо сказала:

— Я же знаю, что ты находчивый, с тобой не пропадешь. Ужинал?

— Не хотелось одному. Ждал тебя.

— Сейчас приготовлю. Иди, я быстро.

Он пошел на кухню, сам поставил на стол два прибора, на плиту чайник, уселся и терпеливо стал ждать, когда Нина уложит сына и придет ужинать...

Кто-то из мудрых сказал: чтобы хорошо понять взрослого человека, надо узнать, как он прожил детство и юность. Все доброе и злое, сильное и слабое имеет свое начало.

Нина родилась в Москве на Таганке в старом деревянном доме, приютившемся в тихом переулке с узкой мощеной дорогой и тесными дворами. В большой комнате на втором этаже было много громоздких вещей: дву-

створчатый шкаф, никелированная кровать, кушетка, высокий кованый сундук, круглый стол и стулья с резными дубовыми спинками. На стенах висело десятка два фотографий— и в рамках, и под стеклом, и просто приколотые к обоям железными кнопками. Над кроватью от самого потолка был натянут старый выцветший ковер темно-коричневого тона с поблекшим узором. Ярким желтым пятном на нем выделялась гитара, подцепленная к согнутому гвоздю тугой петлей из синей шелковой ленты. По праздникам к Нининым родителям приходили гости, пили чай, иногда танцевали, а чаще всего пели песни. Нинина мама играла на гитаре, запевала сильным низким голосом, другие подхватывали напев, а иногда слушали ее молча с задумчивыми, мечтательными лицами.

Когда же от ее песен становилось грустно, отец отбирал у матери гитару, притопывая ногами по деревянным половицам, лихо ударял по струнам, играл веселые задорные припевки, выкрикивая слова мягким баритоном. Вышагивая вокруг стола, останавливаясь перед каждым гостем, он вовлекал всех в веселую игру, и все поддавались азарту, начинали петь, плясать, поднимали такой шум, хоть святых выноси.

Единственное широкое окно выходило на улицу, отсюда было видно все, что делалось в переулке, как люди шли в магазин или на работу, какие машины проезжали по мостовой. Дверь из комнаты выходила в кухню, а из кухни можно было пройти на лестницу, спуститься вниз на крылечко и во двор. Во дворе бродили куры, выискивая в траве поживу, в дальнем углу соседи пилили дрова. У водонапорной колонки звякали ведра, кто-то набирал воду.

По вечерам над воротами зажигалась лампочка, и, когда дул ветер, она колебалась, как маятник, и раскачивала тени во дворе и в переулке. От этого монотонного убаюкивающего колебания света и теней иногда находила такая сонливость, что хотелось убежать со двора. И стоило людям сделать сто или двести шагов, как они попадали на шумную светлую улицу большого города, шли в новый кинотеатр, в большой многоэтажный универмаг или спускались в подземные залы метро, терялись в пестром, неугомонном людском круговороте.

И вся эта жизнь внезапно ушла. На девочку нежданно обрушилась беда: Нинины родители, уехавшие в летнюю геологоразведочную экспедицию, попали под обвал в горной расщелине и погибли.

Так в пятилетнем возрасте Нина осталась сиротой, и ее отдали в подмосковный детский дом. Навсегда запомнился ей сосновый лес, заросшая камышами мелководная речушка и деревянный дом, низкий, приземистый, растянувшийся вдоль дощатого забора. У дома было несколько крылечек, и Нину приучили входить только в крайнее слева с желтыми перилами, а на иные крылечки ходили другие дети, постарше. Нина помнит розовую комнату с тремя окошками, много узких кроваток, на которых белели подушки. Когда она впервые вошла сюда, ее с любопытством обступили девчонки с круглыми стрижеными головками. Одна из них скорчила рожицу и шепеляво сказала:

— Уходи, ты не наша.

Другая маленькая девочка с родинкой на носу протянула ей куклу, взяла Нину за руку и повела за собой.

— Будем с тобой играть. Теперь ты моя подружка.

Потом время побежало так быстро, что Нина не могла точно сосчитать, сколько раз замерзала и таяла речка, сколько прошло зим, сколько лет, сколько раз прилетали и улетали ласточки. Она уже научилась читать и писать, вышивала цветные узоры, умела накрыть стол, собрать и помыть посуду. Перезнакомилась со всеми детьми в доме, свободно взбегала на любое крылечко, не боясь потерять свое, ходила с ребятами в лес по грибы, купалась в речке, а по праздникам выступала на маленькой сцене, танцевала и пела. Все жители детского дома стали для Нины родной семьей, и воспоминания о другой жизни и о том времени, когда она еще не была в детдоме, вытеснились из ее памяти, как давний сон. Теперь, когда она думает о днях своего детства, перед ее глазами чаще всего встает сосновый лес и желтое крылечко у низкого деревянного дома.

Когда Нине исполнилось восемь лет, ее неожиданно «нашла» родная тетя Надя. Это была красивая молодая женщина с милой улыбкой и мягким, вкрадчивым голосом. Нине запомнились волнистые черные волосы тети Нади, новое синее платье, плетеная белая сумочка, из

которой тетя вынула конфеты и фрукты, стала угощать Нину и всех детей.

Тетя Надя увезла Нину к себе домой в новый пятиэтажный дом в зеленом благоустроенном подмосковном городке, где жили авиаторы. Ее муж был летчик, добрый и веселый человек. Он встретил Нину так просто и радушно, будто давно знал девочку и по-родственному любил. Нине с первой минуты стало легко и свободно в новой семье, она подружилась с тетей Надей и дядей Олегом, который разрешал ей надевать его фуражку и китель, не бранил девочку за то, что она, переодевшись в эту амуницию, подолгу вертелась перед зеркалом, любовалась собой.

— А девочек берут в летчицы? — допытывалась Нина, показывая свою выправку.

— В редких случаях. Хлопот с ними много.

— Значит, я буду редким случаем, без всяких хлопот.

Дядя Олег с одобрением смотрел на нее, смеялся.

— И вполне может быть. Ты смелая, дерзкая.

Однажды Нина спросила тетю Надю:

— Почему у меня нет мамы и папы? Что-то случилось, я не могу понять. Я была маленькая, все забыла.

Тетя Надя рассказала девочке всю правду о ее родителях.

— Тогда мы с дядей Олегом были далеко на Севере, ничего не знали об этом несчастье, не могли тебя взять к себе. Теперь мы считаем тебя своей дочерью, ты будешь жить с нами всегда.

Нину отдали в школу. По праздникам возили ее в Москву, в цирк, в парк культуры, катались на «чертовом колесе», плавали на катере по реке. Девочке приходилось бывать и в аэропорту, где служил дядя Олег. Не раз с тетей Надей они приезжали сюда с цветами встречать его из очередного дальнего полета. Счастливо и весело жилось Нине в то время. Да только недолго длилось это счастье: дядя Олег попал в аварию и разбился.

Был хмурый осенний день. Девочка первый раз в жизни стояла на кладбище над свежей могилой близкого человека. Взрослые не сдерживали слез, и она плакала навзрыд, горько, безутешно.

Наступили страшные, черные дни. Убитая горем, тетя Надя слегла в постель. Нина тяжко переносила потерю родного человека, ее хрупкая детская душа была так больно ранена, что дальнейшая жизнь казалась почти невозможной, бессмысленной. Но девочка переборола себя, находила в себе силы утешать и поддерживать тетю в ее беде. Маленькая, хрупкая девочка в час тяжких испытаний оказалась сильнее взрослой женщины.

Тетя Надя совсем растерялась, запустила все в доме, отгородилась от всех, отказывалась выходить на улицу, не желала видеть людей. Когда знакомые и друзья навещали ее, заговаривали о работе, она с полным равнодушием и безразличием слушала, покачивала головой, подносила к глазам платок, вытирала слезы. Со временем она перестала плакать, молча лежала на диване, не замечая Нину, не интересуясь ее занятиями и жизнью. Девочка готовила уроки, убирала квартиру, бегала за продуктами, варила обед, все делала вполне самостоятельно, как взрослая, заботилась о тете, жалела ее.

Так они прожили более года.

Тетя Надя становилась угрюмой, раздражительной, даже грубо покрикивала на Нину, чего прежде никогда не случалось. Однажды она получила откуда-то письмо. Не сразу вскрыла конверт, внимательно прочла, потом читала еще раз и еще и все держала исписанный листок в руках, а на ночь прятала под подушку. Утром снова читала, о чем-то думала.

Наконец она сказала Нине:

— Собирай свои вещи, девочка. Отвезу я тебя обратно в детский дом, а сама уеду на Север. Один хороший человек зовет меня, и работу обещают, авось не пропаду.

Девочка бросилась к тете, повисла на шее, стала целовать ее, со слезами в голосе умоляла:

— Тетя Надя, милая, не убивайся! Возьми меня с собой, я не боюсь ни зверей, ни морозов, буду работать день и ночь, все стерплю, не дам тебя в обиду!

Тетя Надя смотрела на девочку каким-то странным, отчужденным взглядом, лицо ее было каменным, неподвижным.

— Нет, девочка, не-ет. Моя жизнь рухнула, так пусть хоть у тебя будет счастье. Не пропадешь среди людей.

Нина плакала, ей не хотелось расставаться с тетей Надей.

— Зачем же ехать на Север? — рыдала она.— Будем жить здесь. Я скоро вырасту, стану работать и тебя прокормлю.

Тетя Надя тоже плакала, прижимала девочку к своей груди.

— Не плачь, Ниночка, не плачь. Такая наша доля. Поедешь в детский дом, там все твои друзья. Там хорошо.

— Ни за что не поеду. Они будут смеяться: ты взяла меня, а потом бросила. Стыдно так, нельзя.

«И правда, нехорошо получилось,— думала тетя Надя.— Бедная девочка! Лучше отдать ее в другой детский дом. В другой город, мало ли у нас детских домов, все они одинаковые, лишь бы Ниночку там никто не знал».

И Нину направили в дальний детский дом, увезли из Подмосковья.

Через четыре года Нину опять потревожили неведомые ей другие родственники. Это был двоюродный брат ее матери, пожилой человек, у которого свои дети уже выросли, улетели из родного гнезда, и он с женой решил взять племянницу на воспитание. На этот раз Нина наотрез отказалась покидать детский дом. Было страшно уходить к чужим людям, может быть, привязаться к ним, полюбить и вновь с такой болью расставаться.

Нина прожила в детдоме еще несколько лет, постепенно сдружилась с пожилой няней тетей Дашей, привязалась к ней. Тетя Даша тоже полюбила Нину и необидно для других выделяла ее из всех своим внимательным, ласковым отношением. А когда настало время старой няньке уходить на пенсию, тетя Даша пригласила свою любимицу к себе в дом, где она жила одна в двух комнатушках.

Нина согласилась переехать к тете Даше, поселилась в скромной маленькой комнатке. Поступила в медицинское училище, стала учиться и жила у тети Даши до самого замужества.

5

Вечером в магазинах перед закрытием обычно спадает наплыв покупателей, приходят только опаздывающие деловые люди или холостяки. Именно в такое время у прилавка появился электросварщик Федор Гусаров, которого тут знали в лицо все продавцы и кассиры. Он не торопясь, аккуратно укладывал в сумку творожные сырки, свертки с продуктами.

На улице дул порывистый ветер, сек лицо сухим, колючим снегом, чуть не сорвал шапку с головы. Свободной рукой Федор придержал ушанку, плотнее застегнул пальто, прибавил шагу.

В окнах домов и в витринах магазинов ярко горели огни, на улицах и тротуарах тоже было светло, на перекрестках вспыхивали то красные, то зеленые фонари, звенели трамваи, хрустели по снежному насту тяжелые резиновые колеса автобусов и машин — словом, кругом шумела жизнь, как в настоящем большом городе.

Пройдя квартал, Федор свернул в булочную.

— Здравствуйте,— сказал он кассирше.— Два батона и плитку шоколада. Слыхали новость?

— Какую? — с любопытством спросила кассирша, оживившись в лице.

— Хотят сносить вашу булочную, и на ее месте построят большой фирменный магазин под названием «Хлеб».

— Когда это будет! — разочарованно пропела кассирша.— Я уже на пенсии буду, внуками займусь.

Федор сам взял с полки хлеб, сунул в сумку.

Кассирша скептически качала головой.

— Вроде хозяйственный мужик, а деньги пускаешь на ветер — шоколад покупаешь. Баловство.

— Это как сказать, Анна Тимофеевна. До свидания, пора закрываться.

— Бережет жену, все сам делает,— похвалила кассирша Федора.— Дай бог каждой такого мужа.

Он торопился, надо было успеть сделать все, что положено, действовал расчетливо, словно по ритуалу, который выработал для себя, стараясь закрепить «дисциплину жизни», как однажды объяснил он это своей Вере. Закупив продукты на ужин и на завтрашний день, он

торопился зайти в техникум, где училась жена, рассчитав так, чтобы попасть к последнему уроку.

По каменной лестнице поднялся к подъезду техникума, вошел в вестибюль и, стряхивая снежинки с шапки и мехового воротника, остановился возле дежурного, читавшего книгу:

— Не опоздал?

Пожилой инвалид с перебитой рукой, в старом морском кителе, с черными усами, в очках, небрежно взглянул на Федора и тут же снова уткнулся в книжку.

— Повадился ходить каждый день,— недовольно сказал он.— Делать нечего?

— А что, нельзя? — пошутил Федор.— Читай, не помешаю.

— У нас не детский сад, без провожатых найдут дорогу домой.

— Правильно говоришь. Разреши заглянуть?

— Иди, мне не жалко.

Федор привычно пошел по коридору к стеклянной двери класса. Взобрался на табуретку, приник к матовому стеклу, стараясь заглянуть в аудиторию. По всему было видно, что он делал это не впервой, держался свободно, хорошо знал, что никто не помешает.

В аудитории шли занятия по физике. У доски стояла преподавательница — высокая женщина в очках, Екатерина Анатольевна Шкуратова. Она строго смотрела, как жена Федора Верочка Гусарова, покачивая светловолосой головой и подтягиваясь на носках, чтобы достать до верхнего края доски, писала какую-то формулу.

Федору не было слышно, о чем разговаривали преподавательница и Верочка, но он отчетливо видел, как Вера морщила лоб, стараясь вспомнить урок, наконец, начала писать, постукивая мелом по черной доске. Преподавательница удовлетворенно кивала.

Раздался звонок. Федор ловко спрыгнул с табуретки, побежал в раздевалку, торопливо снял с вешалки Верину шубу и помчался навстречу выбегающим из класса студентам.

Верочка уже искала мужа, оглядываясь вокруг, зная наверняка, что он здесь. И когда Федор появился перед ней, протягивая шубу, озорно расставила руки, прямо с разбегу попала в рукава.

— Опять подглядывал? — спросила она, довольная встречей.
— Чуть-чуть.
— Сумасшедший ты, Федька. Держи!
Молодые люди торопливо шагали по улице. Оживленно разговаривая, не заметили, как вошли в подъезд своего дома, поднялись в лифте. Федор прошел вперед, открыл дверь квартиры, зажег свет в прихожей, пропуская жену вперед.
— Какая ты, Верка!
— Какая? — спросила она.
— Красивая!
Она засмеялась и ушла в комнату. Федор пошел на кухню.
Вынимая из сумки продукты, деловито раскладывал на столе свертки, гремел бутылками с молоком, делал все быстро и ловко. Зажег газ, поставил чайник на плиту и тут же принялся накрывать на стол, стучал посудой, прислушивался к доносящемуся из комнаты голосу жены.
— Господи! Кто тебя просил натирать полы? — воскликнула Вера, и по ее тону было понятно, что она довольна такой неожиданностью.
Не отрываясь от дела, Федор добродушно крикнул из кухни:
— Плохо? Халтура?
— Замечательно! Скользкий, как лед, хоть коньки надевай. Натер, как заправский мастер.
Окончив все приготовления на кухне, Федор громко, как в театре, объявил:
— Кушать подано. Прошу к столу!
— Я же не ребенок,— сказала Вера, увидев на тарелке шоколад.— И не балуй меня, пожалуйста. Починил будильник?
— Так точно.
— Когда ты все успеваешь? — удивилась Вера.— Такого бы работника в бюро добрых услуг. Фигаро тут, Фигаро там. Приглашали бы нарасхват.
Федор разлил чай, подвинул жене тарелку с едой. Они принялись ужинать, продолжая разговаривать. Он шутливо загибал пальцы, отчитывался за прошедший день:
— Посуди сама: пришел с работы в пять минут шестого. Подогрел обед — раз, съел — два! Потом взялся

за полы. Семьдесят минут напряженного труда, почти героический рывок, полный блеск — три! Двенадцать минут мылся в ванной — четыре! Потом вдохнул жизнь в будильник — пять! Затем магазин — шесть! На обратном пути — техникум, встреча с тобой — семь! Дальнейшее течение моей жизни — на твоих глазах.

Слушая веселую болтовню, Вера делала бутерброды, поглядывала на мужа. Увидела на его щеке красное пятно:

— А что сие значит?

— Пустяки,— сказал он.— Не успел маску надеть, искрой обожгло.

— Когда-нибудь останешься без глаз, честное слово. Я же видела, как ты суетишься возле своих труб, чуть ли не обнюхиваешь со всех сторон. Андрей Никифорович много раз предупреждал тебя, какой-то ты чумной, везде суешься.

— Я плохой? — спросил он.— Да?

— Непослушный и упрямый. Вырабатываешь дисциплину жизни? План, исполнение, проверка, исправление ошибок?

— И за что ты меня полюбила? Отвечай, смотри в глаза! — Он уставился на нее, насупив брови.

— По глупости и по неопытности,— сказала она.— Да и вообще я тебя не люблю, разве это неясно?

— А известно тебе, что выходить замуж за нелюбимого человека безнравственно? Я, например, так не поступал. Я женился на горячо любимой женщине, разрази меня гром. За ваше здоровье, Вера Петровна! — Он поднял кружку с чаем, стукнул об Верину, нерасчетливо хлебнул большой глоток, обжегся, зашлепал губами.— Бр-р-раво! Какая сатанинская крепость, черт возьми! Даже заядлым самогонщикам не снился такой обжигающий напиток. Крепкий и горячий, как любовь.

— Кончай концерт, Федька,— оборвала его Вера, смеясь и раскачиваясь на табуретке.— Не проспать бы нам завтра. Шабаш!

— Не подавляй таланты,— сказал Федор.— Будильник знает свою службу, не подведет.

— Больно он тебя слушается! Хочет — звонит, хочет — нет.

— Я же починил.

— Это еще не факт,— сказала Вера.— Ужин прошел в дружеской обстановке, в атмосфере полного взаимопонимания. Хочу спать!

— Ладно, иди, я помою посуду,— сказал он и встал из-за стола.

— Сегодня моя очередь, ты мыл вчера,— запротестовала она.

— Не мешай, Верка! Адью, пока, спокойной ночи!

Он оттолкнул ее от стола, стал собирать посуду.

— Это нечестно! — возразила она, пытаясь отобрать у Федора чашки.— Я не усну, меня замучит совесть.

— Уступи дорогу, иду на зеленый свет.

— Моя же очередь, Федька!

Он двинулся вперед, чтобы пройти к раковине, хотел увернуться, но Вера толкнула его под локоть, и вся посуда с грохотом упала на пол. Со звоном разлетелись осколки.

— Поздравляю вас, мадам! — с огорчением и укором сказал Федор.— Какие были симпатичные чашечки!

— Прекрасный выход из положения,— сказала Вера, от души заливаясь веселым смехом.— И ничего не надо мыть. Прямо в ведро и в мусоропровод. Гениально!

Но Федор был огорчен: жалко чашек, придется покупать новые.

— Игра в благородство не получилась,— подвел он итог происшествию и принялся подбирать черепки.— Всегда знал, что с тобой каши не сваришь.

Пока Вера стелила постель, из кухни доносилось ворчание мужа.

— Ты должен учесть,— сказала она шутя,— что впереди у нас полвека совместной жизни. Представляешь: пятьдесят лет вместе — и дома и на работе.

— Неужели мы всю жизнь будем работать в одном цехе? — воскликнул Федор, вернувшись из кухни.

— А почему нет? — сказала Вера.— Очень даже может быть.

— Какой ужас! — сделал гримасу Федор.— Кончишь техникум, потом институт, станешь инженером, будешь командовать мной: «Не так делаешь, Гусаров, не то говоришь! Я тебе приказываю!»

— Дурень ты, Федька, артист погорелого театра. Разве я такая?

Федор закатил глаза, упал на кровать, дурашливо воскликнув:

— Умираю! Помогите!..

Будильник не подвел их, зазвонил громко, призывно, разбудил в назначенный час. В ту же секунду щелкнул выключатель, зажглась лампочка-ночник, и Федор первый вскочил с кровати. Взял продолжавший звонить будильник, поднес к уху жены.

— «Не спи, вставай, кудрявая!»

Она оттолкнула мужа рукой, натянула на голову одеяло.

— Заткни его, Федька. Перестань!

— За что голосуем: кофе или чай? — громко спросил Федор.

— Кофе! Ко-фе! — крикнула Вера.

За окном еще висела густая темнота, но в соседних домах уже зажигались огни, из подъездов выходили люди, торопились на работу.

В морозном тумане, как масляные пятна, расплывались разноцветные огоньки трамваев и автобусов, где-то лязгали звонки, визжали тормоза. Под ногами торопливо идущих людей скрипел снег.

6

В то раннее утро на окраине, в Заречье, у трамвайного кольца, в большом бревенчатом доме, в просторной комнате за широким столом завтракала семья Шкуратовых. Мать, Мария Емельяновна, женщина в солидных годах, но еще крепкая и сильная, разливала кофе, подвигала еду то одному, то другому работнику.

— Ешь, сынок... Возьми шанежку, доченька.

— Горячо, мама.

— Прямо со сковородки. А ты, Катенька, не спеши, успеешь.

— Вчера чуть не опоздала.

— Ты иди с Олей; ее ухажер, Степка Аринушкин, небось уже ждет с «Москвичом», и тебя подбросят.

— Вот еще выдумали! — вспыхнула Оля, восемнадцатилетняя дочь, самая молодая в этом доме.— Без «Москвича» обойдусь, пускай не воображает, что на его богатство позарилась.

— С милым и в шалаше рай! — сказал ее брат Николай и засмеялся.— «Ничего мне на свете не надо, только видеть тебя, милый мой»?

Оля вспыхнула, сердито взглянула на брата:

— Помолчал бы, полундра.

— Я пошутил, не сердись, сестренка.

— Не очень-то остроумно,— не унималась Оля.

Мать встала между ними, подложила в тарелки лепешек.

— Тебе, Коля, надо выпить горячего молока, всю ночь кашлем мучился,— посоветовала она сыну, стараясь сгладить неприятный разговор.— Вон отец наш двадцать лет каждое утро выпивает кружку молока и, слава богу, никогда не кашлял.

Самый старший Шкуратов — старый рабочий Никифор Данилович сидел во главе стола. Справа — старший сын Андрей и его жена Катерина, по другую сторону — дочь Оля, напротив, ближе к краю стола,— Николай. Поскольку он совсем недавно вернулся с флотской службы, в доме относились к нему по-особому, как к гостю или отпускнику. И брат, и сноха, и сестра были снисходительны к Николаю, а мать не сводила с него глаз, то скажет ласковое слово, то попотчует вкусной едой, то просто посмотрит и улыбнется.

— Жалко, вчера вечером тебя дома не было,— сказала мать Николаю.— Какую постановку по телевизору показывали! Про моряков.

— Сказали бы раньше,— огорчился Николай.— Я же не знал.

Никифор Данилович, сидевший молча и с суровым лицом, вытер ладонью усы, степенно сказал:

— Ешьте как следует, впереди целый день.

Все торопились, поглядывая на часы. Мать еще раз прошла с кофейником в руках, остановилась за спиной Николая, аккуратно налила в чашку, подвинула к сыну.

— Ешьте, дети, на весь день уходите.

Старший Шкуратов ел основательно, подчищал сковородку мякишем хлеба, пережевывал, хозяйским тоном изредка делал замечания:

— Опять у тебя, мать, хлеб зачерствел. Зубы сломаешь.

— Отрежь от серединки, помягче.

Никифор Данилович взял ножик, отрезал кусок хлеба, намазал маслом и яблочным джемом, хлебнул кофе из чашки и, нечаянно обжегшись, сердито фыркнул:

— Фу-ты, дьявол! Горячий!

Николай не удержался, прыснул от смеха.

— Смешно тебе, лоботрясу. Ты бы лучше вовремя домой являлся,— буркнул Николаю отец.— Шляешься по ночам бог знает где.

Мать знала, что отец недоволен ночными гуляниями Николая, и чувствовала, что он вот-вот сорвется, налетит на сына. Думала, что сегодня не будет такого разговора, пронесет судьба, так нет же, не пронесла. Надо же было ему поперхнуться! Она быстро подошла к мужу, положила руку на плечо.

— Ты осторожно, отец. Давай холодненьким молоком разбавлю.

— Не мешай разговору, я дело сказал,— не унимался старший Шкуратов.

— Пускай погуляет, пока холостой,— заступилась за Николая Катерина.— Кто в молодости по ночам не бродил?

— Пора бы и за ум взяться, не маленький,— сердился Никифор Данилович.— Помотался по белому свету, понюхал, чем жизнь пахнет в чужих краях, и довольно куралесить. Прыгаешь от одного дела к другому, как воробей с ветки на ветку. Не годится это настоящему рабочему человеку. Юнцом был, хотел в железнодорожники податься, да благо не вышло. И тужить не стоило. Пошел на завод, хорошим сварщиком сделался, уважали тебя. А что на флотской службе побывал, одна польза должна быть от этого, там, я думаю, настоящих людей делают. Так почему же ты все делаешь шиворот-навыворот? Не пошел опять в сварщики, а подался в наладчики, да еще в другой цех. Стыдно мне за тебя. Сам Косачев намекал, просил даже передать, чтобы ты вернулся в сварщики. Так, значит, надо, а ты свое. Без всякого уважения к старшим. Он тебе как отец, на руках тебя нянчил, все равно что я сам. Почему уперся?

— Раз не вернулся в свой цех, значит, есть причина,— упрямо сказал Николай.— И что вы все пристаете ко мне?

— Знаем твою причину, стыдно сказать,— оборвал его отец и отодвинул чашку.

— О чем вы говорите? — рассердился Николай.— Какая муха вас укусила с утра?

— Сам знаешь о чем. Мало, что всякие разговоры пошли по заводу? Не слыхал? Так я тебе прямо скажу: из-за Поспелова не идешь ты в сварщики, подальше от него держишься, поспеловскую жену не поделили.

— Сплетни все это! Выдумка,— вспыхнул Николай, вскакивая со стула.

— А чтобы не было выдумки, не шастай в чужой огород. Пора о женитьбе подумать, семьей обзавестись, к основательному делу причалить. Ты живи по-нашему, порабочему, чтобы во всем была ясность и все на виду у людей.

— Да что ты к нему привязываешься, отец? — вступилась за сына Мария Емельяновна.— Поесть не дашь спокойно. В чем же он виноват?

— Знает кошка, чье сало съела,— сказал отец.— Не успел снять флотскую одежу, как тут же заявился к тетке Дашке, фотографию своей бывшей крали забрал, будто не знает, чья она теперь жена.

— Фотография — не живой человек, ну и что, если взял? И откуда вы знаете?

— Дашка сама проболталась, да поздно схватилась. Я все понял. Ославишь людей, семью разобьешь, за это не похвалю.

— Может, кончим собрание? — сказал Николай.— Снимем этот вопрос с повестки дня? Вы же сами сказали, что я не маленький. Знаю, что делаю.

— Может, и не мал, да глуп. Не ходи к Дашке, не ищи свидания с прежней любовью. Упустил птицу, не ломай чужую клетку.

— Ладно, батя, разберусь.

— Я знаю, что говорю,— наседал на Николая отец.— Чужие бабы до добра не доведут.

— Не сердись на отца, сынок,— сказала Мария Емельяновна.— Мелет языком, сам не знает чего.

Катерина и Андрей с усмешкой переглянулись.

— Уж больно вы строго, папаша,— заступилась за Николая Катерина.— Вы бы Андрюшку тоже так-то ругали. Когда был молодой, не к одной ко мне хаживал.

— В нашем роду все одинаковые,— сказал Андрей, лукаво посмеиваясь.— Хоть ругай, хоть не ругай. Батя знает.

Отец сердито фыркнул, встал из-за стола.

Завтрак кончился. Все торопливо одевались, разбирали шапки, перчатки, топтались у дверей.

Отец постепенно остыл, потрепал чубастую голову сына Николая, которого только что бранил:

— Завязывай шапку как следует, тут тебе не Севастополь. Вон какой ветер на дворе. Уважь мою просьбу, иди в отдел кадров, просись на старую работу в электросварщики.

— Не знаю, батя, я же только что оформился в горячий цех. Сами говорите, нехорошо прыгать с ветки на ветку.

Направляясь к выходу и расталкивая всех, Никифор Данилович крикнул на пороге:

— Чего стоите? Забыли, как дверь открывается?

Большая, шумная семья высыпала на крыльцо.

Никифор Данилович, его сыновья и дочь работали на одном заводе. Шкуратов уже не один десяток лет живет в этих краях, пришел сюда молодым парнем еще в начале тридцатых годов, когда здесь начинались первые строительные работы. Дали тогда ему в руки лопату и послали на котлован в бригаду грабарей. Это было его рабочее крещение. В одном из бараков вскоре ему отвели уголок за занавеской, где он поселился с молодой женой.

Теперь только на старенькой фотографии можно увидеть, какими были в юности Мария и Никифор. У сегодняшней Марии Емельяновны от крепкой деревенской девушки остались одни веселые глаза да робкая, стеснительная улыбка, все же остальное переплавилось, перековалось в горниле долгой и трудной жизни. Кем она только не была, какой работы не делала! И на стройке, и на заводе, и в фабричном комитете, и в жилищно-строительном отделе, и так до самой пенсии. Да и по сей день никак не может привыкнуть, что ушла на отдых, все еще будто в строю, словно семья ей — не семья, а трудовая бригада. Она гордится тем, что хорошо прожила свою жизнь, родила и воспитала двоих сыновей и дочку, да не только своим детям матерью была, но и чужих ставить на ноги помогала.

Никифор Данилович был человек незаурядный. Еще в молодые годы прославился на стройке как стахановец, потом в разное время учился на различных курсах, стал квалифицированным рабочим, а после — мастером. В первый же день Великой Отечественной войны явился в военкомат, потребовал, чтобы отправили на фронт. Но его вместе с другими мастерами и опытными рабочими вернули на производство. Нужно было срочно налаживать выпуск оружия для фронта. Шкуратов нервничал, настаивал на своем, наконец согласился остаться на несколько недель, чтобы помочь женщинам и подросткам пустить на лад заводские дела, а сам все же надеялся отправиться на войну. Но жизнь повернула на свое: вскоре пришлось Шкуратову вместе с эвакуированными с востока рабочими делать снаряды и пушки и на базе старых цехов трубопрокатного завода строить новые цехи на голом пустыре, где под ударами лопат звенела промерзшая земля, а ветер валил с ног усталых людей.

Его сыновья, дочь и сноха прикипали к заводу, не отделяя своей судьбы от родительской. Старший сын сначала пошел в ремесленное, потом слесарил, закончил вечернюю десятилетку, поступил в институт, получил диплом инженера и снова вернулся на завод.

Косачев хорошо знал всю семью Шкуратовых, следил за Андрюшкой с малых лет, всегда поощрял его рвение к учебе. Сергей Тарасович умел ценить способных людей и, когда Андрей вернулся с дипломом, смело выдвинул молодого инженера на ответственную должность. Вот уже более двух лет Андрей работает начальником цеха, того самого знаменитого экспериментального цеха, который создавал сам Косачев. Женился Андрей на сокурснице по институту Катерине Фроловой, привел ее в отцовский дом. Никифор Данилович и Мария Емельяновна радушно приняли сноху:

— Живи у нас, умножай шкуратовский род.

Младший сын Шкуратовых Николай еще мальчишкой вопреки воле отца пошел учиться в железнодорожный техникум. Но из этой затеи ничего не вышло, не стал он машинистом. Отец был доволен, отвел сына на завод. Николай потянулся к электросварке, быстро освоил ее. Зарабатывал хорошо, жил в отцовском доме до са-

мого призыва во флот, сюда же вернулся и после службы.

Сейчас в трамвае отец исподлобья поглядывал на Николая, серчая на то, что сын запросто заговаривает то с одной, то с другой женщиной, да все с красивыми, знает толк, шельмец.

«Вот леший его возьми. Женился бы поскорее и присмирел».

Катерина с Олей тем временем ехали в автобусе своим маршрутом. Оля работала на заводской телефонной станции, а Катерина преподавала в металлургическом техникуме при заводе.

К заводской площади съезжались трамваи, автобусы, машины, стекались люди, здоровались, перекидывались шутками. До начала работы оставались считанные минуты.

За проходной и высоким забором вставали серые громады корпусов, тянулись ввысь закопченные кирпичные трубы, и красно-сизый летучий дым поднимался в морозное небо, клубился над гигантскими строениями из стали, бетона и стекла. Уже издали слышалось подспудное, мощное клокотание, отдавались тяжкие, глухие удары.

Над городом брезжил зимний рассвет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Вернувшись из Москвы, Сергей Тарасович с каждым днем утверждался в мысли, что его предложения в конце концов будут одобрены и приняты. Записка министру, все технические и экономические расчеты получаются весьма убедительными, продумана каждая деталь, все неопровержимо логично. Главным козырем сейчас был выигрыш во времени, и это было в руках Косачева. Пусть другие попробуют, потягаются.

По дороге на завод, в машине, он мысленно планировал дальнейший ход дела. «Во-первых,— думал он,— нужно основательно подготовиться к совещанию в Москве и добиться государственного заказа. Во-вторых, надо обеспечить изготовление труб высокого качества в обещанный срок, а то и ранее».

В решении первой задачи он больше всего рассчитывал на свою пробивную силу, на свой опыт. Дальнейшее же представлялось более сложным: сумеет ли собрать в один кулак и направить воедино усилия всех инженеров, техников, мастеров, рабочих — словом, всего заводского коллектива. Это не так-то просто, нужно время, терпеливая, разумная работа с людьми, меры убеждения.

Косачев полагал, что следует начать с психологической перестройки, с некоей встряски умов. Он знал, что вдруг переломить привычки и психологию людей нелегко. Ведь его завод уже много лет работает в отлично налаженном ритме, все идет в определенных размеренных рамках, и если иногда случаются срывы, это не страшно, их можно поправить на ходу. Все давно наловчились «затыкать мелкие дыры», вмиг приноравливаются к обстановке. Так и крутится все по заведенному кругу, только смотри-поглядывай да не торопясь поправляй.

Новое же дело, как известно, приносит много забот, и люди часто отмахиваются от него. Нечего, мол, рисковать, от добра добра не ищут. Он-то, Косачев, хорошо знает, как нелегко в таких случаях вводить новшество, менять налаженный ход производства, ломать старые привычки.

Как опытный руководитель, он не преувеличивал своих собственных сил, думал и о тех, кто работает в одной с ним упряжке. Он знал, что умеет ладить с людьми, был уверен, что столкуется и на этот раз.

«Надо расшевелить командиров производства,— думал Косачев.— Вот, к примеру, главный инженер Водников. Знает дело, правда, иногда нападает на него какая-то вялость или нерешительность, приходится напоминать, подталкивать. Интеллигент, деликатный человек, хотя и умеет хватку показать в иных случаях, но чаще пасует, боится спорить с людьми, не одернет кого следует, будто жалеет. Взять хотя бы его отношения с

заместителем, с Поспеловым. Никакой твердости, одни уговоры да назидательные беседы. Я сам не люблю Поспелова, хоть и знаю, что он толковый инженер. И если его подстегнуть, взять твердой рукой, он может здорово поставить электросварочное дело. Тут Поспелов мастак».

Думая о главном инженере и его заместителе, Косачев не хотел ничего преувеличивать и уменьшать, желал объективно разобраться в достоинствах и недостатках каждого.

У Водникова интересная и суровая биография. Был на фронте, у него много боевых орденов. В прошлом — артиллерийский офицер. Воевал в Донбассе, под Ростовом-на-Дону, в Сальских степях, в Сталинграде. Дважды был ранен: сперва в голову, потом в левое плечо. В боях за Сталинград был удостоен звания Героя Советского Союза.

Потом Белорусский фронт, Польша, плацдарм на Одере, сражение под Берлином. За это время Водников был ранен еще три раза: два ранения были легкими, а после третьего провалялся более двух месяцев.

Теперь, спустя много лет, Водникову иногда становится страшно от одного только воспоминания о тех боях, в которых он участвовал, и о том, через какой шквал огня и смерти прошел.

Когда кончилась война, Водникову едва исполнилось двадцать пять лет. Он решил поступить в институт, мечтал стать ракетостроителем. Но случилось так, что после защиты диплома его послали работать на флот, занимался он делом, далеким от ракетостроения, хотя интересным и увлекательным для молодого инженера. Служил на корабле, надолго уходил в море и, привыкший к суше, тосковал по земле, по деревьям, по шумной жизни на городских улицах. Постепенно росла в его душе какая-то странная неприязнь к морю, к пугающему неоглядному простору серо-зеленой холодной воды, свинцовому небу. Корабль, на котором служил Водников, однажды наскочил на мину. Это было далеко от берега, от других кораблей, помощь не подоспела вовремя, судно пошло ко дну. В этой катастрофе Кирилл Николаевич был контужен, простудил легкие, едва не погиб.

Больше года лечился в Ленинграде в госпитале, и по состоянию здоровья его списали с флота.

Года через два Кирилл Николаевич по рекомендации главка был направлен на гражданскую работу — на трубопрокатный завод, где судьба свела его с Косачевым. Сергей Тарасович, присматриваясь к новому специалисту, почувствовал в нем характер организатора и незаурядный инженерный талант. Назначил его начальником участка, потом начальником цеха. Вскоре Косачев предложил ему должность главного инженера завода. С тех пор прошло более десяти лет, и Сергей Тарасович ни разу не пожалел о своем выборе, был доволен главным инженером, хотя время от времени «песочил».

Недавно Косачев дружески заметил Водникову:

— Уж больно ровный ты стал, Кирилл Николаевич. Ничем тебя не взорвешь, все на одной скорости бегаешь. Надо решительнее переключаться.

— Согласен, Сергей Тарасович. Расчеты сделаем как надо.

— Расчеты — это еще не все,— сказал Косачев.— Нужен правильный настрой ума и воли. И не только в твоей и моей башке, а у всех решительно.

О том, как «настроить» весь коллектив, Косачев думал и сейчас, сидя в машине. Всех он знал, видел, кто в чем силен и в чем слаб.

Вячеслав Иванович Поспелов, толковый работник и хороший специалист, совсем из молодых, всего лет восемь назад окончил институт стали, написал оригинальную работу по проблемам сварки твердых сплавов, сразу выдвинулся. Его приглашали в НИИ, обещали приличную должность, хороший оклад, но он не захотел идти по ученой линии, попросился на производство. Увлекался кибернетикой, автоматикой, заставил работать над этой темой весь отдел технической информации, требуя от сотрудников самых подробных сведений о новейших изобретениях в технике и открытиях в науке как у нас, так и за рубежом. Его знаниям могли позавидовать многие. Но чем больше он узнавал о достижениях современной техники и науки за рубежом, тем скептичнее смотрел на перспективы отечественного трубостроения.

— Они уже вон где, а мы? Куда нам!

Приток новой информации, неожиданные толкования учеными и специалистами давно известных и, казалось, вполне понятных ранее проблем не вооружали Поспелова силой нового знания, а, наоборот, обезоруживали, вы-

зывали некую растерянность. Ему казалось, что он сам безнадежно отстает, а бежать было страшно: вдруг выберешь неверное направление?

Как-то раз, передавая Поспелову очередной бюллетень новостей науки и техники, заведующая отделом технической информации инженер Нонна Столбова сказала:

— Тяжело на вас смотреть, Вячеслав Иванович.

— Почему?

— Удивляюсь, как может одна голова вместить такое количество информации. Когда вы перестанете собирать и начнете отдавать? Вы не человек, а горе от ума.

Поспелов нимало не обиделся на Нонну. Она ведь не понимает, что знания нужно копить, как электрический заряд, только в таком случае можно рассчитывать на мощный разряд и яркую вспышку.

Но стоило нерешительного Поспелова подхлестнуть, «захомутать», как он энергично брался за дело, выполнял его со знанием и толком. Косачеву нравились молодые, как он говорил, «необъезженные скакуны», он с удовольствием вовлекал их в круг настоящих больших дел и терпеливо «объезжал», гоняя до седьмого пота. Испытывая личную неприязнь к Поспелову, он все-таки считал его человеком способным, в известной степени оригинальным.

Поспелов был убежденный технократ, свято верил в непогрешимость электронно-вычислительных машин, а их умение быстро считать и прогнозировать ставил выше мыслительных способностей человека.

— Человек ненадежен,— рассуждал Поспелов,— быстро устает, хрупкая психика делает его переменчивым, капризным. Будущее, несомненно, принадлежит компьютерам, пора всем понять, что машины призваны сыграть решающую роль в научно-техническом прогрессе, в развитии производства.

Увлекаясь машинами и кибернетикой, он и в самом деле недооценивал роль человека в развитии общественных производительных сил.

Косачев стал испытывать неприязнь к Поспелову с тех пор, как узнал, что Поспелов женился на девушке, которая была невестой Николая Шкуратова. Косачеву было неприятно, что на заводе нашелся человек, который прямо или косвенно пошел против Шкуратовых. И надо

же было такому случиться! Очень обидно ему стало за Николая, которому Сергей Тарасович всегда симпатизировал, следил, как парень растет, чем интересуется, как учится.

...Машина наконец остановилась перед заводскими воротами. Косачев через смотровое стекло увидел знакомые серые корпуса.

— Уже? Приехали? — спросил он Семена Герасимовича, с волнением наблюдая за потоком людей, устремившихся к проходной и оживленно разговаривающих.

— Она и есть, центральная проходная.

— С приездом, Сергей Тарасович! А мы-то переполошились,— слышался рядом громкий голос вахтера, открывавшего ворота и пропускавшего директорскую машину. Старый усатый вахтер в черном полушубке улыбнулся директору, даже снял шапку и помахал ею в воздухе.— Желаю здравствовать!

— Спасибо! — ответил ему Косачев и улыбнулся вахтеру, которого он лично знал лет двадцать пять.

Директор всегда въезжал на завод через главные ворота, откуда его сверкающая черная машина плавно катилась вдоль аллеи Героев труда к парадному подъезду заводоуправления. Шофер знал, что директор любит ездить по этой дорожке медленно, и всегда сбавлял скорость. Было приятно смотреть на заснеженные ветки берез, на белые стволы, смирно стоящие в сугробах, как солдатская шеренга. Вдоль расчищенной дорожки слева и справа на больших дюралевых щитах висели портреты передовиков производства, ударников, лучших людей завода. Директор знал в лицо каждого человека.

В середине аллеи Сергей Тарасович увидел двух рабочих, которые снимали со щита чей-то портрет.

— Останови,— приказал он шоферу.

Когда машина прижалась к кромке, вышел на дорожку.

Два парня в спецовках снимали портрет старого котельщика Петра Максимовича Воронкова.

Увидев директора, рабочие поздоровались с ним.

— В чем дело? — спросил Косачев.— Почему снимаете?

Младший рабочий бросил папиросу на снег, наступил ногой. А старший пожал плечами, спокойно ответил:

— Из отдела кадров распорядились. Старик уже не работает.

— Как это не работает? Куда же он делся?

— А кто его знает! Говорят, уволился.

Косачев чуть было не взорвался от злости, но сдержал себя, не повысил голоса.

— Поставьте портрет на место. Я отменяю распоряжение отдела кадров,— строго приказал он рабочим.

— Да мы-то при чем? — пожал плечами младший, парень в серой заячьей ушанке.— Нам приказали.

— Делай, как я сказал.— Косачев сердито хлопнул дверцей машины.

Ребята вставили портрет Воронкова на прежнее место, закурили, принялись собирать инструмент в деревянный сундучок.

Эта история озадачила и расстроила Косачева. Войдя в кабинет, он тут же снял трубку внутреннего телефона, соединился с начальником отдела кадров Москалевым.

— Алексей Петрович, это ты распорядился снять портрет котельщика Воронкова?

— Я, Сергей Тарасович,— простодушно признался Москалев.— Он уже уволился, приказ подписан.

— Кто подписал?

— Главный инженер. По собственному желанию.

— Возьми дело Воронкова и немедленно зайди ко мне вместе с главным инженером.

Через десять минут все трое сидели над папкой с делом Воронкова. Косачев прочел заявление рабочего: «Прошу освободить меня от работы по собственному желанию».

— Да, коротко и неясно. Вы беседовали с ним? — спросил Косачев Водникова.

— А что беседовать? — пожал плечами главный инженер.— Человек просит освободить от работы по собственному желанию. Что тут особенного? Не вижу основания задерживать, тем более, что мы можем заменить его молодым котельщиком.

— И ты не говорил с Воронковым? — глянул Косачев на начальника отдела кадров, крепкого, здорового мужчину, который был раза в два моложе директора.

— Да нет, Сергей Тарасович, не говорил.

Косачев укоризненно посмотрел на Водникова, потом на Москалева, развел руками:

— Удивительный народ! Не говорили, не интересовались. Не смели задерживать! Да как это могло случиться? Старый рабочий, тридцать семь лет трудового стажа, фундамент завода закладывал, тридцать два года в партии, знатный человек, и вдруг уходит по собственному желанию? Подумали вы оба, откуда у него такое желание появилось и почему? Ни персональной пенсии не попросил — а она ему положена по закону! — ни с коллективом не попрощался, а так себе, просто подал заявление, вы и подмахнули. Ничего не спросили и даже спасибо ему за его труд не сказали! А он, видать, в обиде на нас, а то почему бы ушел таким образом?

— Да он всегда недовольство высказывал,— заметил Алексей Петрович.— По всякому поводу, сколько я помню.

— Ершистый человек,— подтвердил главный инженер.— Всем же известно.

— А может, и были причины для недовольства? — горячился Косачев.— Мы с ним начали работать, когда ты, Алексей Петрович, еще под стол пешком ходил. Недовольство высказывал! Вот и надо было внимательно выслушать, чем недоволен. Ему наш завод и все наше дело дорого не менее, чем нам с вами. Всю жизнь заводу отдал, и вдруг: «Увольте по собственному желанию». И никому в голову не пришло спросить, что же случилось? Ну и ну!

— Очень уж вы к сердцу принимаете, Сергей Тарасович,— сказал Москалев.— Я и не думал. Учтем на будущее.

— Детский сад! — с досадой оборвал его Косачев.— Наломал дров и ничего не понял. Это же чепе в городском масштабе.

— Это, конечно, ошибка, Сергей Тарасович,— не переча директору, признался Водников,— и в первую очередь моя. Я подписал приказ. Не придал значения, не думал, что тут какая-то подоплека.

— Да никакой особой подоплеки нет,— сердился Косачев,— человек погорячился. Это же ясно, а вы...

— Мы, конечно, ошиблись, надо признать,— закивал головой Москалев.

— Ошибки надо исправлять, а не только признавать,— сказал Косачев.— Здесь правильно указан его домашний адрес?

— Правильно.

— Ладно, идите работать.

Косачев сердито посмотрел на дверь, за которой скрылись главный инженер и начальник отдела кадров. «Еще одна проблема, черт возьми!»

2

Вера, как всегда перед началом смены, наводила порядок: расправила пестрый половичок, все протерла белой чистой тряпкой, полила цветок в горшке, пристроенном на выступе рамы. Заглянула в зеркало, поправила прическу, слегка стянула волосы косынкой и уселась за пульт.

Из операторской будки подъемного крана хорошо просматривался широкий простор трубоэлектросварочного цеха с высокой стеклянной крышей. В ясные дни сквозь крышу лились полосы солнечного света, бросая теплые отблески на металлические фермы и эстакады. Устраиваясь на своем рабочем месте, Вера каждый раз садилась за пульт с каким-то странным озорным чувством, будто ее подъемный кран был совсем не краном, а космическим снарядом, на котором можно было сейчас же пуститься в межзвездный полет.

Внизу уже начали работать все линии станов. Огромный цех гудел и содрогался, будто некий фантастический гигант делал могучий вдох, набирая полную грудь воздуха перед тем, как хорошенько поднатужиться и единым рывком сдвинуться с места.

Включив пульт, Вера поискала взглядом своего мужа.

Федор уже стоял на своем рабочем месте, будто между прочим кинул взгляд в сторону крана, по привычке помахал рукой Вере.

Начальник цеха Андрей Шкуратов шел по длинному пролету, окликнул сварщика Степана Аринушкина, остановился, передал ему какую-то бумажку и двинулся дальше к прессовочным станам. Поднявшись на эстакаду, он увидел на одном из пролетных мостиков женскую фигуру в белом халате. Это была Нина Степановна. Андрей знал, что, выйдя замуж за Поспелова, Нина перевелась из городской больницы в заводскую поликлинику, кажется, работает старшей медсестрой. «Как тесен

мир,— подумал Андрей,— опять судьба ведет ее по той дорожке, на которую вернулся Николай».

С небольшим чемоданчиком-аптечкой в руках Нина Степановна неторопливо прошла из цеха во двор, направилась в соседний корпус, где работал Николай. Андрею почему-то подумалось, что Нина ищет его брата.

«К чему такие свидания? — с досадой подумал Андрей.— При людях, среди белого дня? Не позорила бы мужа. Все же увидят, пойдут пересуды, насмешки. Да и Николаю ни к чему такие спектакли».

Войдя в цех горячей прокатки, Нина поднялась на мостик в том месте, где работала бригада наладчиков. Осмотревшись по сторонам, остановила свой взгляд на группе людей, но среди них, кажется, не было того, кого искала. Она посмотрела в другую сторону и сразу увидела Николая. Остановилась и, никем не замеченная, внимательно смотрела на него. Зачем пришла, зачем стояла, чего ждала? Кажется, и сама не знала, как быть, не хотелось попасться на глаза посторонним людям. В нерешительности сделала шаг, чтобы уйти, но опять остановилась, как прихваченная магнитом. Что ей нужно было теперь от человека, которому изменила? Что скажет ему, как посмотрит в глаза?

«Стыдно-то как! — в смятении думала Нина.— Бежать, пока не увидел. Бежать!»

Но она ничего не могла сделать с собой, не смела сдвинуться с места, стояла, смотрела на Николая.

Николай почувствовал на себе этот взгляд, поднял голову и сразу же увидел Нину. Она стояла совсем близко, красивая, в белом халате.

«Неужели она? Ну конечно же Нина! Повзрослела, чуть пополнела, какая-то нервность в лице».

Сбивчивые, тревожные мысли вспыхнули в голове Николая, пока он смотрел на Нину. Она не отвернулась, уставившись взглядом в упор, нисколько не смутилась, даже приветливо улыбнулась Николаю. Он резко опустил голову, повернулся спиной, стараясь продолжать работу, но руки не слушались.

Нина стояла на мостике, ждала, когда он еще раз обернется. Но Николай, наклонившись над грохочущими рольгангами, что-то подкручивал ключом, не смотрел на нее.

Не разгибая спины, не оборачиваясь, он долго, в за-

мешательстве, рвал ключом гайки, закручивая до отказа.

«Долго будет стоять или уже ушла? — думал он, боясь оглянуться.— Зачем появилась? Что ей надо? Специально хотела встретиться или вышло случайно?»

Он не ожидал такой встречи, и ему было неприятно, что Нина появилась в цехе.

«Скорее бы ушла»,— думал он, раздражаясь, и при этом ему хотелось оглянуться и увидеть ее.

Он продолжал возиться с зажимами. Раскаленная цельносварная труба, которая беспрерывно тянулась по грохочущим рольгангам, дышала нестерпимым жаром, была совсем близко. Алая горячая лента неслась перед глазами, как огненная струя.

Обливаясь потом, он прикрыл лицо рукой, отошел от стана. Скосил глаза на мостик и увидел, что Нины уже не было там. Николай закурил, вытирая потное лицо, несколько раз оглянулся на раскаленную ленту сварной трубы толщиной с корабельный канат. На выходе из рольгангов ножи отрезали от ползущей трубы одинаковой длины концы, сбрасывая их на бетонные плиты пола.

Сверкание огня напомнило Николаю пылающий костер на берегу озера и тот далекий день, когда друзья провожали его вместе с другими заводскими ребятами в армию. По заведенному обычаю молодежь устроила прощальную гулянку. Собралась большая компания, взяли продукты, поехали за город. Ясно вспомнилось, как тогда у костра плясала Нина, а Николай играл на гитаре. Нина прыгала и извивалась отчаянно, лихо, как пламя огня на ветру. Все хлопали в ладоши, кричали в такт вихревому танцу:

— «Эх, раз! Еще раз! Еще много, много раз!»

Николай тоже кричал, пританцовывая, не сводя глаз с Нины.

В тот день она была особенно возбуждена, будто не знала, куда девать свои силы, пела, плясала, носилась по кругу с неудержимым задором. Казалось, она была счастлива и радость переполняла ее. Все любовались ею. И только один Николай чувствовал какую-то скрытую напряженность в поведении Нины, боялся, что она не выдержит, взорвется, сделает что-нибудь неожиданное для него, а может, и для самой себя.

Он неотступно ходил за ней, боялся упустить хоть

малейшую возможность остаться с ней наедине, объясниться.

Уже были спеты все песни, кончался день, выпитое вино разгорячило ребят и девчат. Несколько парочек уже давно ушли. Николай не решался обнять Нину при всех.

«Да что она играет со мной? — злился Николай, глядя на Нину.— Сама понимает, не чужие мы с ней. Не на один день ухожу».

Он начинал нервничать.

Перетанцевали все танцы, Нина, кажется, едва держалась на ногах, а все плясала и плясала. Наконец она выскочила из круга и побежала от костра в синие сумерки на скошенное поле. Николай бросил гитару, кинулся в ту же сторону. Догнал ее у самого сенного сарая.

— Устала? — спросил он участливо.— Весь день танцуешь, песни поешь. Нынче ты особенно красивая, лучше всех.

Нина не взглянула на него, ничего не ответила на слова Николая. Будто не замечала, что он пришел, стоит рядом. Упала на стог сена, разгоряченная и усталая, уткнулась лицом в сухой душистый клевер, тихо смеялась.

— Зачем явился? Кто тебя звал? — спросила она, не поворачиваясь к нему, продолжая смеяться.

Он приблизился к ней, упал на колени, шурша сухим клевером.

— Ну что ты так? Я по-хорошему, ты не бойся.

Он хотел обнять Нину, коснулся рукой обнаженного жаркого плеча.

Она мгновенно вскочила на ноги, сильными руками оттолкнула Николая.

— Нет! Нет! Нельзя так, иди к ребятам.

Но Николай не хотел слушать ее, крепко схватил за руки.

— Поговорить надо, последний день видимся.

— Пусти руки! Пусти!

Но он все сильнее тянул ее вниз, на душистое сено.

— Пусти! Пусти!

Она вырвалась из его рук, выскочила из сарая и побежала на открытую поляну. Отсюда был виден костер. Она помахала ребятам рукой, пошла к озеру.

Николай стоял у сарая, разгоряченный и виноватый, в досаде кусал губы.

«Ну как же я так? Не мог по-человечески, напугал. Ну что она со мной делает, как ей сказать, что люблю, что прошу ждать меня? Э, дурья голова!»

Он вернулся к ребятам, где догорал костер и тихий девичий голос пел грустную песню, а рядом единственная пара лениво танцевала под транзистор.

Повернув регулятор громкости так, что музыка понеслась по всей окрестности, Николай прыгнул через костер к танцующей парочке, выскочил на выбитую траву и, поднимая пыль, пошел в пляс, извиваясь упругим сильным телом, то высоко подскакивая, то падая на колени. Плясал долго, пока не увидел, как к костру медленно подошла Нина с цветком в руке.

Он покорно и смирно встал рядом. А музыка гремела, словно звала на круг.

— Потанцуем? — вежливо пригласил он Нину.— Ведь такой день!

Она подала ему руку.

Костер давно догорел, и в сизом пепле тлели последние остатки углей.

Нина и Николай все танцевали и танцевали, кружились самозабвенно, опьяненные близостью, забыв про все на свете. Танцевали долго, до темноты, и не заметили, как разбрелись все их товарищи, оставив на траве неугомонный транзистор.

Не выпуская из своих рук горячую, мягкую Нинину руку, Николай поцеловал девушку в щеку, повел ее от костра. Они медленно пошли по темному полю, плечом к плечу, держась за руки, и не заметили, как опять приблизились к сенному сараю. Остановились перед входом. Она прислонилась к дверям, не желая идти дальше, но Николай оттолкнул дверь ногой, повел Нину за собой, в темноту. Он стал обнимать Нину, пытаясь поцеловать. Она сильным рывком оттолкнула его, кинулась к выходу, но споткнулась и упала. Он преградил ей дорогу, она вскрикнула и, отбиваясь кулаками, рванулась к дверному проему. В это время мимо сенного сарая проходили ребята с гитарой, и Нина выбежала к ним, присоединилась к компании.

Николай не побежал за ней, остался, уверенный, что она вернется. Долго лежал в темноте, прислушиваясь, выходил из сарая и опять возвращался, яростно и зло

топтал сено. Усталый, прилег на сухой клевер и не заметил, как уснул.

Когда он проснулся, было уже утро, сквозь щели струился яркий солнечный свет. Он поднял голову, оглянулся. В сарае никого не было.

«Где же Нина? Не пришла? — с досадой подумал он.— Как же я прозевал, черт возьми!»

Он вышел из сарая и, щуря глаза от яркого солнца, пошел в сторону озера, где золотисто сверкали высокие поредевшие сосны. За толстыми стволами сосен Николай увидел озерную гладь, полоску синего неба и белый парус. На берегу стояла Нина в ярком красном сарафане.

«Значит, ждала меня. Видно, всю ночь пробродила у озера»,— подумал Николай и напрямик пошел к берегу.

Подойдя поближе, он увидел у самого берега небольшую спортивную яхту. На яхте стоял молодой мужчина, обнаженный до пояса, загорелый, в белой панаме, сдвинутой на затылок. Он был в веселом настроении, громко разговаривал с Ниной, которая стояла невдалеке на берегу. Видно, мужчина приглашал ее прокатиться на яхте.

— Уверяю вас, девушка,— говорил мужчина.— Прокатиться под парусом — одно удовольствие, честное слово! Никакой опасности. Сами же видите, отличная погода.

Нина не трогалась с места, улыбаясь.

— Спасибо, я не могу.

Она, по правде говоря, откровенно любовалась яхтой и белым парусом. Да и владелец яхты вел себя вполне корректно, любезно представился: заместитель главного инженера трубопрокатного завода Вячеслав Иванович Поспелов. Но зачем он Нине? Появился здесь совсем неожиданно, когда Нина купалась, и приглашает кататься. От скуки, наверное. Был бы знакомый, почему бы не прокатиться? Яхта красивая!

Нина не заметила, как к берегу подошел Николай. Ему показалось, что она слишком кокетливо разговаривает с незнакомым мужчиной.

— Нина! — позвал он резко.— Иди сюда!

Нине был неприятен этот окрик. Но она сдержалась, не ответила грубостью на грубость, спокойно повернулась к Николаю, шутливо сказала:

— А меня чуть не похитили. Хотели увезти далеко-далеко, за синее море.

— В самом деле,— улыбаясь обоим молодым людям, сказал мужчина в панаме.— Прекрасная прогулка. Не пожалеете, девушка. Решайтесь. Я приглашаю вас.

Николай уже стоял рядом с Ниной, взял ее за руку.

Мужчина на яхте насмешливо крикнул Нине:

— Ага! Вы арестованы!

Это задело Нину, и она освободила руку, сказала Николаю:

— Ты кто? Мой сторож?

Спокойно пошла к воде, окунула сначала одну, потом другую ногу. Коричневые ноги и красный сарафан зыбким пятном отразились в водном зеркале. Девушка счастливо засмеялась, помахала рукой мужчине на яхте:

— Завидую вам. Прощайте!

— Я поплыву только с вами,— любезно сказал хозяин яхты, видимо рассчитывая узнать, как будет реагировать парень на берегу.

— Это невозможно,— ответила Нина.— Счастливого плавания!

— Я приглашаю вас обоих. Пожалуйста! — сказал он, взглянув на Николая.

— Советую отчаливать. Никто с вами кататься не станет. Покиньте порт, сэр.

Видя, что парень злится, хозяин яхты решил слегка подразнить его:

— Разве вы комендант этого порта? Я приглашаю девушку и думаю, что такую прогулку она может совершить без вашей визы.

Николай вспыхнул от злости, ему хотелось схватить этого непрошеного капитана и поколотить.

— Напрасно тратите время и красноречие, она не пойдет. Я запрещаю ей,— сказал он грубо, чтобы отвязаться от владельца яхты.

— Вон как? А если девушка хочет кататься? — не унимался мужчина, поглядывая на Нину.

— Я сказал свое слово: она не пойдет. Я запрещаю.

Властный тон Николая действительно задел Нину. Почему он приказывает ей при постороннем человеке?

— Да кто вы такой, чтобы ей запрещать? Начальник? Муж? — засмеялся хозяин яхты, видя, что девушка раздражена повелительным тоном парня.

— Не ваше дело! Она не поедет,— крикнул Николай.

Владелец яхты засмеялся:

— Что же вы, девушка? В самом деле не поедете? Я жду вас.

Нина шлепала ногой по воде, не выражая готовности подчиниться Николаю. Она медлила.

От этого Николай еще больше рассвирепел:

— Поднимай якорь! Катись, пока цел! Подумаешь, чем покупает девушек — яхтой! Да если она и согласится, я не пущу.— Подошел к Нине, снова взял за руку.— Пошли! Уставилась, подумаешь! Пошли!

Нина строптиво повернулась, пошла в воду к яхте.

— Дайте руку, молодой человек,— сказала она хозяину яхты.— Пожалуй, я прокачусь.

Но едва успел Поспелов протянуть Нине руку, как Николай схватил ее, потащил к берегу. Поспелов спрыгнул с яхты, чтобы защитить девушку. Два молодых человека налетели друг на друга.

Нина кинулась разнимать их, кричала:

— Остановитесь! Перестаньте! Я пошутила. Оставь его, Коля!

Она с трудом разняла мужчин; удерживая Николая, ласково говорила:

— Шуток не понимаешь, да? Ведь сам виноват. Зачем так со мной разговариваешь? Приказчик какой. Назло тебе уеду!

— Уедем,— дразнил парня хозяин яхты, черпая ладонями воду и умываясь.— Уедем, девушка!

— Уедем! — сказала Нина и засмеялась.— «Играет море, ветер свищет, и мачта гнется и скрипит. Увы, он счастия не ищет и не от счастия бежит».— Она шагнула в воду и озорно крикнула: — Поднимай паруса!

Николай не понял ее шутки:

— Ну и катись на все стороны, плыви под парусами! Плыви, дуреха! — Сорвался с места и побежал прочь от берега.

— Куда ты, Коля? Куда же ты? Постой! — кинулась Нина за ним.

Но он не остановился, даже не оглянулся.

Нина побелела от обиды.

Хозяин яхты, который до этого поддразнивал девушку и парня, серьезно сказал ей:

— Верните его, девушка! Он же, дурак, любит вас и

не знает, что делать, от ревности бесится. Догоните его, простите обиду, он молод и глуп.

Но Нина не побежала за Николаем. Она не знала, что с этой минуты многое в ее жизни переменится так, как нельзя было и представить в тот миг. Николай уехал не простившись.

Вот об этом и вспоминал он теперь. Бывает же так, что перед тобой в одно мгновение пронесутся целые годы, а то и вся жизнь.

Николай вернулся на свое рабочее место, еще раз взглянув в сторону мостика, где только что стояла Нина. Не приснилась ли она ему?

...Андрей Шкуратов, прежде чем подняться в свою конторку, прошел к прессовому стану, где работала бригада во главе с Никифором Даниловичем. Рабочие делали обжимы полуцилиндров из стального листа. Здесь немного потише и можно разговаривать, хотя тоже приходится кричать.

— Как с давлением? — спросил Андрей.— Держит?

— Не в давлении дело,— крикнул в досаде молодой парень.— Кромку надо толково зачищать. Халтура!

— Сам погляди,— сказал Никифор Данилович сыну.— Края листа коробятся под прессом. Кромки неправильно затачиваем, по-другому надо. Неподходящий лист. Давно толкуем, обещали прислать другой, да на том и успокоились.

— Надо сказать главному инженеру. Пусть сам разберется.

— Сто раз говорили! — Рабочий махнул рукой, занялся своим делом.

Андрей пошел вдоль стены, свернул в пролет и по узкой лестнице поднялся в кабинет. Две стены кабинета были стеклянные, и со своего места за столом Андрей видел весь цех как на ладони.

Включил репродуктор, закурил, принялся просматривать журнал, делал записи.

Звонок телефона оторвал Андрея от дела. В трубке послышался голос секретарши Елизаветы Петровны:

— Андрей Никифорович, срочно явитесь к Сергею Тарасовичу на совещание.

— Вас понял. Иду.

Кабинет у Косачева был большой, как университетский актовый зал, с высоким потолком, широкими окнами. В глубине, на глухой стене висел большой портрет Серго Орджоникидзе. Столы, как во многих других официальных кабинетах, составлены буквой Т, покрыты зеленым сукном. С правой стороны вдоль стены устроен аквариум с внутренними перегородками и эффектными электрическими подсветками.

Все приглашенные собрались в ожидании начала совещания, тихо переговаривались, рассаживались по местам.

Косачев поднялся из-за стола, окинул всех острым взглядом, приветственно кивнул головой.

— Приступим к делу, товарищи. Докладывайте, Кирилл Николаевич.

Косачев стоял спиной к высокому окну, склонившись над широким столом, заваленным чертежами и бумагами, несколько минут внимательно прислушивался к словам главного инженера.

Чуть отодвинувшись от стола, на мягком стуле с красной обивкой сидел Уломов, с озабоченным видом делал заметки в блокноте. Его узкое лицо с седыми бровями, рассеченным подбородком и припухлой верхней губой казалось бледным, усталым, пальцы, державшие карандаш, нервно подергивались, когда он переставал писать.

Водников говорил уверенно, четко, формулировал мысли кратко, почти в телеграфном стиле. Когда он сказал, что завод до сих пор не получил от поставщика давно обещанного стального листа и что придется еще долго и терпеливо ждать поставок от прокатчиков, Косачев категорическим тоном перебил докладчика:

— Нельзя с этим мириться, Кирилл Николаевич! Надо требовать, а не ждать. Не надейтесь на самотек.

— Мы строим наши отношения с поставщиками на доверии, Сергей Тарасович. Они же ответственные, взрослые люди,— пытался объяснить свою позицию смущенный Водников.— И к тому же не было экстренной срочности, мы и не нажимали.

— Придется вам, Кирилл Николаевич, самому слетать на завод, лично проследить, чтобы прокатчики выполнили наконец наше требование.

— Разумеется,— согласился Водников.— Будем действовать. Примем меры.

— И вы, Вячеслав Иванович, проявите побольше энергии,— обратился Косачев к Поспелову.— Надо активнее помогать главному инженеру.

В ответ Поспелов пожал плечами и спокойно сказал:

— Да я всей душой, Сергей Тарасович, но ведь это нелегкое дело.

И тут он встретился с таким колючим взглядом Косачева, какого раньше никогда не замечал.

— Забудьте старые песни, Вячеслав Иванович. Надоело слушать эту присказку: «Нелегкое дело, нелегкое дело». Я знаю, что на заводе есть и такие люди, которые упрямо полагают, что нам вовсе не надо заниматься двухшовными трубами большого диаметра. Это, мол, не наше дело, хватит с нас и того дела, за которое нас награждают и благодарят. Пора, товарищи, всем понять, что не я один, а вся страна, сама жизнь требуют создания крупнокалиберных труб для газопроводов и нефтетрасс. И решить эту задачу — дело нашей чести, других мнений не может быть.

Косачев прямо посмотрел на всех собравшихся, сделал паузу и спокойно, четко изложил свой план дальнейших действий, объяснил, почему так срочно нужна обстоятельная записка в министерство.

Люди оживились, согласно кивали в ответ на слова Косачева, поддерживали директора. Поспелов даже хлопнул в ладоши раза два, но тут же смутился, покраснел и сконфуженно засмеялся, боясь, что иные могут неправильно понять его, посчитают флюгером: вертится, мол, туда-сюда, как дует ветер.

— Согласны! Согласны! — крикнул он громче всех.— Я все это сказал для полемики. В целом я — за.

— Вечно вы с фокусами, Вячеслав Иванович,— упрекнул Поспелова Андрей Шкуратов.

Со всех сторон донесся до Косачева веселый гомон, задвигались стулья, многие инженеры встали со своих мест. Все, кажется, ясно, довольно спорить и дискутировать, пора браться за дело.

Косачев дружелюбно смотрел на инженеров, снял очки, бросил их на чертежи, разложенные на столе, улыбнулся.

— Есть у кого-нибудь сигареты с фильтром, черт возьми?

Наступила разрядка...

Андрей Шкуратов проворно протянул пачку Косачеву:

— Прошу вас, Сергей Тарасович, угощайтесь! Только они и с фильтром вредные. Вы, кажется, совсем бросили?

— С вами, чертями, бросишь,— пошутил Косачев.— Сами дымите, а мне нельзя?

К Косачеву потянулись руки с зажигалками, он прикурил от одной из них, глотнул горький дым, закашлялся, но не бросил сигарету.

— Прошу вас, товарищи, действуйте, как договорились. Пусть знает Москва, на что мы способны. Успех нашего эксперимента будет сильнейшим козырем и веским доказательством в пользу наших проектов.

3

Весь этот вечер Косачеву не давала покоя история со старым другом рабочим Воронковым. И на совещании с инженерами и во время обхода завода он вспоминал о своем однокашнике, человеке строптивом и горячем, еще с молодых лет прослывшем заводилой и бузотером в самом добром значении этого слова. Строгий был, крикливый, часто выступал на собраниях, и если уж кого-нибудь критиковал, то с шутками-прибаутками, заковыристо, догадывайтесь, мол, сами, о ком говорю. А многим не стеснялся сказать правду и в глаза. Несколько лет назад Воронков тяжело заболел воспалением легких, прохворал долго, силы поубавилось, и, вернувшись на завод, заметно сократил активность, ограничиваясь делами цехового масштаба.

Как-то после болезни нежданно встретились они с Косачевым на заводском дворе. Косачев обрадовался старому товарищу, долго тряс руку.

— Давненько тебя не вижу,— говорил он Воронкову.— На собраниях не выступаешь, ко мне не заходишь.

Воронков вроде с обидой дернул плечами, сказал Косачеву:

— А я болел, без малого два месяца провалялся.

— Да ну? — удивился директор.— Теперь-то здоров?

— Оклемался.

— Скажи пожалуйста!

Воронков усмехнулся.

— Я тебя ждал, думал, придешь, проведаешь,— сказал он директору.— Знаешь, как в больнице тоскливо, особенно в нашем возрасте. Один раз даже будто твой голос за дверью услышал, обрадовался.

Косачев виновато вздохнул:

— Не знал я, Петро. Не знал.

— Откуда узнаешь? — неопределенно кивнул Воронков, поглядывая на Косачева колючим взглядом.— Заводище вон какой — целый город. Когда начинали строить, не думали, что такой будет. Тут помрет человек, и не узнаешь, что похоронили. Зашел бы как-нибудь в гости. Аленка обрадуется.

— Дела, разве выберешься? А надо бы, старая дружба не должна ржаветь.

— Известное дело. В больнице я часто вспоминал прежние годы. Ей-право, ждал, что заглянешь на часок или привет пришлешь. А ты, стало быть, не знал? Ничего, бывает,— сказал Воронков и попрощался.

Какой-то горький осадок остался на душе Косачева от той встречи. Обиделся старый товарищ. Но как же он, Косачев, прошляпил? Два месяца — не один день, мог узнать и проведать старого друга. Досадно получилось, честно сказать. Теперь сколько ни сожалей, факт остается фактом: обидел старого товарища, сам того не желая. Закружили Косачева дела, закружили.

На этот раз Косачев отложил все дела и сам поехал на квартиру к Воронкову узнать, в чем дело, и, может быть, уговорить старого друга вернуться на завод.

Воронков жил в новом районе за стадионом, где еще года три назад было безлюдное место, а теперь высились типовые блочные дома, поставленные как-то вразброд вокруг пруда на месте соснового леса. Кое-где между домами остались высокие деревья. Хотя это скопище домов называлось улицей Гагарина, на самом же деле никакой улицы здесь не было, асфальтированная дорога петляла между строениями и скверами, неожиданно разветвлялась, и новому человеку нелегко было сразу найти нужный номер дома. Однако директорский шофер быстро сориентировался, подкатил к пятиэтажному дому с узкими балкончиками, остановил машину у подъезда.

Косачев стал подниматься по лестнице. После вто-

рого этажа почувствовал одышку, остановился на площадке, расстегнул тяжелую шубу, снял шапку. От калориферов несло жаром, на узкой лестнице воздух был спертый. Косачев вытер платком вспотевший лоб, зашагал по ступенькам медленно, с остановками, наконец, взобрался на четвертый этаж. Постоял на площадке у самой двери, успокоил дыхание, нажал кнопку звонка.

За дверью зарычала собака, потом шаркнули чьи-то шаги. Низкий мужской голос прикрикнул:

— Цыц! Куцый! Сиди!

Щелкнула задвижка, открылась дверь, и в ее узком проеме показался аккуратный, чистенький высокий старик с гладко выбритыми щеками, с короткими, расчесанными на пробор седыми волосами.

Это был сам Петр Максимович Воронков. Увидев перед собой Косачева, Воронков поднял брови, от неожиданности даже попятился назад. Пытался нацепить очки, но тут же сорвал их с переносицы и с нескрываемой радостью дружески хлопнул гостя по плечу:

— Вот так оказия, бес тебя возьми! И не подумал бы, ей-богу. Аленка! Мать! Иди-ка сюда, смотри, кто явился. А ты проходи, Сергей Тарасович, проходи, собака не тронет.

Из кухни вышла жена Воронкова, Алена Федоровна. Долго приглядывалась и никак не могла узнать гостя. Только когда Косачев улыбнулся какой-то смущенной, виноватой улыбкой, Алена Федоровна тихо засмеялась:

— Сергей Тарасович? Господи, вот не ждали!

Она радостно кинулась к нему, обняла, заулыбалась:

— Все такой же богатырь! Сила несокрушимая. Какой молодец!

— Сколько же лет ты не бывал у нас в доме? — сказал Воронков.— Проходи, оно, конечно, это не шибко-то дом, вроде каюты на пароходе. Тесное жилище для вольного человека, скажу я тебе прямо. Да ты раздевайся, проходи, сам увидишь.

Косачев крепко пожал руку старому другу, разделся, прошел в комнату.

— Почитай, лет двадцать не сидели за одним столом. Так-то она, жизнь устроена: друзья друзьями, а как один достигнет положения, попадет в чины, волей-неволей от друзей отдалится. Я не в обиду тебе говорю, а так,

замечаю правило жизни. Какая же чертяка занесла тебя в мою берлогу?

— Да ты и есть та самая чертяка. Из-за тебя пришлось на четвертый этаж взбираться.

— Не понравилось? Без лифта живу. Твои небось специалисты дом строили, гвоздь им в ребро. Пошевелись-ка, мать, накрывай на стол. Не отпущу дорогого гостя без угощения.

Алена Федоровна засуетилась, загремела посудой, полезла в заветный шкафчик за графином.

Слово за слово, начался разговор.

— Я к тебе, Петро, с новостью,— хитровато прищурился Косачев, сидя за столом и пробуя угощения, расставленные перед ним на белой скатерти гостеприимной, хлебосольной хозяйкой.

— С новостью, говоришь? С какой же? — насторожился Воронков.— Или нельзя было передать через нарочного?

— Тут, брат, такое дело надвигается, аж голова кругом идет. Пришло время делать на нашем заводе цельносварные трубы большого диаметра. Слыхал, наверное? А как справиться? Надо торопиться, и трубы чтобы были хорошие, а умеющих людей мало.

— И вся твоя новость? — ухмыльнулся Воронков.— Это я и без тебя знаю, грамотный, газеты читаю, радио слушаю, да и люди кругом говорят. Экая новость! Ты не хитри, договаривай. Выпьем малиновой?

— Не стоит, пожалуй. Жмет, чертяка, барахлит мотор.— Косачев ткнул в левую сторону груди.

— Все равно помрем. Уважь, выпей одну.

— Ладно. Была не была,— согласился Косачев и выпил.

— Так о чем же твой разговор? — допрашивал директора Воронков.

Косачев подвинулся ближе к Воронкову, наклонившись к нему, сказал:

— Разговоры разговорами, а я тебе прямо скажу: в первую голову я рассчитываю на старую гвардию. Вот и пришел за тобой, низко кланяюсь: возвращайся на завод. Я отменил приказ о твоем увольнении. Ошибка это была, поспешили, не разобрались.

Воронков кинул сердитый взгляд на Косачева:

— А ты разобрался?

— И разбираться не хочу. Отменил приказ, и все. Завтра же выходи на работу.

— Не имеешь права,— упирался Воронков.— Я по собственному желанию, согласно закону о труде.

— Заболел, или работа тяжелая? — усмехнулся Косачев.— Объясни, чтобы я понял.

— Да не в том дело, работы никакой не боюсь, силенок еще хватает.

— Так что же ты сбежал с завода, как какой-нибудь заезжий бродяга? Ветеран труда! Известная личность в городе! Повернулся и ушел, не сказал ни слова товарищам. Очень красиво? Молчишь? Сказать нечего? Отвечай.

— Сперва послушаю, после скажу.

— Не понимаю я тебя, Петро. Затвердил, как молитву: «По собственному желанию»! Ты же и меня обидел, и на весь коллектив наплевал.

— Насчет коллектива не греши! — горячился Воронков.— Я к коллективу с полным уважением. А вот на вас обижаюсь, если хочешь знать. Очень даже обижен, слов нет.

— На кого же именно?

— Да и на тебя, и на все ваше заводское руководство. Что теперь рассуждать, давай стукнем еще по одной рюмашке, забудем, замнем это дело. Концы обрублены, заново не привяжешь.

— Нет, так не пойдет,— строго сказал Косачев.— Ты же не темный, прожил большую жизнь рабочего человека и отколол такой номер.

— Никаких номеров, я по закону!

— Нет такого закона, чтобы старый кадровый рабочий, хлопнув дверью, со злом на душе уходил с завода, которому отдал всю жизнь.

— Ну, знаешь ли! Брось такие слова! — рассердился Воронков.— Ты же директор, думай, что говоришь.

Директору хотелось как следует отругать своего старого друга. Косачев понимал, что Воронков подал заявление неспроста. Было совершенно ясно, что это своеобразная форма протеста: видимо, давно накипела какая-то обида в душе. Ну что же, друг поступил неправильно. Но нельзя же отвечать на раздражение еще большим раздражением?

Косачев положил руку на плечо Воронкова, мирным тоном сказал:

— Ты, дорогой товарищ, говори прямо! Сегодня ты хлопнул дверью, а завтра другой сделает то же, и значит, я плохой руководитель. Или все плохие? Как тебя понимать?

Воронков покачал головой, сказал без обиды:

— Может, ты и понял бы, кабы задумался над рабочим положением, ну, к примеру, моим. Мы вас везде выбираем: и в завком, и в партком, и в депутаты Советов. От всей души и с большой надеждой голосуем за вас. Вы благодарите за доверие, а после не больно-то слушаете нас. Кое у кого уши закладывает.

— У кого, например? — спросил Косачев.

— А хотя бы у председателя нашего завкома Олега Николаевича Кваскова.

— Чем же он тебе не угодил?

— А тем, что помог младшей дочери Верке выйти замуж за бандита с большой дороги. Слыхал про эту историю?

— Нет, не слыхал,— искренне сказал Косачев.

— Вот видишь, и ты в сторонке! Когда у старого рабочего несчастье, всем уши закладывает, никто не слышит крика и помогать не желает.— Воронков вспотел, потянулся за полотенцем, стал вытирать лицо и шею.

— Всю жизнь говоришь загадками. Скажи хоть раз простыми словами.

— Охрип я, Серега, от простых слов. Верка-то моя, дочка младшая, вот здесь прописана, в этой квартире. Вон ее кровать стоит, новую купил. Не пожелала с нами жить, ушла в общежитие, потому что снюхалась с вором и грабителем и захотела за него замуж. А он, бездомный, черт знает где жил. Так они что надумали? Написали заявление в завком, чтобы им дали отдельную квартиру на двоих. Расписаться, мол, желаем, семью заведем. Я немедленно подался в завком с протестом: прошу не способствовать соединению судьбы моей дочери с бандитом.

— Да откуда ты знаешь, что он бандит?

— Оч-чень даже хорошо знаю! Бандит с большой дороги. А она говорит: люблю его, и все. А я утверждаю — это блажь! И что же происходит дальше? Весь завком единогласно за них: дадим, мол, ордер на квартиру, не

возражаем. Квасков против меня даже речь произнес, опозорил мою рабочую честь. Тогда я подался в партком, к Уломову, а он тоже за них, даже смешки надо мной устроил.

«Какой курьез! — думал Косачев, чувствуя облегчение на душе.— Я полагал, случилось что-нибудь посерьезнее. А тут вон оно что!»

— Кто же тот парень, которого дочь полюбила?

— Хитрый хлюст, прощелыга! — сердито сказал Воронков.

— А мне сдается, неплохой он человек,— осторожно вступила в разговор Алена Федоровна.— Уважительный.

Воронков сердито взглянул на жену и ударил кулаком по столу:

— Самая отрицательная личность, даром, что у нас на заводе работает. Погубил мою дочь!

— Что же ты ко мне не пришел? — сказал Воронкову Косачев.— Может, вместе разобрались бы?

— Вот ты и коснулся моего больного места. Приходил я к тебе, одна надежда была, что ты выручишь, запретишь давать им квартиру, а от этого сама собой разрушилась бы их женитьба. Пришел я к тебе в приемную, а секретарша говорит: опишите, мол, суть дела, оставьте заявление, завтра рассмотрим. Написал я ей бумагу, а на другой день получаю ответ по телефону, что по этому вопросу я должен обращаться в завком к Олегу Кваскову. Я говорю: «А что сказал Косачев?» Она повторяет: «Сергей Тарасович давно распорядился, чтобы с такими вопросами обращались в завком». Вот так-то вы мне помогли, друзья хорошие, начальство мудрое. И ты заодно, такой же, как они.

— Не видал я твоего заявления,— сказал Косачев.— Непременно вмешался бы.

— Видишь, какое чудное дело: я тебе писал, а ты не видел. Разве это порядок? Выходит, твоим умом вертят, как хотят.

Косачев от души засмеялся:

— Да что ты, Петро, из всего делаешь трагедию? Давай разберемся, поправим промашку.

Воронков скорчил горькую мину, покачал головой:

— Теперь, Серега, ничего не поправишь. Поздно. Они уже поженились, въехали в новую квартиру. Сам

Квасков вручил ордер, не посчитался с моим протестом. Не поддержало меня начальство, обидело.

— Я прямо скажу, Петро, ты не прав. Один человек не так сделал, а ты обиделся на всех.

— Квасков не один, я же тебе объяснил. Все там заодно, и ты с ними. У тебя тоже уши ватой заложены. Я по другим делам знаю, не один пуд соли с тобой съели.

— Что ты все в одну кучу валишь? — обиделся Косачев.— Мелешь всякую чепуху.

— А я объясню на примерах. Помнишь, как лет семь назад приходил я к тебе на прием, на главного энергетика жаловаться, просил котлы в котельной сменить?

— Помню, я обещал помочь,— сказал Косачев.

— Обещать обещал, а помочь забыл! Но тогда я был еще мастак, выступил на профсоюзной конференции. Все загудели: надо помочь, как же! Сам прежний председатель фабкома речь произнес.

— Крынкин тогда был?

— А то кто же? Говорить был мастер, заслушаешься, а дела не сделал. Через год я опять поднял этот вопрос на партийном собрании. Помнишь?

— Ты еще на мой счет тогда проехался. Критику навел. Любил ты критиковать. Я не обиделся.

— Я не про обиды думал, для дела старался. Ты ловко тогда успокоил людей. В заключительном слове сказал: тут, мол, говорили о котельном цехе, это, товарищи, для нас десятистепенное дело, мы его решим в рабочем порядке, не стоит даже в резолюции записывать. Опять народ тебе поверил, да и я, признаться, понадеялся, а ты пустил слово на ветер и забыл. Воз и ныне там! Ничего же не сделано!

Косачев покраснел, пристыженный. Правильный факт раскопал Воронков. Верно, был такой случай.

— А ведь ты прав, Петро,— признался Косачев.— Сам знаешь, на заводе есть дела поважнее, ну и забываешь всякие мелочи.

— Вот ты сейчас и выдал себя с головой,— подхватил Воронков.— Для тебя, к примеру, самое важное — твой трубоэлектросварочный цех, а для работников паросилового цеха важнейшее дело — смена старых котлов на новые.

— Пошел разделять на твое и мое. У нас с тобой общие интересы, государственные.

— Про государство и я понимаю. Ты дальше послушай, что я скажу. Надо было тебе в том случае правильно понять и наше положение, коммунистов цеха. Сам посуди: на глазах у всей беспартийной массы вы, руководители, чихаете на наши просьбы, делаете нас, коммунистов, болтунами.

— Ну и загнул! Да неужели рабочие не понимают?

— То-то и оно, что понимают, и очень даже хорошо понимают. Вчера одно дело отфутболили, сегодня другое, а завтра рабочие, глядишь, и подумают: «Да что им, начальникам, толковать? Что ни скажи, все впустую». И каждый привыкает жить молчком: моя хата с краю, ничего не знаю.

— Мрачную картину ты рисуешь, Петро,— сказал Косачев.— На деле все иначе, проще.

— Не спеши выносить резолюцию. Сам же хотел по душам, так слушай. Мне теперь ничего не надо, я пожил свое, хочу, чтобы у других была дорога ровнее и чтобы не чувствовал человек в конце жизни горькую обиду, а услышал спасибо за труд, сделанное добро.

— Да разве тебе не говорили спасибо? Тебя награждали орденами, теперь персональная пенсия полагается, а ты ушел и сам своим товарищам спасибо не сказал,— с укором ответил Косачев.— А пенсию заслужил.

Воронков тряхнул головой, словно хотел сбросить ее с плеч.

— А коли заслужил, так дайте! Зачем просить? Я не нищий, ничего ни у кого просить не стану. За всю жизнь и крошки хлеба даром не съел, все своими руками заработал.

— Ты как-то все на свой лад кроишь. Ну что тут обидного? Такой уж порядок, все заявление пишут.

— А ты всех-то на один фасон не стриги! Ты уважай каждого человека, а не вообще людей. Ибо одного зовут Иваном, другого Степаном, третьего Колькой, один молодой, другой старый, тот любит рыбалку, а иной сидит по ночам читает книжки.

— Это так,— согласился Косачев.— Иногда забываем о человеке, есть такой недостаток.

— А мне надоела ваша куцая память. У вас все просто: все на «отдельные недостатки» сваливаете. А у людей от этих отдельных недостатков целая жизнь летит кувырком. Как было с нашими котлами: это, мол, не

самое главное, отдельный недостаток, чего шуметь. А что получилось в итоге?

— Помнится, я поручал дело с котлами главному инженеру.

— Поручал. Да что толку от такой поруки? И он так же сделал, как и ты: пообещал и забыл. Я снова к тебе обратился, написал докладную. А ты мою бумагу опять же к нему отфутболил. Уж и не знаю, читал ли ты сам-то, нет ли? А инженер все свое: мол, подождите, есть более важные дела. Наловчились отмахиваться.

— Учту, Петро! Это мне урок.

— Хочешь, напомню еще про один случай? Про ту аварию, в нашем цехе? Опять же, сколько лет просили укрепить балки над краном, все нам отказывали, из года в год записывали в планы капремонта, да так и не сделали, пока не оборвалась старая балка, и ведь человека покалечило, чуть не убило.

Косачев грустно покачал головой, задумался:

— От несчастных случаев никто не застрахован. Без жертв не бывает, на войне тоже гибнут.

— При чем тут война? Безобразие оправдываешь?

— Мы же наказали виновных, под суд отдали Сидоренкова.

— Что хорошего? Одного уложили в больницу, другого посадили на скамью подсудимых. А кабы послушали нас, не было бы такого безобразия. Делаете большие дела, а человека чуть не погубили.

— Думаешь, я не переживал? — сказал Косачев.

— А я до сих пор кляну себя, что вовремя не добился замены балок. Я же тогда был председателем цехкома, обязан был проявить больше настойчивости.

— Все мы не святые,— согласился Косачев.— Мы-то с тобой достаточно хорошо знаем, тертые калачи. Иногда такую промашку дашь, что хоть плачь.

— Вверх лезь, да оглядывайся.

— Мудрено говоришь, Петро, да сомнительно. Под житейские дела такой фундамент подводишь.

— Фундамент всему в жизни нужен. А то как же? Сам знаешь. Пришел ты ко мне не только из-за приказа, насквозь тебя вижу. Уклонились мы от главного разговора, разбежались по всем линиям. Говори, что надо от меня?

— Я же сказал. Цельносварные трубы будем делать,

и ты вот как нужен заводу. За тобой и пришел. Мы же коммунисты, должны уметь становиться выше личных обид.

— Нынче поднимаешься выше недостатков, завтра — выше обид, потом — выше мелочей, все выше да выше, а там, глядишь, от высоты так голова закружится. Понадобился, значит, я тебе? Это, брат, тоже не новость: все на свете знают, что, если что-нибудь срочно потребуется — газовые трубы, океанские корабли или сверхмощные ракеты,— рабочий класс все сделает. Напрасно ты волнуешься, что без меня будет завал. Есть на заводе Воронков или нет, дело не пострадает, в рабочем строю стоит миллионная силища, сам же знаешь, не в одном человеке суть.

Косачев не торопился возражать, решил воспользоваться замечанием Воронкова, чтобы повернуть разговор в иную сторону. Кажется, наступил подходящий момент покончить дело миром. Косачев, признаться, ожидал более трудного разговора, а вышло проще. Воронков поворчал, пофыркал да спустил пары. Вон как размяк, подобрел старина.

Косачев не нарушал паузу, молчал. Положил варенье в чай, размешал, с удовольствием выпил и, как ребенок, причмокнул губами, чтобы показать, как понравилось ему угощенье.

— Ну и варенье же у тебя, Алена Федоровна! Вкуснота необыкновенная! Спасибо, уважила. Давно такого не пробовал.

— Кушай на здоровье. Бери еще,— угощала Алена, подставляя вазочку.— Вон сколько его у меня, сама варила.

Косачев взял еще варенья, помешал ложечкой горячий чай.

— Знаешь, Петро, давно у меня была думка поручить тебе формовку полуцилиндрических заготовок из стального листа. Раз Москва просит взяться за трубы всерьез, хочу весь завод поднять на ноги. Всех до единого. И тебя прошу: помогай.

— И без меня справишься, не хитри.

— Хочешь верь, хочешь не верь,— сказал Косачев,— а я, как прочитал твое заявление, сразу почувствовал, с какой-то обидой уходишь. Если я виноват, не сердись, ради нашей дружбы. Без таких, как ты, нельзя. Вы —

старая гвардия, фундамент завода. Я на вас с Никифором рассчитываю и на других ветеранов надеюсь.

— Привыкли на нашем горбу ездить. Знаете, что старики все вывезут. В какую телегу запрягут, такую и потащим, по любой дороге.— Воронков гордо поднял голову, молодецки выпятил грудь.

— Я и говорю, без вас ни в каком большом деле не обойдешься,— подтвердил Косачев.— Бесспорный вопрос.

— Факт! — Воронков ударил ладонью по столу.— Попал в самую точку.

— Значит, договорились? Я отменяю приказ, ты возвращаешься на завод?

— Не-не,— замотал головой Воронков и упрямо насупил брови.— Я не кисейная барышня, нечего меня улещать. Не трать силы, не люблю пятиться назад. Что сделал, то сделал.

— Все горячимся, бывает. Покипим и остынем.

— Остыну, когда помру,— упрямо отрезал Воронков.

— Рано о смерти каркать. Небось до сих пор подковы гнешь?

— На слабину не жалуюсь. Недавно и вправду пришлось тряхнуть стариной. Внук притащил со двора подкову, а я взял ее в правую руку да вот так, рывком, и согнул.

— А сам в отставку пошел. Упрямый, однако.

— Какой уж есть, не обессудь.— Воронков заерзал на стуле, взглянул на встревоженное лицо жены и вдруг засуетился, смущенно и виновато пряча глаза от Косачева: — Да ну тебя к дьяволу, Серега! Пристал со своими разговорами, всю душу вымотал. Давай еще по единой махонькой выпьем, для облегчения. Плюнь на свой мотор. Стучит же, и ладно.

Косачев молча поднял рюмку, повернулся к другу и его жене.

— Будьте здоровы и счастливы! — символически пригубил рюмку и полную поставил на стол.

— И ты так же! — сказал Воронков.— Будь здоров, счастлив и все такое прочее! Эх, Серега, Серега! Как быстро пролетела жизнь! — Он подвинулся к Косачеву, дружески толкнул его в плечо.

У обоих потеплели глаза, они притихли, улыбнулись друг другу.

— Как же ты теперь живешь? — участливо спросил Косачев, оглядывая комнату.— Доволен?

Воронков замахал руками, отодвинулся от стола.

— Полегче вопросов нет? Чтобы душу мою не травить?

— Чего уж ты так? — старалась поправить Воронкова Алена.— Зря распаляешься.

Воронков отвернулся от жены, уставился в лицо Косачеву:

— Ты, Серега, сам посуди. Как хочешь, так и понимай мои слова, считай меня ворчуном или еще кем, а я прямо скажу: недоволен. И опять та же песня: не уважили моей просьбы, обидели.

— Опять заводское начальство? — спокойно спросил Косачев.

— И заводское и районное. Ты честно скажи: разве эта квартира для меня? Две малые смежные комнатушки и прихожая размером трамвайной площадки, вдвоем не повернуться. Да еще на четвертом этаже, без лифта.

— Без лифта плохо,— подтвердил Косачев.— Раз поднимешься, в другой не захочешь.

— Оно, конечно, молодому ничего, а нам, старикам, трудно. Ты же знаешь, как я жил. Был свой просторный дом в слободе, двор, сарай, погреб и разные там пристройки. И сыновья на глазах росли, и снохи потом появились, и внуки. Все жили вместе, за один стол большой семьей садились, весело было, шумно. Жизнь была. А теперь что? Разбросали семью по разным домам, у всех отдельные квартиры, ни внуков не вижу, ни с сыновьями, ни с дочкой не посижу за столом. Совсем не знаю, как они живут, что думают, чем занимаются. Залез я в эту кабину на седьмое небо, как в самолете сижу, будто куда-то лечу и никак не могу долететь. Собаку вот взял с собой, да разве ей тут житье? Собака волю любит, без воздуху ей тошно. Ей бы на воле гулять, а она вон лежит в прихожей на подстилке. Внуки приходят, санок негде поставить. А об гостях и не говорю, сколько их сюда поместится? Всех друзей растерял, полгода родных за столом не видел.

— Вот расписал! — дружески засмеялся Косачев.— Ну и дошел он у тебя, Алена, ворчит, как столетний дед.

— Всю правду говорит,— поддержала мужа Алена Федоровна.— Ты, Сергей Тарасович, другой человек, лег-

кий на поворотах, тебе хоть бы хны, а Петя все к сердцу принимает.

— Да ты, выходит, русский порядок забыл? Обычаи народные тебе уже нипочем стали? — ворчливо толковал Воронков.

— Я не с неба свалился, вместе с вами вырос,— отпарировал Косачев,— и жизнь прожил.

— Стало быть, должен понимать людей. Возьмем сегодняшний случай, к примеру: приехал ко мне ты, директор завода, а кто видит? А там бы, на старой моей квартире, все соседи самолично увидели бы, какой гость к Петру Максимовичу пожаловал.

— Теперь у всех так,— сказал Косачев.— Со старыми домами расстаются, в новые въезжают. Многим это нравится, хоть есть и такие, что ворчат, как ты. Старые привычки трудно ломать.

— Да зачем же все ломать? — возмутился Воронков.— Кому нравится или негде жить, пускай едет в новый дом. А у меня дом был справный, никому не мешал, до сих пор там заброшенный пустырь, все травой заросло. А мне не разрешили остаться. Как ни просил в исполкоме, они свое: «Нельзя! Для вас же новый дом построили, вот и селитесь. Советской властью недовольны или как?» — спрашивают. Молокососы чертовы: я за нее, за Советскую власть, кровь проливал, а они — «недовольны». Дурит, мол, старик, что его слушать? Взяли и сломали бульдозером мой старый дом, так до сих пор и стоит поваленный. А я бы мог там жить за мое почтение.

— Хорошо, что ты мне про все рассказал,— успокоил друга Косачев.— Авось вместе придумаем, как тебе помочь. Пойду в горсовет, попрошу, чтобы тебе с Аленой переменили квартиру. На четвертый этаж без лифта трудно в таком возрасте ходить. Сам нынче убедился. Тебе нужно на первом этаже, и желательно с лоджией или с верандой, и чтобы лесок рядом или парк.

— А сделают? Уважат? — спросила Алена с надеждой.

— Думаю, уважат,— сказал Косачев.— Петро не какой-нибудь рядовой проситель. Старый рабочий, человек заслуженный. Да и мою просьбу учтут, я депутат и городского и Верховного Советов, вы же за меня голосовали.

— Уморил я тебя своими разговорами. Прости, пожалуйста. Про старый дом вспомнил, шут с ним.

— Старое забывать нельзя,— раздумчиво сказал Косачев.— Помню, у тебя всегда было весело, шумно. Пели песни, пили чай из большого самовара, слушали патефон. Хороший у тебя был дом, гостеприимный. Конечно, была и теснота и неудобства: ни водопровода, ни газа, ни отопления. Верно?

— Откуда же? — согласился Воронков.— Об таком только мечтали.

— Мы теперь во многом идеализируем наш старый быт, вспоминаем нашу молодость, и кажется, все было замечательно. Как сказал поэт: «Что пройдет, то будет мило».

— Не знаю, что говорил твой поэт, а мне грустно жить в этой новой квартире. Ни земли, ни травы, ни дерева. Камни одни да асфальт. Вот и вся красота и радость. Скучища.

Косачев будто что-то вспомнил, слушая друга. А когда Воронков замолчал, он сказал:

— Ничего, твоя беда поправимая.

— Да будет об этом толковать,— вдруг махнул рукой Воронков.— Это я так, сгоряча наговорил. Мы с Аленой и тут век доживем. Вот разве что без лифта ей тяжело, одышка. Ты извини, Серега, забудь мои жалобы и нудное стариковское ворчание.

— Не-ет, дорогой мой товарищ, слово не воробей. Что сказано, то сказано. Мы свою промашку исправим, а ты исправляй свою. Бери обратно заявление, возвращайся на завод. Принимайся за дело, теперь такая кутерьма начнется, только успевай поворачиваться.

— Оно, может, и так. Я бы со всей душой, да нельзя, непринципиально это будет с моей стороны.

— Это почему же — непринципиально? — удивился Косачев.

— Не могу я возвращаться на завод, пока не замените котла в паросиловом цехе,— упрямо сказал Воронков.

— Опять о своем! — засмеялся Косачев.— Я ему про рыбу, а он мне про гроши. Придет время — заменим котлы. А сегодня речь о другом. В первую очередь трубы нужны, понял?

— Вот-вот! — вскочил с места Воронков, волнуясь.— Все у тебя так: первая очередь, вторая, третья, и всегда считаешь от своего конца. А я с этими котлами сколько лет в очереди стою?

Косачев виновато посмотрел на жену Воронкова.

— Экий упрямый дьявол! Я же тебе два часа толкую, что сегодня, кровь из носу, трубы нужны.

— Тебе трубы, а мне котлы! — кричал Воронков.

— Трубы! — еще громче крикнул Косачев.

— Котлы! — рявкнул басом Воронков.— Мне котлы! А кому нужны трубы, тот пусть и делает их. Зря ко мне пришел за этим!

Алена Федоровна, стараясь помирить старых друзей, встала между ними и ласково обняла того и другого за плечи.

— Да что вы закипели, как чугунки в печке? Будет вам кричать по-пустому. Всю жизнь думаете одинаково, а заговорили по-разному. Распетушились.

Косачев первый взял себя в руки, сказал примирительно:

— Извини, Алена, взорвался, не выдержал.

— Оба враз побелели как стенка, хоть «Скорую помощь» вызывай.

— Ладно, квиты,— сказал Воронков.— Садись за стол, чего вскочил-то?

— Спасибо за хлеб-соль,— сказал хозяевам Косачев.— Рад, что довелось повидаться, хоть и заявился неожиданно, как непрошеный гость.

— Да что там! Спасибо, уважил,— закивала Алена Федоровна.— В кои веки свиделись, за столом посидели по-свойски, как положено.

— Ты того,— виновато и упрямо сказал Воронков, прощаясь с Косачевым,— не серчай.

— Чего же серчать, если мирно и тихо договорились? — простодушно сказал Косачев.— Завтра увидимся на заводе.

— Нет, этого не будет! — снова вспыхнул Воронков.— Я не давал согласия. Не приду!

Косачев снял шубу, снова вернулся в комнату. Молча опустился на стул. Пошарил в кармане, не нашел сигарет, спросил:

— Есть у тебя папиросы? Дай закурить.

— Я же не курю.

— Ладно,— поморщился Косачев.— Садись, продолжим разговор.

Воронков сел, как будто по приказанию, а жена постояла, глядя на мужчин с удивлением, и тоже присела с краю стола.

Косачев взглянул на Алену Федоровну, потом на Воронкова, деловым тоном сказал:

— Есть у меня еще одно серьезное предложение. Ты знаешь нашу базу рыбака и охотника у Оленьих гор?

— Знаю я это хозяйство, завидные места. Земной рай, ничего не скажешь.

— Так вот: поезжай туда комендантом. Новых рыб разведем, на самолете из Балхаша перебросим, мне обещали. Соглашайся, а?

Предложение и в самом деле было заманчивое. Не шутит ли Косачев?

— Надо подумать,— сказал Воронков.— Как ты, Алена?

Жена живо откликнулась:

— Хорошо бы, Петруша. Да как-то так сразу не скажешь, обмозговать надо.

— Чего думать-гадать? — напирал Косачев.— Я сам был бы счастлив пожить в таком месте, с удочкой посидеть. Советую от души. Завтра же оформим, и счастливого пути. А городскую квартиру за тобой оставим, договоримся с горисполкомом, сделаем обмен, и распоряжайся, как хочешь. В лесу будешь жить, как на даче; не понравится — всегда сможешь вернуться в город. Соглашайся!

Воронков все еще не решался, это предложение сбило его с толку.

— Как же так, не пойму я. А звал на завод? Говорил, делать новую трубу?

— Так это и будет твое участие в общем деле. Там же профилакторий строится, скоро откроем.

Воронков посмотрел на Косачева слегка растерянным взглядом, засмеялся:

— Не зря приехал ко мне, директор. Приехал и — объехал. Уговорил.

— Ну что ты, Петро. Я от души. Я отменил приказ, а ты тоже решай, принимаешь мое предложение?

— Как скажешь, Алена,— опять обратился к жене Воронков.— Надо вместе решать.

— Я согласная,— сказала жена.— Бери свое заявление назад, и поедем.

— Ладно, будь по-вашему,— согласился Воронков.— Выходит, принимаем единогласное решение и закрываем собрание?

Все трое рассмеялись.

4

Младшая дочь Воронкова Вера действительно ушла из отцовского дома против воли родителей. Но все это произошло не совсем так, как говорил Воронков. Сложилось так, что девушка полюбила парня с трудной судьбой. Когда Воронков узнал, что его дочь связалась с бывшим хулиганом Федором Гусаровым и собирается выйти за него замуж, старика чуть не хватил паралич. Вера категорически заявила, что непременно распишется, как только получат квартиру. Для Воронкова это было немыслимо. Он знал Федора, когда тот был еще подростком и учился в производственно-трудовом училище, где Петр Максимович вел занятия.

Старый рабочий и в мыслях не допускал, чтобы его любимая дочь связала свою судьбу с таким непутевым человеком.

— Этот бандит с большой дороги станет моим зятем? — возмущался Воронков.— Ни за что на свете! Никогда!

Воронков готов был сделать что угодно, лишь бы помешать молодым, не допустить такого брака. При переезде в новую квартиру он специально добивался решения завкома и райсовета, чтобы его дочь Веру как незамужнюю поселили вместе с родителями. Пусть, мол, тогда попробует выйти замуж за бездомного Федьку. Где станут жить? Кто примет с таким хлюстом? А вздумает привести к нам, я его вмиг с лестницы спущу.

Алена Федоровна, хоть и сочувствовала Вере, но тоже опасалась такого замужества. «Теперь ведь как, легко сходятся и расходятся, детей плодят да безотцовщину разводят. Уберечь бы Верочку от беды».

Однако Вера не сдавалась, проявила характер, отказалась прописываться в квартире отца и матери, добилась места в общежитии. Это была горькая обида для родителей. Они не на шутку рассердились, но, подумав,

рассудили по-другому. Все равно, мол, молодым податься некуда, пока живут порознь по общежитиям — не поженятся, а там, глядишь, поостынут и побегут в разные стороны. Ничего, опомнится дочка, придет. Но и эта родительская надежда не сбылась: Веру и Федора водой не разольешь, всем видно, как любят друг друга.

Федор Гусаров, купив в магазине продукты, шел, как обычно, по темной аллее в техникум, где училась Вера. У входа в пивной бар его позвал незнакомый голос:

— Алло, Гусаров! Швартуй сюда.

Федор остановился и увидел высокого стройного парня, идущего ему навстречу. Парень шел вразвалочку, улыбаясь, протянул руку, громко сказал:

— Здорово, Федор! Давно не видались.

Федор узнал парня.

Это был Николай Шкуратов, с которым когда-то они бывали в одной компании.

— Ух ты, какой вымахал! — восхищенно смотрел на Николая Федор, смеясь и тряся его руку.— С флотской вернулся?

— Причалил к родной пристани. Ты, говорят, тоже странствовал?

— Было, да быльем поросло,— ответил Федор, смутившись.— Чего вспоминать? Новую жизнь теперь начал.

— Ребята рассказывали. Всерьез на Верке женился? — спросил Николай.

— Нормальное дело. Все как положено.

— Мировая девчонка, я помню.

— Кстати, будь другом,— попросил Федор,— помоги завтра перетащить из мебельного магазина диван. Посмотришь, как живу, и Вера дома будет.

— Видал ее на днях, красавица. На заводе встретил.— Николай вынул из кармана сигареты, предложил Федору: — Закурим?

— Бросил я, обхожусь.

— Может, выпьем пивка? По кружечке?

— А ну его! Кроме молока, ничего не употребляю.

— Чудной. В святые записался?

— Да так уж вышло. Да и некогда мне, в техникум

спешу, за Верой. Не опоздать бы к последнему звонку.

— А где работаешь?

— В экспериментальном цехе, сварщиком.

— Чудеса! Там же мой брат Андрюха начальником. Случайно, не на моем старом месте устроился?

— Места всем хватит, ребята тебя ждут. Когда придешь?

— Поживем — увидим, а пока в шестом цехе перебьюсь. Привет Верочке!

Приятели распрощались. Николай пошел на автобусную остановку, а Федор быстрым шагом направился к техникуму.

Дома за ужином Федор сообщил Вере новость:

— Встретил Николая Шкуратова. Помнишь его? С флотской службы вернулся. Привет тебе передавал. Говорит про тебя: мировая девушка.

— Видела его на днях. Хороший парень.

— Прикуси язык, Верка, я ревнивый,— сверкнул глазами Федор.

— Можешь успокоиться, ему не до меня. У него своя дама сердца. Старинная любовь.

— Кто такая? — удивился Федор.— Я знаю ее?

— Знаешь. Знаменитая в нашем городе особа. Если честно сказать, очень красивая женщина. И вообще — интересная.

— Ну кто же? Секрет? — допытывался Федор.— Скажи, как зовут?

— Имени не скажу. Разболтаешь, а она замужняя.

— Ну и Коля-Николай! Заварил кашу. А ты откуда все знаешь?

— Земля слухом полнится. А может, и врут.

5

После смены рабочие ехали домой трамваем. На остановках подсаживались новые пассажиры, теснили трубопрокатчиков, которые и без того плотно набились в вагоны на конечной станции.

В тесноте, прямо перед носом у Николая, в чьей-то руке с узловатыми пальцами болталась авоська со свежими огурцами и помидорами. Среди зимы подобный продукт появлялся редко, и всякому, кто купил свежие

овощи, хотелось довезти их домой в полной сохранности, не раздавить в трамвайной толкотне.

Втиснувшийся в вагон на остановке молодой парень с завистью сказал:

— Вон с чем едут! Хороша закуска! Подвинь сюда, дядя!

— Где купил? — спросил другой голос.— На рынке?

Сзади кто-то пробасил:

— Это же трубопрокатчики, не видишь, что ли? В своих заводских теплицах выращивают, у них и летом и зимой все свежее, как с огорода. Сам Косачев лично следит.

Это действительно было так. На трубопрокатном заводе свои огромные теплицы, круглый год живые цветы и свежие овощи, сам директор следит за зеленым хозяйством. Строго спрашивает с подчиненных. В заводской столовой всегда в любое время подадут свежий салат, хрустящий огурчик, красный помидор. А то и виноградную гроздь или румяное яблоко предложат.

Трамвайный вагон резко вздрагивал, трясся на стыках, скрипел тормозами, люди толкали друг друга в тесноте. Николай прислушивался к голосам, всматривался в лица людей, одних узнавал, другие были ему неизвестны. Он как бы заново знакомился со многими жителями родного города.

И вдруг он увидел через стекло соседнего вагона лицо знакомой девушки, бывшей Нининой подружки, его соседки Альки. Протиснулся как можно ближе, стал присматриваться, но плечи и головы сгрудившихся пассажиров заслоняли девушку. Он вытянул шею, стараясь рассмотреть ее. Лицо девушки мелькнуло на миг, сверкнули знакомые глаза, едва уловимая улыбка. Но тут же опять ее заслонили широкие плечи какого-то парня. Николай наклонился вправо, снова увидел девичий профиль за стеклом.

Девушка беспокойно, будто почувствовала, что на нее кто-то смотрит, оглянулась. Глаза их на секунду встретились, но тут же чья-то спина заслонила стекло, и Николай не мог понять, увидала его Алька или нет? Кажется, узнала, стала прихорашиваться. А может, она просто так, по привычке поправляет волосы?

Он подвинулся в угол, выбрал удобное место и незаметно поглядывал на Альку, вспоминал, какая она была

хрупкая, угловатая, а теперь стала совсем взрослая, уверенно и независимо держится, переговаривается с парнями, смеется.

«Вот так девчонка, вот так Алька! Красивая стала, не узнаешь с первого взгляда,— думал Николай.— Небось не знает, что я вернулся, а то бы нашла меня, встретилась бы. Такая и домой прибежит, не постесняется. Отчаянная. Интересно, где работает? Не вышла ли замуж? А впрочем, что мне до этого?»

Доехал до трамвайного кольца, вышел из вагона в толпе пассажиров, стараясь не попадаться на глаза Альке. Не было охоты встречаться с ней. Алька такая прилипчивая, пристанет, не отобьешься, а зачем она Николаю? Шел домой, не оглядываясь, торопился. И вдруг кто-то сзади закрыл горячими руками лицо, тихо засмеялся.

Николай послушно остановился, принял шутливую игру. Кто она? Она? Нет, не назову ее имени, а то подумает, что сам мечтал встретиться с ней.

— Оля,— нарочно назвал он имя своей сестры.— Брось разыгрывать.

Сзади кто-то хмыкнул, сдерживая смех, однако не разжимал руки.

— Катерина? Нет? Может, цыганка-гадалка какая?

— Почти угадал, красавец! — сказала женщина за спиной, опуская руки.— Узнаешь?

Николай засмеялся, подал Альке руку:

— Здорово, озорница. Все в наших краях ютишься?

— Куда мне деваться? Своего дома не построила, все у тетки живу. А встречу с тобой, видать, бог послал, судьбу указал. Какой ты возмужалый стал!

— Ладно тебе!

— А чего скрывать, коль правда? Я обещала тебя ждать и дождалась. Помнишь, в Севастополе что говорила?

— Помню. Детское баловство это, Аля.

— Как для кого, а я слов на ветер не бросаю,— сказала она, прижимаясь к плечу Николая.

— Прощай, Аля, я уже дома. Некогда выяснять отношения.

— Дом не помеха, и дома можно потолковать.

— Где ты работаешь?

— В ресторане «Алмаз». Приходи, угощу на славу.

Посидишь за столиком, а после работы проводишь меня домой. Или сейчас зайдешь?

— Поздно. В другой раз, если будет охота.

— А хоть и в другой раз. Не забудь обещания. Приходи в ресторан, не пожалеешь, правда. Я буду ждать.

— Живы будем, поглядим,— неопределенно сказал Николай и пошел к дому.

Поужинав, Николай посидел у телевизора, а когда вся семья собралась смотреть многосерийный фильм, удалился в свою комнату, принялся за книгу. Читал без интереса, рассеянно, все время из головы не выходил разговор с Алькой.

«Странно бывает в жизни! — думал Николай.— К примеру, эта взбалмошная Алька». Веселая, симпатичная девчонка, сколько лет уже стоит у него на пути, влюблена в него, готова за ним на край света. А ему-то что? Для него одна только Нина и существует на свете.

Нина страдала, что Николай уехал не простившись и ничего не писал ей из армии. А тут, как назло, Нину стал атаковать инженер Поспелов, прямо при всех в любви объяснялся, сватался к ней. Она долго колебалась, а потом пришла на ум глупая мысль: раз Николай забыл меня, воспользуюсь случаем, отомщу гордецу, выйду за Поспелова. Но не так-то легко было сделать такой шаг. Несмотря на обиду, нанесенную ей Николаем, она терпеливо ждала, что он все же напишет ей, попросит прощения, и все будет по-прежнему, она станет ждать его, как верная солдатская невеста.

Но Николай молчал, не прислал ни одного письма. Нина вся извелась и однажды поделилась с Алькой своими горькими думами.

Алька по-своему смекнула что к чему, тут же решила повернуть все в свою пользу, начала забивать клинья в трещину. Вскоре придумала хитрую, коварную штуку.

— Не хотела тебя огорчать, Нина,— сказала она как-то подруге.— Вчера на вокзале встретила одного парня из Севастополя. На крейсере служит, с Николаем знаком. Какую новость сказал, с ума сойдешь! Честным матросским словом поклялся, что Николай женился на дочке какого-то морского капитана. Дом имеет на утесе

у самого моря, сад виноградный и два бесплатных билета на теплоходе «Россия»...

Нина похолодела от этих слов. Присела на скамейку, заплакала:

— Сама я виновата. Дура! Правду говоришь?

— Вот те крест! Истинная правда! И еще, послушайся меня. Выходи ты замуж за Поспелова, пока и этот не раздумал. Да и чем он плох? Серьезный, обеспеченный человек, видный инженер, красивый, любит тебя. Что же тут думать? Выходи, Нинка, дурой будешь, если откажешься.

Не столько эти доводы подействовали на Нину, сколько потрясла ее измена Николая. «Что же это? Как же он мог так? Из-за глупой, пустой ссоры разбил нашу любовь. Забыл меня. Женился. Несчастная моя судьба...»

И Нина согласилась стать женой Поспелова.

А Алька тут же собралась и уехала в Севастополь.

Николай помнил эту неожиданную встречу с Алькой в Севастополе. Черт знает что наплела тогда девчонка!

Как раз был День Военно-Морского Флота. Николай стоял в строю на палубе корабля в Северной бухте. Гремел оркестр, раздавались приветствия. Графская пристань и берег, усеянный праздничной толпой, были совсем близко. На набережной гуляли нарядно одетые люди, молодежь пела песни, мужчины поднимали на плечи детей, приветствовали моряков.

Пробираясь сквозь толпу, бойкая Алька всматривалась в шеренги матросов на проходящих мимо пристани кораблях. И вдруг на палубе она увидела Николая и закричала:

— Шкуратов! Ко-о-ля! Николай! Вечером отпросись на берег. Буду ждать у театра. Обязательно отпросись. Это я — Алька! Жду у театра! Важные новости для тебя.

Весь строй моряков заулыбался, косясь на обескураженного Николая: «Ну и парень! Вроде и на берег всего раза два сходил, а уже завел себе кралю!» Командир, совсем еще молодой, сочувственно взглянул на Шкуратова и, едва сдерживая смех, тихо скомандовал матросам:

— Отставить улыбки! Смирно!

А вечером отпустил Николая на берег.

Николай явился к драматическому театру в сквер, как назначила Алька.

— Молодец, что пришел! — сказала с ходу Алька.— Ты мне вот как нужен! Есть жуткая новость для тебя!

— Откуда ты взялась, сумасшедшая? — удивился Николай, подойдя к Але вплотную.— Что случилось, Алевтина?

— А ничего. Переживешь, если настоящий мужчина. Я специально взяла отпуск и приехала сказать тебе всю правду.

— Да не тяни ты жилы. Приехала, так говори. Какую правду?

— А такую, что твоя Нинка вышла замуж! — выпалила Алевтина, нанося безжалостный удар.

— Врешь, Алька! Врешь ведь! — побледнел Николай.

— Вышла! Вышла! Вышла! — упрямо твердила Аля.— И шут с ней! Не расстраивайся, не горюй, она сама виновата. Так и сказала мне. И пускай так! Она не дождалась тебя, так другие найдутся. Я тебя буду ждать, я не обману, я верная, хоть десять лет служи, хоть двадцать, и все время знай, что я жду тебя, Коля. Неужели ты не понял до сих пор, какая я преданная?

Николай растерялся, не знал, как поступить, не мог всерьез слушать Алькины клятвы, уверения в любви. Как побитый вернулся на корабль, забился в кубрик и на расспросы товарищей ни слова не отвечал, никому не рассказал, что случилось.

«Так мне и надо, осел! Дождался со своим принципом. Не хотел первый написать Нине. Обиделся, гордый дурак!»

Потом он написал письмо домой и получил от Ольги подтверждение:

«Все правда, Нина вышла за инженера Поспелова...»

А про Алькино коварство Николай до сих пор ничего не знал.

Поспелов нервничал в эти дни, ходил злой и на работе и дома. Вечером как неприкаянный слонялся по квартире, бродил из угла в угол. Брался за продолжение какой-то статьи для сборника НИИ, но не написал и двух слов, бесцельно перекладывал на столе бумаги. Попробовал ручку с синими чернилами, бросил, стал

искать с черными, да так и не нашел, скомкал исписанный лист, кинул в мусорное ведро.

Пройдя мимо ванной комнаты, услышал, как там что-то звякнуло и разбилось о кафельный пол. Открыл дверь, заглянул. Там была Нина.

— Что случилось? — спросил Поспелов.

— Уронила нечаянно,— сказала она, подбирая с кафельного пола осколки флакона духов.

— Французские? — сказал он с досадой.

— Какая разница? — пожала Нина плечами, не повернувшись к Поспелову.

Он прикрыл дверь, вернулся в свою комнату.

«Все нервничает,— думал он.— Что с ней? Странно ведет себя в эти дни, раньше так не было. А впрочем, я, кажется, преувеличиваю. Дело не в ней».

В ванной опять что-то упало и разбилось. Он встал, но не сразу пошел к Нине. Подождав немного, спокойно сказал через дверь:

— Может, сходим на концерт? Говорят, Ленинградская филармония, хорошие артисты.

— Если хочешь, иди один,— сказала Нина за дверью.— У меня болит голова.

— Без тебя не пойду.

Наконец-то Поспелову показалось, что он догадывается, в чем причина его плохого настроения.

«Нина? Конечно, она,— подумал он, но тут же стал возражать себе.— А стычка с директором и неожиданный поворот разговора с главным инженером? Раньше мы с ним всегда находили общий язык. А нынче как-то странно вышло, что-то новое в характере появилось, прямо косачевская твердость, и возразить нечего. Запутался я что-то, видно, надо и мне перестраиваться. Зачем лезу на рожон? Если со стороны поглядеть, можно и в самом деле подумать, что я стою на дороге великого дела? Зачем? Собственной слабости ради?»

Поспелов распалял воображение, сам нагонял на себя страх и почти физически чувствовал, что стоит на какой-то дороге, по которой хотят пройти Косачев, Водников и другие, а он, Поспелов, мешает им, и все грозно хмурят брови, готовые вот-вот столкнуть в сторону несогласного инженера.

«Какая-то чушь, ерунда!»

Он понял, что окончательно запутался, что лучше

выбросить все это из головы, отдохнуть. И решил прогуляться на свежем воздухе. Оделся, вышел на улицу.

Поспелов не обдумывал заранее дороги, шагал не торопясь, заложив руки за спину. Хотя совсем не было ветра, мороз давал себя знать, пощипывал щеки, нос, обжигал лоб. Пришлось поглубже натянуть шапку, поднять воротник.

Празднично одетая, нарядная молодежь спешила в театр, к концертному залу, многие шли во Дворец спорта, живо обсуждали последний хоккейный матч. Попадались знакомые, здоровались с Поспеловым.

Недалеко от булочной встретился Федор Гусаров с хозяйственной сумкой, из которой выглядывали белые горлышки молочных бутылок и румяный батон. Гусаров поздоровался с Поспеловым, поспешно свернул к металлургическому техникуму.

«Странно,— подумал Поспелов.— Почему он пошел в техникум с молоком и хлебом? Учится или встречает кого? Ах да, кажется, у него жена занимается вечером».

И ему стало приятно, что он знает людей завода, видит и понимает, чем они живут.

Он шел дальше и видел, как у кондитерского магазина остановился красный «Москвич», из которого бойко выскочил молодой человек, крикнув на ходу:

— Подожди, Оленька, я сейчас!

В молодом человеке, который побежал в кондитерский магазин, Поспелов узнал сварщика Аринушкина. Его же спутницу, Оленьку Шкуратову, Поспелов не знал, внимательно взглянул на нее, одобрил: «Симпатичная».

Переходя с одной мысли на другую, Поспелов шел дальше и незаметно оказался на Театральной площади, где огни горели особенно ярко, людей было больше. Рассеянно смотрел на прохожих, поворачивая голову по сторонам. И неожиданно для самого себя совсем близко услышал громкий мужской голос:

— Куда прешь? Жить надоело?

Поспелов вздрогнул, оглянулся и только теперь сообразил, что стоит на проезжей части дороги перед самым радиатором машины, затормозившей у светофора на перекрестке. В испуге попятился на тротуар, не оглянувшись и не сказав ни слова сердитому шоферу, быстро пошел в обратную сторону.

«Что это со мной? — рассеянно думал он.— Как глупо, нехорошо вышло! Кажется, я действительно устал, совсем расшатались нервы. Зря рассердился на Нину. Ну и что же, если разбился флакон с французскими духами? Не в этом дело конечно же. Все в нашей жизни сложнее, мы ссоримся по пустякам и не можем добраться до главной причины. Что же нам делать, прекрасная Нина? Неладно у нас получается, неладно!»

Он вернулся домой совсем разбитый и злой. Тяжелые смутные предчувствия мучили его.

6

В эти дни Косачев появлялся в экспериментальном цехе чаще прежнего. Иногда один, иногда вдвоем с Водниковым, а иной раз приводил за собой все конструкторское бюро. В цехе привыкли к таким посещениям, никто уже не обращал особого внимания на подобные визиты.

Заводское начальство во главе с Косачевым цепочкой двигалось вдоль линии к прессовочному стану. Косачев неожиданно останавливался и, поворачиваясь лицом то к одному, то к другому спутнику, что-то говорил, энергично жестикулируя.

На станке как раз в это время мастера пытались соединить два стальных полуцилиндра, чтобы плотно прихватить и приварить края. С шипением потрескивали разряды электросварки, свежий сварной шов, как красный рубец, вился по телу трубы. Придирчивые взгляды столпившихся людей следили за бегущей змейкой.

Косачев нетерпеливо выхватил из рук мастера молоток, несколько раз ударил по шву, сбивая окалину. В одном месте шов никак не сходился, образовалась узкая трещинка, удары молотка не помогали.

Наклонившись к сварщику Степану Аринушкину, Косачев выразительно показывал руками, как надо плавно подкручивать винты зажимного устройства, чтобы сдавить края полуцилиндров и закрыть трещину.

«Вот где пригодилась бы сноровка Воронкова,— думал Косачев о старом друге.— Упрямый черт!»

Сварщики снова включили аппараты: шов плавился, бугрился и кое-где слабо приваривался, неплотно прихватывая жесткие края полуцилиндров.

— Отставить! — приказал сварщику Косачев.— Плохо зачищаете кромки — вот в чем секрет. Тут важна каждая доля миллиметра. Берите новую заготовку, начинайте сначала.

Директор отвел в сторону Поспелова и крикнул ему в ухо:

— Где лучшие сварщики? Почему нет Николая Шкуратова?

Поспелов понял, что Косачев не столько задает вопрос, сколько требует, чтобы тот выполнял свои обязанности. Ведь сварка поручена заместителю главного инженера, с него и спрос.

— Я предлагал Шкуратову. Не хочет в сварщики. Пошел наладчиком в горячий цех,— пытался объяснить Поспелов и отвернулся от Косачева, уклоняясь от неприятного разговора.

В это время включили селектор, на весь цех раздался голос Елизаветы Петровны:

— Электросварочный цех! Алло! Вы меня слышите? У вас в цехе Сергей Тарасович. Передайте, чтобы срочно пришел в кабинет. Звонил министр. Через пятнадцать минут позвонит опять.

Косачев покинул цех и вернулся к себе в кабинет. Ожидая звонка, сидел в расстегнутом пальто, сняв с головы шапку.

«Ну что же,— думал он,— если вызывают в Москву с предложениями, можно лететь, лицом в грязь не ударю. Докладная в основе готова, сделано кое-что новое. Не забыть бы сказать Водникову, чтобы сняли на пленку последовательно весь процесс изготовления опытной трубы. От начала до выхода, так оно будет нагляднее. Покажем в Москве и всем, кому надо. Пускай смотрят, как это делается».

Наконец в трубке послышался голос министра:

— Здравствуйте, Сергей Тарасович.

— Здравствуйте, Павел Михайлович,— спокойно ответил Косачев.— Я слушаю вас.

— Как здоровье? Мне говорили, что преждевременно удрал из больницы?

— Все в норме, Павел Михайлович. Обошлось, пустяки.

— Если так, хорошо. Форсируете изготовление опытной трубы?

— Как говорится, жмем на все педали. Подсчеты готовы, технику перестраиваем — словом, делаем, как положено...

Министр прервал Косачева:

— Только полегче на поворотах. Не торопитесь ломать старое.

— Новое без ломки не создашь, Павел Михайлович.

— Знаю я тебя, не хвастайся. Сегодня же ночью вылетай с материалами в Москву, будем готовиться к совещанию.

— Хорошо, Павел Михайлович. Я готов.

— Жду. До свидания.

Косачев подержал трубку, спокойно положил на аппарат. Сидел так минут пять, не двигался. Потом прошел к аквариуму, остановился, разглядывая рыбок.

Потом вызвал главного инженера.

— Завтра я улетаю в Москву. Министр вызывает со всеми материалами. Завод оставляю на вас. Ни на минуту не выпускайте из вида электросварку. Ответственность за это дело я возложил на Поспелова, требуйте с него, и никаких поблажек. Сами же лично займитесь листом, хоть душу вынимайте из поставщиков, а чтобы лист был. Пока нет нужного профиля, работайте со старым, отлаживайте прессы, добивайтесь точнейшей подгонки.

Он молча прошелся по кабинету.

— Я очень хочу, Кирилл Николаевич, чтобы наше дело закончилось удачей. Я отлично понимаю, что, может быть, через какие-нибудь восемь — десять лет сделанное нами сегодня покажется наивным и смешным, но люди будут благодарны нам за то, что мы первые шагнули в будущее. Вы еще молодой, надеюсь, доживете до такого дня. Не улыбайтесь, я не шучу.

— Я согласен с вами, Сергей Тарасович,— серьезно сказал Водников.— Вы можете положиться на нас вполне, на всех.

Косачев отошел к окну, отодвинул занавеску, долго стоял задумавшись. За окном красовались огромные заводские корпуса, тянулись далеко-далеко, к самому городу.

Морозный снег ослепительно сверкал на солнце.

7

В Москве Косачев пробыл больше недели. Перед совещанием пришлось побывать в главке, в проектном институте, в Госплане и в других учреждениях, где можно было посоветоваться, проконсультировать неясные вопросы. Хотелось подкрепить свой доклад солидными научными доводами, соединив их с практической стороной дела, знакомой Косачеву в самых мельчайших подробностях. В эти дни Сергей Тарасович почувствовал себя чуть ли не студентом, готовящимся к самым строгим экзаменам.

Несколько раз звонил своей дочери Тамаре, обещал заехать хоть на часок, повидаться с внуком, да так и не смог выбрать время. Однажды вечером Косачев пришел в гостиницу усталый, поднялся в номер, снял шубу, решил отдохнуть в тишине. Нечаянно включил телевизор, хотел послушать последние известия, а наткнулся на какой-то современный спектакль, да так и просидел допоздна.

Косачев любил театр и, несмотря на занятость, находил время посещать театры, хорошо знал театральную Москву, не пропускал ни одного спектакля в своем городе, бывал и в театрах других городов. Он охотно встречался с актерами и режиссерами, любил в непринужденной беседе поговорить об искусстве, которое оценивал по-своему, с практической стороны. Он откровенно радовался, что приобщение к культуре рабочих помогает поднять производительность труда. Теперь одними призывами на производстве не добьешься толку. Надо считать, искать, обосновывать технически и экономически целесообразные решения, чтобы выпускать продукцию дешевле, лучше, быстрее. Но при этом нельзя забывать о культурном росте людей, ибо высокий духовный уровень рабочего определяет культуру его труда. В этом в первую очередь Косачев видел полезность театра, его прямое участие в производстве.

Посмотрев до конца новую постановку по телевизору, он записал название пьесы и фамилию автора, чтобы посоветовать режиссеру своего городского театра поставить спектакль у себя. Пьеса, по мнению Косачева, была интересная, с современными героями — рабочими людьми, и говорилось в ней о важных проблемах жизни,

об общественном долге человека, о его высокой нравственности.

Косачев находил способы «приучать» человека к красоте. Завел такой порядок, чтобы во дворе и в цехах всегда цвели цветы, требовал неукоснительного соблюдения чистоты во всех помещениях, гордился, что рабочие завода всегда одеты опрятно.

Он лично следил, чтобы люди чаще ходили в театр. На еженедельных оперативках Сергей Тарасович часто прерывал доклады мастеров о производственных делах и спрашивал при всех, когда мастер был последний раз со своими людьми в театре или в кино, что смотрели, понравилось им или нет, и почему. На таком разговоре присутствуют человек двести, слушают, задают вопросы. Конечно, все происходит в тактичной форме, по-дружески.

Вспоминая о планерках, Косачев подумал, что по приезде на завод обязательно расскажет о спектакле, который видел сегодня по телевизору...

Целые дни Косачев мотался по Москве, а ночами сидел в номере гостиницы, уточняя расчеты, переписывал и дополнял справки. Чем больше нарастала уверенность в успехе, тем нетерпеливее ждал, когда же наконец назначат совещание. Его не оставляла тревога, он торопился. Скорее бы получить добро, и — за дело!

Обидно тратить столько времени на согласования, обсуждения, консультации и другие формальности. Сколько бумаги потрачено на докладные записки, чертежи, расчеты, таблицы! Сколько вложено душевных и умственных сил!

Как ни крепился Косачев, он все чаще ловил себя на мысли, что устал, что дает знать о себе сердце. Останавливался на крутых лестницах, старался передохнуть незаметно, чтобы люди не видели его в эти минуты. Иногда вдруг, как привидение, вставал в его глазах старый доктор с белой головой и розовым лицом, сочувственно кивал, приговаривая:

«Да вы, батенька, смертельно раненный солдат».

«Чепуха, наваждение!» — отмахивался Косачев.

Но в голове все чаще мелькала мысль: а если упаду на бегу и не успею сделать дела? Конечно, подхватят другие, завершат и доделают все, что надлежит сделать. Но когда? А я уже на ходу, как заведенный мотор, оста-

лось только включить — и сразу рвануcь с места. Скорее бы начинать засучив рукава.

Он торопился, искал нужных людей, желая поднять всех, не упустить момента.

«Может, еще раз поговорить с министром, подготовить почву к совещанию? Попытаться склонить его на свою сторону? Да как? А может, съездить к академику Кузьмину? Он все понимает, все знает, хоть стар уже стал и, кажется, в драку не лезет. И все же чем я рискую? Не повидаться ли со стариком, попросить, чтобы поддержал проект у министра? С Кузьминым считаются, он в прежние времена весьма активно воевал за трубопрокатное дело».

Косачев узнал телефон Кузьмина и позвонил. Сказали, что Аркадий Петрович уехал на дачу и будет там до конца недели. Косачев спросил адрес и уехал к академику в дачный поселок.

В подмосковном сосновом бору было тихо, дышалось удивительно легко. Здесь и снег чище московского, и небо синее, и воздух легче.

У академика на даче была нарочито подчеркнутая старинно-русская обстановка: струганые сосновые лавки, плетенные из лозы стулья, вышитые рушники, льняные скатерти и салфетки, деревянная расписная посуда. Гостя принимали в большой столовой на первом этаже. Здесь было тепло, пахло березовыми дровами. В замерзших окнах виднелись темные ели.

Гость и хозяин сидели за широким столом, покрытым цветной накрахмаленной скатертью. Косачев уже достал карандаш, начал чертить на бумаге. Академик глянул мельком на чертеж, спокойно принялся разливать чай. Еще раз бросил взгляд на бумагу, разложенную Косачевым, присмотрелся, кивнул головой:

— Об этом ты, помнится, говорил мне еще в академии, лет тридцать назад. А почему я эту глупость до сих пор помню, как думаешь? Да потому, что эта глупость не глупость, дорогой мой Серега. Труба большого диаметра с двумя швами многим кажется наивной, детской выдумкой. А я убежден, что это не фантазия, а путь к решению проблемы.

Кузьмин говорил не торопясь, уверенным тоном, складывая голубя из туго накрахмаленной салфетки.

— А мне говорят: никто этого не делал, ты хочешь быть умнее всех! — сердито крикнул в ухо Кузьмину Косачев.— Это же не довод, Аркадий Петрович? Если никто так не делал, и нам, мол, нельзя? Вздор! Надо пробовать!

Кузьмин качнул головой, слегка возразил гостю:

— Риск, известно, благородное дело...

— Так-то оно так,— кивнул Косачев.— И потом нельзя же всю жизнь топтаться на одном месте?

— Нельзя. Но почему же я, понимая полезность твоей мысли, за тридцать лет не сделал даже попытки помочь тебе осуществить эту идею?

— Наверное, потому, что у вас достаточно своих идей, а жизнь одна, на все ее не хватит.

Кузьмин сложил голубя из салфетки, подергал за крылышки.

— Не в том суть, Серега. Сам знаешь: гром не грянет, мужик не перекрестится. Значит, еще не грянул гром. Выходит, наша промышленность обходилась пока без твоего комплекса и без твоих двухшовных труб. А если понадобится, значит, сделают.

Салфеточный голубь в руках Кузьмина трепыхал крыльями, раздражал Косачева.

— Конечно, сделают,— сказал Косачев.— Не я, так кто-нибудь другой сделает. А мне хочется, чтобы именно я сделал такую трубу, мой завод, мои люди. Это наше изобретение, и мы должны сами довести дело до конца.

Косачев бросил карандаш на бумаги, встал со стула и опять сел.

— Я-то на твоей стороне, я понимаю,— согласился Кузьмин, разглаживая салфетку на колене.— Ты верен своим идеалам, вечный оптимист, всегда смотришь вперед, смолоду был таким. Мой тебе совет: не уступай, добивайся своего, у тебя есть экспериментальный цех, катай себе свои трубы и никого не спрашивай.

«Да понимает ли старик, о чем я толкую? Играет в кошки-мышки или в самом деле выжил из ума?» — подумал Косачев, слушая несуразные переходы Кузьмина от одной мысли к другой.

А Кузьмин дружелюбно смотрел на Косачева, улыбался, как радушный, хлебосольный хозяин.

— Значит, твоя мысль не всеми поддерживается? Странно. Прими мой совет: подними всех на ноги, докажи.

— А вы-то, Аркадий Петрович, как считаете?

— Я — за! Но я же не начальство, что толку от моего мнения?

— Я думал, вы сможете повлиять на министра, мы же однокашники, он тоже ваш ученик. Сам когда-то был директором завода, все наши хитрости постиг, должен бы войти в положение.

— Может, потому и спуску вам не дает, что хорошо знает вашего брата и вашу местническую дипломатию? Ты не любишь крепкого чая? Пей же, остынет и потеряет вкус. Это особый букет, смесь разных сортов, по рецепту одного знатока.

— Спасибо, я выпью,— подвинул к себе чашку Косачев, но не стал пить.— Дело в том, Аркадий Петрович, что министр тоже хочет решить эту проблему, думает, с какой стороны подойти. Всех поднял на ноги, собирает самые разнообразные предложения. У министра на столе уже лежит десяток проектов. А я хочу, чтобы прошел и мой, потому что уверен: мой проект для государства сегодня самый выгодный. Меньше капиталовложений и скорая отдача — вот что главное в моем проекте.

— Кто же мешает? — простодушно спросил Кузьмин.

— Никто не мешает, но и никто пока не дает зеленый свет. Я ведь тебе сказал, что кроме моего проекта у министра на столе лежат и другие предложения.

— Ты знаком с другими предложениями?

— Кое-что слышал в общих чертах, а досконально не знаю. Но я уверен, что наш проект ближе к реальности.

Аркадий Петрович положил салфетку на стол, начал гладить вышитого на скатерти петушка. Осторожно спросил:

— Ты хоть понял, как министр смотрит на эту проблему?

— Пока не говорит окончательно, да это и понятно. Он обязан быть объективным, действует в интересах дела.

— А с тобой как ведет себя?

— Как со всеми. Хотя, кажется, прошлогодняя неудача с моими трубами запала ему в душу.

Кузьмин перестал гладить петушка, с лица его пропала улыбка.

— Неудача? — будто между прочим спросил он.— Что случилось с твоими трубами?

Косачев махнул рукой, с досадой пояснил:

— Был неприятный случай. Послал я без ведома министерства партию опытных труб на испытание. Ну, трубы не выдержали в тот раз испытаний. Пошли разговоры. Но надо же понимать. Некоторые любят рассуждать: с одной стороны, и с другой. Отчасти, мол, за, но отчасти — против. А в таком разе, если что-нибудь осложнилось, известно, перевес всегда за теми, кто против. Зачем рисковать? Ничего не надо менять и перестраивать, живи, как жил. Спокойнее на душе.

Кузьмин и сам начинал терять интерес к чаю, почувствовал серьезность разговора.

— Значит, предвидишь бой, Серега? И зовешь меня в свои ряды?

— Совершенно верно, Аркадий Петрович. Боюсь, как бы меня одного не положили на обе лопатки. Я-то не сомневаюсь, что прав, а мне говорят: никто еще никогда этого не делал.

— Это известно, есть такие,— сочувственно закивал Кузьмин.— Не без этого.

— Вот если бы вы, Аркадий Петрович, согласились свое объективное мнение в какой-нибудь форме изложить министру. Ваш авторитет в таких вопросах...

Кузьмин подчеркнуто удивленно вздернул плечи:

— Я же сказал тебе ясно и понятно: я — за! Обеими руками голосую. Я полностью за тебя. О чем разговор!

— Если бы вы поехали к министру или написали письмо,— сказал Косачев.— В крайнем случае, позвонить можно.

— Это неудобно, Сереженька,— Кузьмин пожал плечами.— Вроде нажима с моей стороны. Ты же знаешь, он самолюбив, только рассердится еще сильнее. Вот если как-нибудь так, к случаю,— я скажу. Определенно поддержу тебя.

— Да некогда ждать случая,— настойчиво и упрямо твердил Косачев.— Нужно теперь, завтра же. Именно в этой ситуации нужна ваша поддержка.

Аркадий Петрович добродушно засмеялся, стараясь держать разговор в рамках легкой дружеской беседы:

— Ах, Серега, Серега! Как был горяч, таким и остался. Хочешь меня столкнуть с министром? Ну что же, ты знаешь, я не трус. Могу пойти, стукнуть кулаком по столу. Но не всегда следует полностью поддаваться чувству, нужно и разума слушаться. Зачем же мне драться с министром, когда он умный человек? Он и без меня поймет твои доводы. Так даже лучше для тебя: добиться победы без протекции, так сказать, без давления авторитетов. Я бы на твоем месте пошел один на один. Ты вон какой богатырь, практический человек, в пух и прах разобьешь наших кабинетных мудрецов, в этом я ни капельки не сомневаюсь. Что мне, старому воробью, лезть в вашу львиную драку? Моего чириканья никто не услышит.

Аркадий Петрович откинулся на спинку стула, зашелся старческим смехом, даже слезы выступили на глазах.

Косачев понял позицию академика, помрачнел. Угрюмо отодвинул от себя чашку, так и не попробовав чаю, решительно встал из-за стола.

— Спасибо за советы, Аркадий Петрович. Извините, что помешал мирному течению вашей жизни. Будьте здоровы.

Он взял свой портфель и пошел к выходу.

— Куда же ты, на ночь глядя? — встревожился Аркадий Петрович, желая остановить гостя.

Косачев не откликнулся, скрылся за дверью.

— Экий горячий. Гордец!

Продолжая искать союзников своего проекта, Косачев решил поискать надежных сторонников среди нефтяников и газовиков. Чтобы разведать ситуацию, захотел встретиться со своим зятем Иваном Полухиным. Когда-то Иван работал на заводе у Косачева механиком, потом поступил в Московский геологоразведочный институт. Вскоре женился на дочери Косачева Тамаре. Молодые не пошли по косачевской дороге, выбрали свой путь в жизни.

— Жаль, что Тамара отбилась от моей стаи,— сокрушался Сергей Тарасович.— Да что поделаешь? Женщина всегда идет за мужем, а не за отцом, так уж повелось.

Иван Полухин смолоду быстро пошел в гору, участвовал в открытии нескольких месторождений природ-

ного газа, стал известным специалистом. Теперь многие солидные газовики и нефтяники считаются с ним, советуются. В прошлом году Иван рассказывал Сергею Тарасовичу о своих поездках по промыслам и стройкам. Тогда же говорил, что всех волнуют проблемы быстрейшего промышленного освоения природного газа и нефти. Жизнь заставляет думать о том, как скорее наладить транспортировку нефти и газа к потребителям. На многих промыслах, где еще нет железных дорог и нефтеперерабатывающих предприятий, остерегаются бурить новые скважины, боятся из-за отсутствия больших резервуаров и хранилищ затопить плодородные земли, вызвать пожары. А газ? Разве мало огненных факелов пылает в степях, в пустынях, в непроходимой тундре? Ясно же всем, что нужно скорее строить трубопроводы, значит, нужны трубы большого диаметра. Нефтяники и газовики, несомненно, хорошо понимают ситуацию, должны поддержать Косачева. А может, и подскажут какую-нибудь толковую мысль.

«В конце концов Иван наш бывший рабочий, осталось же у него хоть сколько-нибудь заводского патриотизма? — с надеждой думал Косачев.— Обязательно надо повидаться с ним, и как можно скорее. Теперь каждый день дорог».

Собираясь к зятю, Косачев с особым радостным чувством стремился туда еще и потому, что соскучился по внуку.

Сергей Тарасович набрал номер телефона и обрадовался, что к аппарату подошла Тамара.

— Доченька! Здравствуй! Я в Москве, хочу к тебе заехать. Сейчас же. Дома все в порядке? Ну и добро, приеду — поговорим. Через полчаса буду у вас.

Вызванный Косачевым таксист отлично ориентировался в московских перекрестках и поворотах и мигом домчал его до зоомагазина. Косачев решил заглянуть сюда на минутку, чтобы купить для внука давно обещанный подарок — аквариум с рыбками.

Окинув опытным взглядом все аквариумы, выбрал самый большой, похожий на стеклянный шар. Потом придирчиво отобрал диковинных рыбок, велел пустить их в аквариум с водой, купил корм, расплатился за все и осторожно понес в машину. Хотя в машине было до-

статочно тепло, Косачев прикрыл аквариум полой своей шубы, чтобы рыбки не замерзли.

Пробиваясь к улице Вавилова, где в большом новом доме жила Тамара, Сергей Тарасович с нежностью думал о предстоящей встрече с родными ему людьми. Как жаль, что так быстро проходит время, не успел оглянуться, как маленькая ласковая девочка Тамара стала взрослой, выпорхнула из родительского дома, уехала в столицу. Прошедшие годы не погасили его душевной привязанности и любви к дочери. Отцу так хотелось, чтобы дочь всегда жила рядом, занималась делом, близким его душе. Теперь и женщины нередко становятся инженерами-металлургами, строят заводы, конструируют машины, станки, и Тамара могла бы делать трубы. А впрочем, может, и не следует всем идти по одной дороге? Жизнь мудрее нас, не зря она дает каждому свое.

В первые годы супружеской жизни Тамара каждое лето уезжала с мужем в экспедицию, быстро приспособилась к полевым условиям, работала много и с увлечением. Побывала в сибирских краях, в пустынях Средней Азии, в Закарпатье, на Кавказе. С годами кочевая, скитальческая жизнь стала утомлять Тамару, неустроенность быта, оторванность от друзей и постоянного места работы вызывали раздражение и усталость. Видимо, не прошла бесследно тяжесть трудного детства. Тамару потянуло к уравновешенному, спокойному быту, к ясному распорядку дня. Ей казалось, что, если она посвятит все свое время только одной науке, ее жизнь обеднится, она не испытает полноты женского счастья. С каждым годом сильнее пробуждалось материнское чувство, хотелось иметь детей, создать семью. Муж не сразу понял Тамару, еще лет пять продолжал брать ее с собой в экспедиции, и они вместе лазали по скалистым горам, ходили по знойным пескам, жили в палатках, варили пищу на дымных кострах, пили мутную воду из заброшенных колодцев. Поддаваясь увлечению и азарту Ивана, она старалась быть полезной мужу в его занятиях и действительно хорошо помогала, да и сама была отличным работником, знающим свое дело. И все же, после того как ей исполнилось тридцать лет, Тамара осела в Москве, перешла на преподавательскую работу, читала лекции в институте, а Иван продолжал свои изыскания, уезжал в экспедиции.

У Тамары был свой, как она любила говорить, «цивилизованный» уютный дом, в котором ей хорошо и спокойно жилось. Занималась любимым делом, воспитывая славного белоголового сынишку. Размеренная, наполненная «оседлая» жизнь вполне устраивала ее, Тамара чувствовала себя полноценным человеком, нужным работником, женщиной и матерью. Она была счастлива.

С отцом у нее были особые душевные отношения. После смерти матери она жалела его, понимала, как он страдает, и видела, что только напряженная, всепоглощающая работа спасала отца от горя. В то трудное время Тамара готова была сделать для отца все, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ему жизнь. Но в чем могла найти утешение для себя и для отца беспомощная, маленькая девочка?

Отец дни и ночи работал на заводе. Чтобы осиротевшая девочка не оставалась дома одна, ее взяли в свою семью старые друзья Косачевых Шкуратовы. Однако девочка долго не могла привыкнуть к новой жизни, тосковала об отце. Шло время, и чужая семья, принявшая ее, как свою, постепенно стала родной для Тамары. Отец же незаметно отдалялся от дочери, хотя часто наведывался, приносил гостинцы, ласково говорил с Тамарой о ее занятиях в школе, просматривал дневники. Те короткие, но трогательные свидания с отцом она запомнила на всю жизнь. Она очень любила отца. Постепенно свидания становились более краткими, Сергей Тарасович приезжал не так часто, как прежде. А вскоре в жизни отца случилась крутая перемена.

Неожиданная женитьба Сергея Тарасовича больно ранила душу Тамары. Девочка к тому времени стала уже достаточно взрослая, отлично понимала, что в поступке отца не было ничего неестественного, бесчеловечного, но все равно расценила отцовский шаг как измену памяти матери. Тамара замкнулась, стала угрюмой, неразговорчивой. Ей тяжело было оставаться в городе, где отец жил с другой семьей. Когда подросла и окончила десятилетку, Тамара по первому же зову Ивана, уехавшего учиться в Москву, самовольно сбежала туда, поступила в институт. Потом в течение нескольких лет ни разу не приезжала домой на каникулы, избегая встреч с отцом. Внешне все было корректно: отец писал ей письма, она отвечала, он посылал ей деньги, был щед-

рым, она же брала столько, сколько нужно было на одежду и обувь, на скромное питание. Иногда писала отцу: «Папочка, ты слишком часто присылаешь мне деньги, я еще не истратила присланных раньше». Хотя она ни разу ничем не дала понять Сергею Тарасовичу, что его женитьба была неприятна ей, он сам чувствовал и понимал настроение Тамары и никогда, ни одним словом не упрекнул ее.

Новую жену отца Клавдию Ивановну и ее дочерей-двойняшек Марусю и Женю Тамара видела всего несколько раз, когда они приезжали в Москву. И с Клавдией Ивановной, и с девочками она была сдержанна, не показывала своей неприязни, но и не проявляла особой радости. С годами все улеглось, Тамара привыкла к тому, что у отца новая семья. Постепенно и неожиданно для самой себя прониклась симпатией к Клавдии Ивановне и к своим сводным сестрам.

Отец с годами относился к Тамаре все более ласково и сердечно, словно старался загладить свою вину перед ней. А с появлением внука особенно привязался к Тамариной семье, обожал мальчишку, не чаял в нем души. Приезжая в Москву, обязательно навещал их.

Поднимаясь в лифте, Косачев прижимал к животу стеклянный шар аквариума с рыбками, стараясь не уронить. Нащупал кнопку звонка, подождал, когда пройдет одышка, позвонил.

Дверь открыла Тамара.

— Какой ты молодец, папочка! — бросилась она на шею отцу и чуть не выбила из его рук аквариум.— Что это у тебя? Здравствуй! Проходи, пожалуйста.

Она сняла с его головы шапку и, продолжая разглядывать отца, ласково говорила:

— Какой ты седой, папуля! Держись, не сдавайся.

— Это иней, ведь мороз на дворе,— пошутил отец, ища глазами, куда бы поставить аквариум.— Возьми, Тамарочка, я разденусь. Смотри не урони, это я Сереже купил. Где он, разбойник? Спит?

— В детской играет. Пойдем к нему.

Тамара взяла из рук отца аквариум и, улыбаясь, ждала, пока он разденется.

Она была невысокого роста, круглолицая, с гладкими русыми волосами. Стояла стройная, прямая. Несмотря на то что ей было около тридцати пяти лет, выглядела

она совсем молодо, от нее так и веяло жизнелюбием и здоровьем.

«Как похожа на Аню! — подумал Косачев.— Вылитая мать».

— Замерз? — спросила Тамара.

— У нас холоднее,— сказал он, отходя от вешалки.— Веди-ка к Сергуньке. Где он там, озорник, небось не ждет деда, не знает, что приехал? Это сюрприз?

— Тише, услышит,— кивнула головой Тамара, передавая отцу аквариум.— Вот обрадуется, смотри, чтоб не сбил тебя с ног.

Косачев, неся перед собой подарок, торжественно пошел вслед за Тамарой в комнату внука.

Увидев деда, мальчик бросил игрушки, кинулся навстречу с радостным криком:

— Дедушка приехал! Деда!

Увидев в руках Сергея Тарасовича большой сверкающий стеклянный аквариум с разноцветными рыбками, Сережа застыл от восторга:

— Это мне, деда?

— Тебе,— кивнул улыбающийся Сергей Тарасович.— Принимай подарок. Бери!

Косачев опустил аквариум прямо на ковер, обнял обеими руками теплую головку внука, поцеловал в лоб.

Мальчик, прижавшись к деду, не мог отвести от рыбок своих чистых сияющих глаз.

— Вот какие рыбки. Нравятся?

— Они настоящие?

— Живые,— сказал Косачев.— Самые настоящие.

Тамара накрывала на стол, позванивала посудой, выбегала на кухню и снова возвращалась в столовую. Она была рада приезду отца, ей было приятно, что он с такой любовью относится к Сереже, так трогательно играет и разговаривает с внуком.

— Иди сюда, папа. Наверное, проголодался? Веди дедушку к столу, Сережа.

— А где же Иван? — входя в столовую, спросил Косачев. Он только теперь заметил отсутствие Тамариного мужа.

— В Тюмени застрял, на газовых промыслах.

— Какая досада! — сказал Косачев, принимаясь за еду.— А у меня к нему дело, хотел посоветоваться. Надолго улетел?

— Послали на две недели, а уже второй месяц сидит. Там у них тысячи проблем.

— Верно, дел у нашего брата теперь по горло. Нефть, газ, трубы. Фантастика!

— Некстати это все получилось,— продолжала Тамара.— Ване вот так нужно быть в Москве, а его не отпускают. Диссертация летит, не дают закончить.

— Не в диссертациях суть, дочка. Главное, принести пользу практическим делом; рассуждать да расписывать теперь многие умеют.

— Все же звание доктора наук,— возразила Тамара.— Для морального удовлетворения важно, и почет, и зарплату прибавят.

— В таком разе согласен, жмите на диссертацию. А как твои дела? Как ты живешь?

— Все хорошо, папочка. Преподаю, заканчиваю аспирантуру. Сережу воспитываю.

— Правильно делаешь. Учи его уму-разуму, береги от хворей разных, пусть растет настоящим человеком. Он у нас умница, красавец, богатырь! Косачевская кость. Записала бы ты его на нашу фамилию?

— У него отцовская есть,— погладила пушистую голову сына Тамара.— Как положено.

— То-то и говорю, что отцовская, да не наша, косачевская.

— Зачем так говоришь, деда? — засмеялся мальчуган.— Я же Сережа Полухин.

— Я пошутил. Полухин так Полухин. Тоже неплохо.

Дед потрепал внука по щекам, поднял его над столом и, опуская на пол смеющегося, раскрасневшегося шалуна, повернулся к дочери, говоря:

— Спасибо тебе, Тамарочка, за хлеб-соль, мне пора. Не надумала к нам на завод? Прекрасную лабораторию открыли. А хочешь преподавать, пожалуйста, дела сколько угодно.

— Что ты, папа? Мы теперь коренные москвичи.

Отец понимающе кивнул головой:

— Мир и счастье твоему дому, доченька. Хорошо у вас, уходить не хочется, а надо. Давай-ка руку, Сергунька. Пока!

Мальчуган бойко размахнулся ручонкой, хлопнул по дедовой ладони:

— Останься, деда, не уходи!

— Не могу, внучек. Никак не могу.— И совсем обычным, деловитым тоном сказал дочери: — Дел у меня, Тамара, чертова пропасть. Сегодня в главке, завтра у министра, в Госплане... Ни одной свободной минуты.

Он еще раз обнял внука, поцеловал Тамару.

8

Перед совещанием в ЦК министр еще раз собрал трубопрокатчиков, экспертов и представителей заинтересованных ведомств. Вопрос ставился гораздо шире, чем представлял себе ранее Косачев. Речь шла о выработке встречных предложений всей отрасли по реконструкции цехов и заводов в целях обеспечения дополнительного увеличения производства труб.

Среди присутствующих было много знакомых Косачеву директоров заводов, работников главков, плановиков, финансистов, сотрудников проектных институтов. Народу собралось много, были и москвичи и иногородние, некоторые прибыли на совещание, видимо, прямо с аэропорта, торопливо расстегивали портфели, доставали расчеты, схемы, тихо шуршали бумагами.

После короткого вступительного слова министра начали докладывать директора заводов. Говорили коротко, конкретно, одни волновались, другие спокойно и уверенно излагали свои соображения. Косачев внимательно слушал и ждал, когда дойдет его очередь. После выступления третьего или четвертого оратора встретился глазами с министром, приподнял руку, но министр не дал ему слова, тихо сказал:

— Подожди. Послушай.

Почти все выступающие говорили толково, разумно, высказывали неожиданные и смелые технические идеи. Косачев даже позавидовал одному директору, который убедительно рассказывал, как его завод собирается увеличить выпуск продукции, не покупая нового оборудования и не расширяя производственной площади.

«Это почти наш вариант»,— подумал Косачев, но тут же мысленно похвалил самого себя: «Наш проект лучше. У них все еще только в уме да на бумаге, а у нас уже дело делается, нас не догонишь».

Министр слушал ораторов и изредка перебивал, за-

давал вопросы. Все чаще раздавались реплики работников Госплана, Минфина.

Вскоре Косачева стала утомлять перекрестная словесная дуэль, он перестал вникать в подробности и детали предложений других людей, сосредоточенно думал о том, как лучше выступить ему самому, и напряженно ждал, когда министр предоставит ему слово.

Наконец Павел Михайлович обратился к Косачеву:

— Пожалуйста, Сергей Тарасович.

Косачев поднялся с места, спокойно стал излагать свой план изготовления нового вида труб большого диаметра. Когда он сказал, что завод работает над созданием двухшовных труб, в зале поднялся гомон, с разных сторон раздались восклицания:

— Ловко придумали.

— Широкий диаметр с двумя швами? Смело.

— Выйдет ли?

Не обращая внимания на реплики, Косачев продолжал свою речь ровным тоном, а под конец не выдержал, заговорил горячо и громко, обращаясь к министру:

— Поверьте нам, Павел Михайлович, наш коллектив готов выполнить эту задачу.

После Косачева выступило еще несколько человек. Дискуссия разгоралась, кое-кто горячился, брал слово два и три раза. Когда все высказались, министр стал подводить итоги и сообщил, что находит целесообразным просить ЦК и Совмин включить в план новой пятилетки те встречные предложения, которые были наиболее обоснованы как реальные и перспективные для народного хозяйства. В числе таких предложений министр назвал предложение Косачева, сказав при этом о выделении дополнительных средств.

Косачев облегченно вздохнул. Кажется, все пошло так, как ему хотелось. «Министр занял мудрую позицию, по-государственному ведет дело».

По залу неожиданно пошел гул, раздались реплики, кто-то сказал из угла:

— Извините, Павел Михайлович. Можно два слова?

Это насторожило Косачева: как бы не повернулось колесо в иную сторону.

Заговорил экономист Бирюков. Он возбужденно и настойчиво стал выкладывать свои доводы против косачевского проекта.

— Денег Косачеву дать можно,— сказал он.— Но есть ли в этом целесообразность, Павел Михайлович? Вложим капитал, а потом окажется, что на фоне новых, строящихся заводов косачевский цех — всего лишь кустарное, нерентабельное предприятие. Что будем делать? Ставить его на простой? Это несерьезно, товарищ Косачев,— резко обернулся экономист к Косачеву, как бы подчеркивая, что возражал не министру, а директору завода.

— Вы забыли, какой у нас цех,— возразил Косачев.— Если его расширить и пустить в ход, как мы предполагаем, то не всякий новый завод сможет потягаться с нашим цехом. Вы же сами, товарищ Бирюков, когда-то работали на нашем заводе и хорошо знаете.

— Довольно спорить, товарищи,— остановил перепалку министр.— Я настаиваю на тех предложениях, о которых сказал. Внесем их в ЦК и в правительство и будем ждать решения.

На этом совещание у министра закончилось.

В полночь Косачеву позвонил Бирюков.

— Как настроение, Сергей Тарасович? — спросил он дружеским тоном.

— Превосходное,— бодро ответил Косачев.

— Не рано ли торжествуете? Подождем, что скажут в ЦК. Но я, собственно, звоню по другому поводу. Хотел посоветовать: просите денег побольше, все равно срежут наполовину, вы же знаете.

— Спасибо за совет. Как-нибудь сам соображу.

— Извините, я по-дружески. Общее же дело. До свидания.

— Будьте здоровы! — Косачев положил трубку, подумал: «Чего он добивается? Хочет, чтобы я напугал Министерство финансов своим запросом и нарвался на отказ? Мне же ни копейки лишней не надо».

Косачев вспомнил, что Бирюков и раньше всегда был против финансирования экспериментальных работ на заводе, признавал бесперспективность этого дела и теперь боялся, что признание и утверждение косачевских предложений может серьезно подорвать авторитет экономиста.

«Вот человек,— подумал Косачев.— О чем заботится в такой момент? Да шут с ним, с его авторитетом».

Вскоре состоялось совещание в ЦК. Еще до начала, проходя в зал, Косачев неожиданно встретился со своим старым знакомым — инженером Иваном Николаевичем Прониным, в прошлом известным специалистом-прокатчиком.

«Где он теперь? — подумал Косачев.— Кажется, после юга был переведен во Внешторг? Неужели все еще там?»

Косачев живо вспомнил те годы, когда у них на заводе только налаживалась горячая прокатка труб, и Пронин, тогда еще молодой, приехал к нему на работу. Они близко сошлись тогда, Косачев высоко ценил Пронина, как отличного специалиста, хорошего товарища. После, когда Пронин работал в других местах, Косачеву не раз доводилось встречаться с ним, и хотя эти встречи были короткими и не всегда носили деловой характер, Косачев все больше проникался уважением к Пронину, как к человеку умному и дальновидному.

Косачев и Пронин пошли навстречу друг другу, пожали руки.

— Здравствуйте, Иван Николаевич. Какими судьбами?

— Гора с горой не сходятся, а люди, знаете, вот так. Очень рад вас видеть, Сергей Тарасович.

«Вот чудеса,— думал Косачев.— Никак не ждал встретить Пронина на этом совещании. Зачем он здесь и в каком качестве? А впрочем, прекрасный случай. Поговорить бы с ним, перетащить на завод. Отличный организатор. Знает трубопрокатное дело, работал у нас, знаком с людьми, с обстановкой — словом, свой человек, лучше не придумаешь. Но согласится ли?»

Ровно в десять часов в зале появился ответственный работник ЦК Алексей Степанович Коломенский, министр Павел Михайлович и другие товарищи.

Коломенский обратился к собравшимся:

— Центральный Комитет внимательно рассмотрел предложения министерства и в основе одобряет ваши встречные планы по дополнительному увеличению производства труб, и особенно — крупнокалиберных.

Косачев вдруг почувствовал, как сильно забилась кровь в висках, незаметно стиснул голову руками, ждал, когда схлынет боль, с иронией подумал о себе:

«Уймись, уймись, старый дурень. Все идет как надо. Наилучшим образом. Будем делать двухшовную трубу. Будем!»

Коломенский не произносил длинной речи, а просто, глядя в зал, обращался персонально к каждому директору завода, чьи предложения принимались, и спрашивал:

— Все взвесили, товарищ Миронов? Реальный план?

— А ваши предложения, товарищ Грибанов, обсуждались в коллективе? Партийная организация поддерживает?

Когда дело дошло до Косачева, Коломенский улыбнулся и дружеским тоном сказал:

— У вас, кажется, особый случай, Сергей Тарасович? Двухшовная труба? Интересное дело, желаем успеха.

Коломенский повернулся лицом к министру, потом к Косачеву.

— Принимаем решение: поручить вашему заводу срочно приступить к освоению производства двухшовных труб большого диаметра. Все иные работы передадим другому предприятию. Так, Павел Михайлович?

— Министерство согласно,— ответил министр.

— Как вы считаете, товарищ Косачев, когда можно практически начинать?

Косачев лукаво прищурился.

— А мы уже начали.

— Это не считается,— мягко перебил Коломенский.— Беритесь за дело по-настоящему. Быстрее переходите от экспериментов к настоящему делу, с широким размахом.

— Какой обусловим срок выпуска первых промышленных труб? — спросил Косачев.

— А как по-вашему? Только абсолютно реально, без хвастовства.

— Нам хватит двенадцати месяцев.

— Что нужно заводу? Какая помощь?

— У нас есть все, товарищ Коломенский. Дело за нами. А просьбы изложены в нашей записке.

— Хорошо. Будем действовать сообща. Пришлем на завод уполномоченного ЦК. О всех нуждах докладывайте лично мне.

— Можно обратиться с одной просьбой? — спросил Косачев, вспомнив важную мысль, которая возникла у него в начале совещания.

— Слушаю вас.

— Прошу в качестве уполномоченного послать к нам товарища Пронина. Мы с Иваном Николаевичем встречались по работе, он, в сущности, хорошо знает наш завод.

— А что скажет сам Иван Николаевич? — обратился Коломенский к Пронину.— Согласен?

Пронин пожал плечами:

— Если назначат, сочту за честь решать такую задачу вместе с Сергеем Тарасовичем.

— Хорошо, мы рассмотрим эту просьбу. В добрый путь, товарищи,— сказал, обращаясь ко всем, Коломенский, прекращая разговор, и вышел из-за стола.

Пока участники совещания расходились, министр отвел Косачева в сторону, дружески пожал руку:

— Поздравляю, Сергей Тарасович. Не ожидал такого поворота? Теперь держись.

— Поддержите меня в одном деле, Павел Михайлович,— перебил министра Косачев.— Я насчет Пронина. Мне он вот так нужен!

Павел Михайлович хитровато засмеялся:

— Знаешь, кого выбирать! Пронин отличный работник, с годами до твоего ранга дотянется. По-моему, вопрос о его назначении решен. Видел, как реагировал Коломенский?

— Ну все-таки в случае чего. А вдруг начнет отказываться?

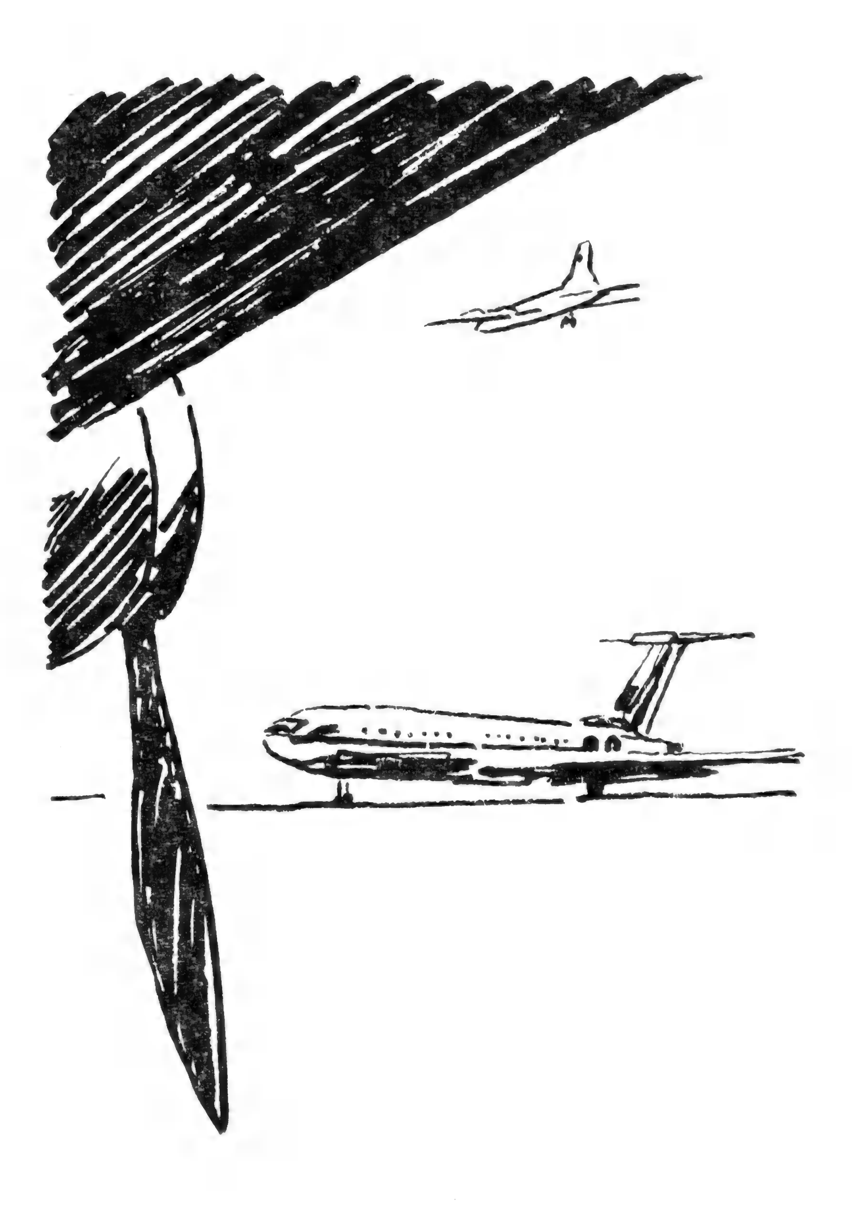
— Обещаю полную поддержку,— твердо сказал министр.— Смотри, не сломай себе шею. Поднял знамя, так неси, не споткнись.— Он ободряюще оглядел Косачева с ног до головы.

— Не пойму я тебя, Павел Михайлович,— сказал Косачев.— Ты за меня или против?

— Боюсь я, Косачев,— засмеялся министр.— Сам шлепнешься и меня подведешь. Да ладно уж, ты любишь рисковать, а я на таких полагаюсь. Не смею удерживать более, возвращайся на завод, берись за дело.

Они простились, довольные друг другом.

Как ни хотелось Косачеву еще раз повидаться с дочерью и внуком, ему не удалось выкроить ни минуты. Попрощавшись с Тамарой по телефону, он в тот же день к вечеру улетел домой, полный горячего нетерпения немедленно взяться за дело, к которому готовил себя всю жизнь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

У Косачева уже давно вошло в привычку во время полета обдумывать важнейшие моменты своей работы и жизни. По пути в Москву он каждый раз собирался с мыслями перед важным разговором в главке, в министерстве или в Совмине. Возвращаясь домой, прикидывал, как вести дело дальше, с учетом споров, дискуссий и решений, принятых в Москве. Только во время полета

Косачев был относительно свободен и мог сосредоточиться. Оказавшись в самолете, он чувствовал себя огражденным от мелких, хлопотливых дел, возникающих в повседневной суете и текучке. Тут никто не помешает, не отвлечет, да и сам не вскочишь и не побежишь в цех, тут не зазвонит телефон, не придут люди со срочными делами. Сиди и думай, соображай, вспоминай, прикидывай. Другого случая для спокойного размышления не будет, завод закрутит, завертит, понесет в потоке больших и малых неотложных дел.

На этот раз Косачев сидел в кресле прямо, молодцевато, без тени усталости на лице, будто и не собирался долго рассиживаться. Хотелось поскорее оказаться на заводе, сразу же приступить к делу.

«Хорошо бы теперь не сорваться, дойти до конца, сделать все, как наметил и рассчитал,— думал Косачев.— Это венец моей жизни, и ничего мне другого не надо».

Он все еще был во власти того необыкновенно будоражащего душу чувства, с которым ушел с совещания, вспомнил Пронина, последний разговор с министром. «Нелегкую ношу я взял на себя. Да что делать? Бывало и не такое».

Самолет беспрерывно гудел и содрогался. Его рокочущий шум вызвал в памяти Косачева завывание шквального ветра страшной зимы сорок первого — сорок второго года. Тогда Косачеву было поручено строительство новых заводских корпусов на степном пустыре, куда подвозили на машинах и стаскивали волоком на заледенелых бревнах оборудование, эвакуированное из Подмосковья. Теперь невозможно представить, как все это свершилось. Это был нечеловеческий труд. Работали изможденные женщины, старики и подростки, голодали, мерзли, валились с ног. И он, Косачев, не отделял себя от других, вместе со своей женой Анной день и ночь был на стройке. Их восемнадцатилетний сын Анатолий уже полгода воевал на фронте, а маленькая Тамара, которая была с ними, одна весь день оставалась в холодном, сыром помещении. Топить было нечем, иногда удавалось раздобыть несколько хворостин или обломки досок, с трудом разогреть железную буржуйку, которая тут же остывала, как только угасал огонь.

Косачевы в тот год, оставив городскую квартиру, пе-

реехали поближе к стройке, поселились в классе поселковой школы, разгороженном на две половины, где за фанерной стеной, оклеенной газетами, приютилась еще одна семья. На стене висела географическая карта, в углу на шкафу стоял глобус и небольшой медный колокол. Промерзшее насквозь окно приходилось плотно занавешивать байковым одеялом. Парты вынести было некуда, и Косачев сдвинул их на середину комнаты, поставил в два этажа, приладил к ним занавеску.

Иногда Косачеву удавалось поздно ночью отлучиться с работы, забежать домой отдохнуть. Поспав часа два, он тут же вставал и при свете керосиновой лампы начинал растапливать буржуйку, чтобы к тому времени, когда просыпались жена и дочь, успеть хоть немного обогреть комнату и вскипятить воду в чайнике.

Однажды он пришел домой перед рассветом и, не снимая валенок и полушубка, нарубил щепок, набросал в печь, стал раздувать огонь. Щепки были сырые, долго не загорались, и только дым выползал из щелей жестяной трубы и печного поддувала, расстилался по комнате. Вытирая кулаком красные, слезящиеся от дыма глаза, Косачев наконец развел огонь, прикрыл заслонку, обнял холодными ладонями железную печурку, чуть-чуть согреваясь.

В коридоре звякнула дверь. Кто-то зашаркал ногами, постучался. Косачев пошел открывать.

В сыром и темном проходе стояла закутанная в заиндевелый платок девочка-подросток с почтальонской сумкой на плече, поеживаясь от холода, хлюпая простуженным носом.

— Это ты, Катеринка? — спросил Косачев, узнав дочку местной почтальонши.

В окне коридора дребезжало разбитое стекло, ветер со свистом загонял через щели сухие снежинки.

— Читайте ваши газеты,— не глядя на Косачева, сказала девочка и сунула ему в руки сверток.— Сразу за всю неделю.

— Чего же мать не пришла? Тебя погнала в такую погоду?

— Кто ее знает! Третий день ревет, как маленькая. Не могу, говорит, я людям такие письма носить.

— Какие письма? — тревожно спросил Косачев.

— Да как это вот. Нате! Вам.

Девочка быстро сунула Косачеву конверт и сразу заревела, будто ее кто-то больно ударил.

— Я невиноватая, дяденька,— запричитала она жалобным голоском.— Это почта прислала, чтоб она сказилась.

Косачев схватил девочку за руку, рванул ее к себе, заглянул в перепуганное, залитое слезами лицо.

— Что ты такое говоришь?

Девочка задрожала всем телом, еще громче заплакала и уткнулась лицом в колени Косачева:

— Не ругайте меня, дядечка. Я же невиноватая, невиноватая.

Он отпустил ее и долго стоял, прислонившись к стене. Какая-то маленькая надежда родилась в душе, дала ему силы. Он вернулся в комнату, закрыл дверь, взглянул на письмо, прижал его ладонями к груди, медленно и тяжело пошел к печке, где сверкал огонь.

— Кто там? — спросила жена из-за ширмочки.— Кто-нибудь пришел?

Косачев ничего не ответил. Молча сидел у плиты.

— Кто там, Сережа? — громче спросил женский голос.

— Газеты принесли,— сказал он наконец странным голосом, которого сам испугался. Склоняясь над печкой, нарочно позвякивал заслонкой, будто ничего не случилось, показывая, что он просто занят обычным делом.

— Письма́ от Толика нет? — спросила жена.

Косачев, ничего не отвечая жене, вскрыл конверт, опустившись на корточки совсем близко к огню. Безжалостные, как выстрел, слова ударили в сердце: «...Ваш сын Анатолий Сергеевич Косачев погиб смертью храбрых в боях за город Харьков...»

Косачев едва не вскрикнул от боли, закрыл глаза. Все уходило из-под ног, он куда-то проваливался, падал в пропасть.

— Что же ты молчишь? — снова спросила из-за ширмы жена.— Я опять видела Толика во сне. Такой ласковый, веселый. Прибежал в дом и говорит: «Мамочка, мне папа купил новую книжку с картинками...»

Пересказывая тревожный сон, она вставала с постели и, зябко поеживаясь, одевалась. За ширмой мелькнула ее рука, потом поднялись кверху обе руки, она стала надевать через голову темную шерстяную кофту.

Косачев, не поднимаясь с колен, медленно поднес письмо к огню, горестно смотрел, как пламя охватило жалкий бумажный листок, лизнуло его красным языком, превратило в пепельный прах.

Уже одетая и успевшая заколоть длинные волосы, Анна Григорьевна вышла из-за ширмы, вслед за ней появилась и Тамара. Достав из тумбочки банку с молоком, кружку, кусок черного хлеба, мать усадила девочку за парту, как за стол, поставила перед ней еду:

— Ешь, доченька, ешь.

Накинула на плечи дочке теплый платок, взяла чайник с водой, понесла к печке.

— Я была уверена, что нынче получим письмо от Толика,— говорила она усталым голосом, обращаясь к мужу, сидящему на полу, спиной к ней.— Со мной уже не раз так случалось: как увижу сон, обязательно исполнится. Может, еще придет письмо к вечеру.

Косачев сидел неподвижно, согнувшись, смотрел на огонь и пепел, оставшийся от горестного письма.

— Пришло,— тихо сказал он в ответ на слова жены.— Пришло письмо, Аня. Только я нечаянно уронил его в печку. Сгорело наше письмо.

— Господи! И не успел прочитать? — тревожно спросила жена.— Как же ты так?

— Успел, прочитал. Храбро воюют наши... И Толя отличился в бою. Вечная ему... слава. Храбрый мальчик.

Анна Григорьевна с недоумением и тревогой смотрела на крутой затылок мужа, на его большую голову, покрытую непокорными седеющими волосами.

— Да как же ты уронил, Сережа? Ну как же ты? Какой неосторожный!

Большой, грузный и тяжелый, Косачев сидел на полу, не разгибая спины, молчал.

А в печке пылал огонь, и в его жарком пламени исчезали последние черные крохи пепла от сгоревшей бумаги...

Самолет вздрагивал и гудел, словно какой-то великан дул в гигантские органные серебряные трубы, пел свою суровую песнь.

И Косачеву вспомнился еще один черный день в его жизни.

Большие костры пылали в пустынной снежной степи. Холодный ветер гнал поземку, рвал огненные языки ко-

стров, сильнее раздувал пламя. У огней грелись люди, закутанные в платки, попоны, одеяла и во что попало. Тянули руки к пламени, зябко тряслись от мороза, пританцовывали, топтали худой, разбитой обувью чернеющий от пепла снег. Не успев отогреться, возвращались к своим рабочим местам, сгружали с железнодорожных платформ тяжелые металлические детали. У кого не было рукавиц, тот обматывал руки тряпьем. Не дай бог было схватиться голой рукой за промерзшую железку — до костей отрывалась кожа с мясом.

Женщины, старики и подростки до изнеможения возились с токарными станками, пытались наладить их, хоть как-нибудь пустить в ход. Монтажники соорудили хилую подвесную крышу и ставили стены-времянки, стараясь не мешать рабочим. Никто не разгибал спины, не думал о голоде, о холоде, об опасности.

Сам директор завода Косачев, мастер Никифор Шкуратов, Воронков и еще несколько человек в тот день упорно старались запустить мотор землеройного крана. Ни ветер, ни мороз не могли остановить строителей. Настойчиво и отчаянно люди рыли мерзлую землю, вбивали в грунт железные сваи, тянули электрические провода, крепили их на подпорках, подключали станки.

Под открытым небом в адском вихре бурана женщины, старики, неокрепшие голодные мальчишки и девчонки работали на токарных станках, точили детали для минометов и снарядов. На грубой, неотесанной доске сарая, называемого цехом, висело полотнище с надписью: «Все для фронта! Все для победы!»

Ветер яростно трепал красный кумач. Гвозди цепко держали полотнище. Злой ветер кружился над стройкой, наметал сугробы, закидывал снегом людей и станки.

За одним из станков под открытым небом трудилась и жена директора Анна Григорьевна, а рядом с ней ее подруга — Мария Емельяновна Шкуратова. А там подальше, в буранной метели, копошились черные тени других женщин, и трудно было их сосчитать и запомнить в лицо.

Вечером, при свете прожектора, Мария и Анна тащили на санках тяжелый деревянный ящик с заготовками для снарядов, подвозили прямо к платформам. Вдвоем, поднатуживаясь так, что чуть не лопались жилы, они поднимали тяжелый груз на борт платформы,

и вдруг Анна нечаянно поскользнулась, упала на мерзлый снег. Ящик сорвался с края платформы, сильно ударил ее в грудь. Анна вскрикнула, глухо застонала, пыталась подняться и не могла.

Мария бросилась на помощь, подхватила ее за плечи, крикнула в темную, холодную ночь:

— Эй, люди! Помогите!

Вскоре прибежали рабочие, появился и Косачев. Он поднял Анну на руки, понес к костру.

— Аннушка! Аня! Больно тебе? Потерпи, милая! Слышишь меня, Аннушка?

Но Анна не слышала мужа, не отвечала. Молчала, закрыв глаза. Умолкла навсегда. Косачев не опускал ее с рук, нес куда-то в степь, шагал мимо костров, мимо усталых, измученных людей.

Похоронили Анну в мерзлой земле, разбитой на крупные угловатые комья.

Косачев стоял у края могилы, прикрывая полой пальто озябшую дочку. На его суровом лице леденели слезы, ветер сердито трепал жесткие волосы на непокрытой голове.

Тамара неутешно плакала, хрипло кричала:

— Мамочка! Ма-ма!

Ни ласковые причитания Марии Емельяновны, ни добрый, сочувствующий взгляд Никифора Шкуратова не могли успокоить девочку, остановить ее рыданий...

— Поплачь, Тамарочка, поплачь,— говорила Мария Емельяновна.— Прощайся с мамой.

Девочка прижималась к отцу, плакала.

2

Вернувшись из Москвы, Косачев прямо из аэропорта заехал на завод и, несмотря на поздний час, позвонил домой секретарю парткома Уломову и главному инженеру Водникову, сказал, что в ЦК одобрили предложение и поручили заводу немедленно начать работы.

— Утром соберемся у меня, обмозгуем, как действовать дальше. Теперь надо рассматривать это дело как правительственное задание. Подробности расскажу при встрече.

Сидя в кабинете, он почувствовал усталость, решил не ехать домой, остаться на заводе, отдохнуть часа два

на диване, потом поработать, просмотреть срочные бумаги, кое-что обдумать к завтрашнему разговору. Взял папку с неразобранной почтой, включил репродуктор, присел на диван. Усевшись поудобнее, решил взглянуть на сводку за прошедшую неделю. Мысли рассеивались, строчки прыгали и расплывались. Он вдруг забеспокоился от какой-то неприятной тяжести в затылке, ощутил неподвижную свинцовость во всем теле. Через силу поднялся, подошел к окну, распахнул раму и, когда в кабинет ворвался холодный морозный воздух, облегченно вздохнул, подставил лицо под освежающую струю. Сквозной ветерок колыхнул его волосы, остудил вспотевший лоб. Хорошо и приятно было стоять у раскрытого окна, дышать полной грудью. Вмиг отлегло от сердца, полегчало.

Он невольно загляделся на заводские корпуса и заводской двор, покрытый мягким слоем белого снега. На фоне красной кирпичной стены, освещенной синеватым отливом ярких неоновых фонарей, были отчетливо видны медленно падающие пушистые снежинки. Красивое, успокаивающее зрелище, можно часами смотреть на бесконечные переливы белого и красного цвета.

Как удивительна наша русская зима с ее обжигающим морозным дыханием, с белым, безмолвным покоем, с порывами буйного ветра, с метелью и вьюгой, с блеском алмазной пыли, ослепительно сверкающей на ярком солнце! Скрип снега под ногами, белые кружева на деревьях, замерзший иней на меховых воротниках, клубы синего дыма над крышами домов, шумный крик мальчишек, со свистом летящие с горки санки. Зима! Зима!

Косачеву вдруг стало зябко, он закрыл окно. Походил по кабинету, постоял у аквариума с рыбками, подсел к столу, снова принялся разбирать бумаги. Головная боль не проходила, затылок тяжелел, хотелось спать.

«Устал я здорово, перенервничал,— думал Косачев.— Не поехать ли домой, отдохнуть немного. Так будет лучше. Тепло, покой, крепкий горячий чай. Позвонить надо жене, девочкам, сказать, что приеду».

Он потянулся к телефону, набрал номер. В трубке отозвалась жена.

— Ты спишь, Клава?

— Какое там! — ответил радостный голос.— Я же знаю, что ты прилетел, жду тебя. Как в Москве?

— Прекрасно. Лучше, чем я ожидал.

— Поздравляю! Приедешь?

— Приготовь, пожалуйста, ужин,— сказал Косачев.— Что доченьки, сестры-разбойницы, как они?

— В порядке, сам увидишь.

Клавдия Ивановна говорила ровным, спокойным тоном, чтобы ничем не встревожить мужа. Она и раньше оберегала его от лишних волнений, делала все, чтобы оградить от необходимости улаживать мелкие домашние конфликты. Неурядицы, разумеется, были всегда, как в любой семье. С беспокойными девочками случались такие происшествия, которые наверняка доставили бы Косачеву излишние переживания и волнения.

Едва Косачев разделся и пошел умываться, как до его слуха донеслось веселое щебетанье девочек, успевших распаковать привезенные отцом подарки. Особый восторг вызвали новые сапожки.

— Какая прелесть! — всплеснула руками Маруся.

— Чудо! — любовалась сапогами Женя.— Сказка — тысяча и одна ночь!

Девочки надели обновки и теперь вертелись перед зеркалом.

— Ты только взгляни, мамочка!

Из ванной вышел Сергей Тарасович, умытый, освежившийся, гладко причесанный, в белой рубашке. Мать не успела отправить девочек в их комнату, как они бросились обнимать отца.

— Спасибо, папуля! — чмокнула отца в щеку Маруся.

— Ты молодец! Современный родитель! — поцеловала в другую щеку Женя.

Девочки пошумели, повертелись перед зеркалом и, довольные тем, что отец не стал ни о чем расспрашивать, ушли к себе в комнату.

Косачев с женой остались одни. Кажется, он ждал этой минуты. Выключил радиоприемник, помолчал. Хотелось тишины, покоя. Она видела, какой он усталый, сочувственно покачала головой:

— Как же теперь будет, Сережа? Какую ношу взвалил на себя!

— Справимся,— просто сказал он.— А как ты тут без меня?

— Хлопотно с девочками, своевольничать стали. Со-

всем не слушаются,— сказала Клавдия Ивановна.— Модные штаны да свитера понадевали, от парней не отличишь. В наше время застыдили бы.

— Теперь все так. Молодежь,— сказал он примирительно.— Не придирайся к ним, хорошие девочки выросли. Того и гляди улетят из дому, вот тогда загрустишь.

Жена тихо вздохнула:

— Я так этого боюсь, Сережа! Они для меня совсем еще дети маленькие.

Он неожиданно засмеялся, будто разрядился от напряженных дум, его теплые глубокие глаза добро посмотрели на Клавдию.

— А мы разве долго сидели в родительских домах? — тихо сказал он жене.— Я в семнадцать лет ушел, а ты и того раньше.

— Так то же было другое время.

— Оно всегда другое. Жизнь идет, и времена меняются. Я часто смотрю с самолета на наш город и вспоминаю, что было раньше на этом месте. Теперь даже трудно представить.

Косачев и жена сидели друг против друга, мирно, неторопливо разговаривали.

— Ты знаешь,— продолжал Косачев,— не все замечают, как многое может измениться на земле за время жизни одного поколения. Ежедневные простые наши дела часто остаются малозаметными, а когда посмотришь на то, что сделано всеми нами за малый срок, это значительно и огромно. Особенно ясно и отчетливо я понял эту истину сегодня, когда смотрел с самолета на наш город. Кажется, не в первый раз вижу, все знакомо до мелочей. Но сегодня будто впервые соединил в мыслях то, что сделал за всю свою жизнь. Знаю, что не один я все это сделал, и все же приятно знать, что во всем этом есть я. Понимаешь, о чем говорю?

— Понимаю, Сережа.

Он умолк и откинул свою большую седую голову к спинке зеленого кресла. Живые глаза смотрели на жену спокойно, с добрым вниманием.

— Я пойду заварю чай,— поднялась Клавдия Ивановна.

Он смотрел на нее, будто наблюдал издали, со стороны, и видел, как она ходила от стола к серванту, потом ушла на кухню, долго не возвращалась.

Он сидел спокойно, не шевелясь, весь во власти нахлынувших на него раздумий о жизни...

С Клавдией Ивановной Сергей Тарасович встретился через несколько лет после смерти первой жены. Как уцелевший после лесного пожара крепкий дуб с единственной зеленой веткой, питаемый соками земли, оживал, тянулся к солнцу, продолжал жить, так и Косачев, оставшись один с малой дочуркой Тамарой, слабенькой, ласковой, хрупкой девочкой, не согнулся под ударами судьбы, работал и жил, как приказало время, как повелел долг. Будучи директором завода, не знал кабинетной тишины. Как все рабочие, не выходил из заводских цехов ни днем ни ночью, питался где и чем придется, спал на деревянном топчане в конторке. Девочку опекали соседи. Однажды Косачев днем выбрался с завода на часок, чтобы проведать Тамару, отвезти ей консервы и сахар. Вбежал в комнату, а на столе записка: «Папочка, не беспокойся, я у тети Марии».

Он тут же помчался к Шкуратовым. Девочка спокойно сидела у окна, готовила уроки.

Согласившись оставить дочь в семье своих друзей, Косачев окончательно переселился на завод, в свою конторку, только изредка, бывало, забежит к Шкуратовым навестить Тамару, притащит свои сбереженные пайки, одарит ребят рафинадным сахаром, копченой колбасой и опять спешит на работу. Так и жил на заводе, хоть и была уже у него хорошая квартира.

Но так или иначе, война уходила в прошлое, и новое время властно меняло людей, условия жизни, труда. Спадало физическое и духовное напряжение, Косачев иногда позволял себе ночью покинуть завод, заехать домой, принять ванну, выспаться в чистой постели. Чаще стал навещать Тамару, ходил с ней на прогулки, а раза два водил дочку и ребят Шкуратовых в городской цирк. Однажды приехал он к Шкуратовым на автомобиле, в новом костюме, при галстуке. Сели обедать, ребят вокруг себя рассадили. Взрослые выпили по рюмочке, по другой, стали рассуждать, как жить Косачеву дальше.

— Да в чем тут проблема? — сказал Сергей Тарасович.— У меня вон доченька уже невеста, двенадцатый годик пошел. Возьму ее в свою большую квартиру, она у меня хозяйкой будет, проживем. Верно, Тамарочка? Согласна?

— Какая из нее хозяйка, она еще дите, ей и у нас хорошо,— возразила Мария Емельяновна.— Жениться тебе надо, вот что. А Тамара с моими ребятами вырастет, она мне как дочка.

— Куда мне! — махнул рукой Косачев.— Не о женитьбе забота. О Тамарочке надо думать, она у меня единственная.

— Я буду жить у тети Марии,— упрямо сказала Тамара.— И никуда меня не зови, все равно не пойду.

— Правду говорит — не пойдет, не зови,— поддержала девочку Мария Емельяновна.— Ты весь день до поздней ночи на заводе пропадаешь, а девочке одной как жить? Бобылкой расти? Нет уж, не тронь ее, пусть с нами живет.

Как ни рядили, пришлось до поры до времени оставить Тамару в семье Шкуратовых.

Так и прожил Косачев еще несколько лет. Но однажды, совсем неожиданно, кончилась его холостяцкая жизнь. Как-то в дождливый осенний день бродил он с ружьем за городом, недалеко от Оленьих озер. Вышел на опушку и вдруг увидал на дороге молодую женщину с двумя малышами. Остановился и смотрит на них. А ветер хлещет в лицо, дети плачут, женщина упрямо бредет по расхлябанной мокрой дороге и все приговаривает: «Не плачьте, не плачьте, доченьки». А у самой слезы текут по щекам. Увидала мужчину с ружьем, вроде бы испугалась, да сразу поняла, что он ее не обидит, успокоилась. Подошла к нему и спросила:

— Не знаете, цел ли тут еще мост через реку?

А сама вся дрожит от холода, посинела, чуть с ног не валится от усталости. Лицо испуганное, бледное, а глаза печальные, будто кто ее горько обидел.

— Цел. А куда идете? — спросил Косачев, глядя на женщину и детей.

— В Кирилловку. Слыхали про такую?

— Что далеко так? К ночи, пожалуй, не доберетесь.

— Я поспешу, что же делать? Прощайте!

— Постойте! — крикнул Косачев.— Я довезу вас на машине. Вон там, за березами, стоит, сейчас прикачу.

Он посадил женщину с детьми в машину, стал расспрашивать, кто она, откуда и куда идет. И тут женщина рассказала Косачеву свою историю.

Она была родом из той самой Кирилловки, куда теперь шла. Лет пятнадцати уехала в город поступать в техникум, не сдала экзамены и пошла работать в магазин. Вскоре познакомилась с одним командированным, таким разговорчивым, бойким мужчиной. Он выдавал себя за полярного летчика, рассказывал про свою героическую жизнь. Увез девчонку на Север, женился на ней. Она прожила с ним три года, родила девочек-близнецов — Марусю и Женю. А с мужем ей не повезло: часто напивался, скандалил с женой, даже бил ее, выгонял с детьми на мороз. В один из таких скандалов она собрала детей и уехала, сказав мужу, что никогда к нему не вернется.

Теперь она возвращалась в Кирилловку к своим родителям.

Выслушав молодую женщину и посмотрев на озябших девочек, Косачев сочувственно сказал:

— А есть где разместиться-то? Вон с какой командой идешь!

— Куда же деться? — сказала она.— Кроме родителей, никого у меня нет. Сама знаю, несладко будет.

Косачев снял пальто, накрыл посиневших девочек. Широким шерстяным шарфом повязал две детские головки. Девочки повеселели, пригрелись, сразу притихли.

Подъезжая к Кирилловке, он попросил женщину:

— Дайте мне слово, что не обидитесь на меня, если приеду проведать. Можно? Не возражаете?

Женщина согласно кивнула головой.

Так они познакомились. Он ездил к ней в Кирилловку почти год, а потом сделал предложение и женился. Забрал всех троих, привез к себе в дом, в большую городскую квартиру.

Став женой директора завода, Клавдия Ивановна по-женски тепло и добро заботилась о муже, воспитывала девочек, занималась общественными делами. Была неизменным членом женского совета при заводском Доме культуры, организовала городскую детскую библиотеку, добивалась строительства крытого катка, содействовала открытию школы фигурного катания.

Свой брак с Косачевым она считала счастливым, хотя муж был намного старше ее. Правда, кое-что огорчало,

не все в жизни было так, как ей хотелось. По ее мнению, было бы лучше, если бы у них были общие дети.

Клавдии Ивановне было не чуждо тщеславие, ей нравилось, что она жена директора крупнейшего завода, что ее муж уважаемый в городе, влиятельный человек. Только со временем ее подспудно стала беспокоить мысль о том, что Косачев уже в годах и, может, скоро придется ему уйти на пенсию, тогда, конечно, переменится жизнь всей семьи. Надолго ли хватит здоровья? Кто знает, как повернется жизнь? Так или иначе, придется решать всякие житейские проблемы. Оставаться ли им в этом городе или уехать? Она за то, чтобы быть поближе к дочерям. Дочери все равно здесь не останутся, уедут, молодежь теперь по-другому смотрит на жизнь. Да она и согласна с ними. Но он? Он, конечно, скажет: «Здесь прошли лучшие годы моей жизни, тут каждый камень положен мною. Я врос в этот город и в эту Заводскую сторону, как дуб в землю, тут и останусь».

Клавдия Ивановна, хоть и никогда не заводила с мужем разговора о будущем, втайне думала о том, что хорошо бы им переехать в Москву. Ему, конечно, дадут там квартиру. И для девочек лучше, им надо учиться, у них вся жизнь впереди. А какие перспективы для девочек в этом городе? Конечно же разумнее уехать в столицу.

Но тут же Клавдия Ивановна отбрасывала эти мысли, искренне думала: «Это эгоизм, я не имею права решать. Как он скажет, так и должно быть».

Были и другие тревоги. Хотелось, чтобы девочки не покидали дом. Ну и что же, если выйдут замуж? Пусть приводят мужей, места хватит, будем жить большой семьей. Если, разумеется, захочет отец. Надо бы когда-нибудь поговорить с ним об этом серьезно. Выбрать подходящее время, нельзя откладывать, дни летят.

Клавдия Ивановна все ждала такого случая. Не так-то легко остаться с мужем наедине, обсудить домашние дела. Все некогда — то на заводе, то в горкоме или в командировке, а появится дома, едва успеет выпить чаю и опять уезжает по делам. А дела у него всю жизнь срочные, неотложные.

«Может, сегодня поговорить?» — подумала Клавдия Ивановна.

Сергей Тарасович от воспоминаний вернулся к реальности.

Свет в комнате показался ему еще более рассеянным, неярким. Это успокаивало его. Он слегка переменил позу, сидел молча, смотрел на Клавдию Ивановну.

Она все еще хлопотала у стола, уходила на кухню, возвращалась, снова уходила. Ее прямая, легкая фигура, плавающая в мягком мареве света, бесшумно появлялась и так же тихо уплывала куда-то. Сергей Тарасович, сидя неподвижно в кресле, издалека наблюдал за женой и, глядя на Клавдию Ивановну, думал:

«Она еще молодая, красивая. А я смертельно раненный солдат, как сказал доктор. Холера ему в бок, этому краснощекому, белоголовому бодрячку.— Он тут же самолюбиво стиснул губы и сжал кулаки.— Черта с два! Не знает он нашей косачевской породы, не ведает, что мой дед прожил сто два года. Отца, правда, убило громом, когда еще был молодым. А дядя Остап? Этот, говорят, работал грузчиком в порту, до глубокой старости таскал тяжеленные кули с мукой и сахаром, грузил баржи!»

Тем временем жена все приготовила, тихо позвала:

— Иди к столу, Сережа, чай готов.

Косачев встал, пошел было к столу, но вдруг что-то вспомнил, потянулся к портфелю.

— Да, чуть не забыл про духи. Возьми, твои любимые «Красная Москва».

— Спасибо,— сказала жена, тронутая его вниманием.— Стоило беспокоиться?

— Ты устала? — спросил Косачев, заботливо глядя на жену.

— Нисколько,— сказала она.— А ты?

— Малость есть,— признался Косачев.— Посплю, и все как рукой снимет. Вкусные штуки ты приготовила, все съем.

Клавдия Ивановна наконец решилась начать свой разговор.

— А без тебя тут приходили врачи,— осторожно сказала она.— И этот старенький Борис Захарович был. Все очень беспокоятся, говорят, тебе обязательно надо серьезно подлечиться.

— А ну их! — махнул он рукой в досаде.— Делать им нечего. Ахают, охают. Без них обойдусь!

— Напрасно ты так, Сережа,— ласково улыбнулась она.— Врачи не шутят. Может, и в самом деле пора тебе отдохнуть, годы твои уже какие и здоровье. Раньше говорили: большевики не уходят на пенсию, стоят на посту до последнего вздоха. Да ведь пост посту рознь, вон какую махину сколько лет тянешь! Пусть бы кто помоложе взялся.

— Я еще десятерых молодых за пояс заткну,— оборвал ее Косачев и громыхнул стулом, поднимаясь из-за стола.— Не слушай ты этих больничных шептунов, не пускай на порог и сама не ходи к ним. У врачей так мозги устроены, что, по их разумению, всякий человек — больной, ему все вредно: и пить, и есть, и ходить, и работать. Скучные люди!

Она не соглашалась, но не стала спорить. Почувствовала, что муж может взорваться, и замолчала. На этом и кончилась ее попытка обсудить домашние проблемы, поговорить о будущем, о судьбе девочек, о переезде в Москву.

Уснул он сразу крепким, глубоким сном и, вопреки своему обычаю, не проснулся в шесть часов. Часы пробили семь, он не реагировал. Тихо качался маятник, время приближалось к восьми, а Косачев крепко спал. Жена несколько раз подходила к постели, хотела разбудить, но не решалась.

Около восьми часов зазвонил телефон. Косачев проснулся, взял трубку. Говорил секретарь горкома Василий Павлович Астахов:

— Я все знаю, Сергей Тарасович,— сказал он Косачеву.— Мне уже звонили из Москвы. Дело серьезное, надо собирать партактив.

— Я уже договорился с Уломовым. Сейчас еду на завод.

— Когда прилетит уполномоченный из Москвы? — спросил Астахов, и Косачев понял по интонации, что секретарь горкома уже знает и об этом.— Кажется, Пронин?

— Да, Пронин,— подтвердил Косачев.— Думаю, прилетит в ближайшие дни.

— Добро,— сказал Астахов.— Держите меня в курсе. Буду часто наведываться на завод.

3

Весть о том, что заводу поручено важное правительственное задание, разнеслась с молниеносной быстротой. Ни в печати, ни по радио не было никаких сообщений, никто из должностных лиц нигде не делал публичных заявлений, а уже к утру об этом знали все рабочие на заводе. К вечеру того же дня о делах трубопрокатчиков заговорил весь город.

В автобусах и трамваях обязательно кто-нибудь добродушно выкрикивал:

— Эй, водитель, быстрее жми, трубопрокатчиков везешь. Деликатнее на поворотах, не растряси.

В столовой говорили:

— Пропустите их без очереди: трубопрокатчики.

Ночью выпал обильный снег, и днем над белым городом все кружились легкие пушистые снежинки. Надвигались суровые морозные дни.

Накануне партактива прилетел Пронин. Заехал на несколько минут в гостиницу, сразу же отправился на завод, чтобы осмотреть все на месте, ознакомиться с состоянием дела.

Косачев позвал Водникова, Поспелова, Уломова и других инженеров, представил их Пронину, предложил всем отправиться на осмотр заводской территории и цехов.

— В Москве потеплее. Хоть и снег, а морозов нет,— заметил Пронин, проходя через двор, щурясь от света.

— Это еще не холод. Однако настоящий мороз не за горами,— сказал Косачев.

Пронин нагнулся, взял горсть снега, слепил снежок, кинул в глухую каменную стенку.

— Звенит! В лес бы сейчас, на лыжи.

Инженеры оживились, заулыбались.

— Придется, Иван Николаевич, менять московскую шляпу на нашу зимнюю шапку,— пошутил Водников.— Мороз у нас проворный, зазеваешься, уши оторвет.

— А красота-то какая — наша зима! — хвалился Уломов.— Для человеческого организма в сто раз здоровее южной жары. Бодрый, чистый воздух.

Пронин шел не спеша, смотрел по сторонам, внимательно приглядывался ко всему.

— Послушайте, Сергей Тарасович, когда же вы ус-

пели соорудить такую громадину? Помнится, тут была весьма скромная постройка.— Он с приятным удивлением смотрел на высокий фасад цехового здания.

— Мы не сидели сложа руки,— похвастался Косачев.— И все за счет внутренних резервов, учтите! Своими силами, и неплохо, как видите.

Экспериментальный трубоэлектросварочный цех поразил Пронина. Он и не предполагал, что на заводе за последние годы произошли такие большие изменения. Особенно внимательно и придирчиво осматривал он станы и оборудование. Кое-кто из рабочих и техников узнавал Пронина.

— Здравствуйте, Иван Николаевич.

— Доброго здоровья, товарищ Пронин.

Но знакомых было не так уж и много, в цехе работали новые люди, большинство молодых.

Косачев и Пронин шли по пролетам, поднимались по переходам, снова спускались и опять шагали вдоль станов, где налаживали изготовление полуцилиндров и сварку труб.

— Интересно! — сказал Пронин, осмотрев полуцилиндры.— Признаться, я очень сомневался, что у вас так сильно подвинулось дело. Думал, стоите на первой ступени кустарного начинания. Кто этим больше всего занимается?

— Все понемногу,— объяснил Косачев.— Раз широкого листа нет, нужда заставила самим искать выход, изобретать.

— Интересно! Интересно!

Пронин заглядывал всюду, не хотел упустить никакой мелочи. Ничего не хвалил и не ругал.

— До всего дошли своим умом,— пытался комментировать Водников, стараясь помочь Пронину разобраться.

Сергей Тарасович покосился на главного инженера, глухо откашлялся: не суйся, мол, с рассуждениями, подожди!

Осмотрев завод, Косачев и Пронин возвращались в заводоуправление. До начала партактива еще оставалось время.

— Пообедаем? — предложил Косачев, желая угостить уполномоченного перворазрядным заводским обедом.

— Пожалуй, я не против, пора подкрепиться,— согласился Пронин.— Зайдем в буфет?

— Зачем буфет? Здесь рядом небольшая столовая,— сказал Косачев.— Можно спокойно посидеть, потолковать о делах, сочетать приятное с полезным. Пройдем в кабинет, разденемся и покурим, пока накроют на стол.

Сняв пальто и согревая руки, Пронин обратил внимание на удивительный аквариум, подошел к прозрачным зеленоватым стеклам.

— Ваша идея? Помнится, раньше этого не было.

Косачев, довольный и польщенный похвалой, охотно стал рассказывать об аквариуме:

— Это моя слабость, Иван Николаевич. Люблю воду и рыб. Иной раз так потянет на речку или на озеро, хоть бросай все дела. Да разве бросишь? За последние двадцать пять лет, считай, ни разу не выбрался на настоящую рыбалку. Вот и решил устроить себе «уголок живой природы» в кабинете.

Он ходил около аквариума, зажигая подсветки, демонстрируя гостю все прелести «живого уголка».

— Вот так штука! — говорил, восхищаясь, Пронин, разглядывая красноперых, зеленоглазых диковинных рыбок.— Удивительно красиво.

— Иной раз устанешь,— продолжал Косачев,— подойдешь к аквариуму, постоишь, посмотришь на это чудо и будто живой водой умоешься или свежего ветра глотнешь. Бывает, так разойдутся нервы, хоть кукарекай, а эта штука успокаивает, как лекарство. Лет десять спасаюсь аквариумом, никакого курорта не надо.

В отворившуюся дверь вошла секретарша Косачева Елизавета Петровна.

— Извините, Сергей Тарасович. Приглашают в столовую.

У длинного накрытого стола уже собрались Уломов, Водников, Поспелов, Андрей Шкуратов, инженеры из конструкторского бюро, технологи, некоторые начальники цехов, мастера.

— Прошу, товарищи, садитесь.

Косачев первым прошел к столу, посадил Пронина рядом. Без всякой торжественности Пронин обратился ко всем:

— Скажу откровенно, товарищи, я не узнал завода. Прекрасно хозяйничаете, отлично работаете. Трубоэлектросварочный цех произвел на меня превосходное впечатление. Я хорошо знаком с многими крупнейшими заводами, да и ты, Сергей Тарасович, немало видел, и хвалю вас не ради комплиментов. Дело у вас действительно поставлено солидно, вполне современно, как говорится, на прочном фундаменте.

— Приятно слышать такие слова,— сказал Водников, принимая отчасти и на свой счет высокую оценку цеха.

Пронин внимательно посмотрел на главного инженера.

— А мне говорили, что вы не очень верите в успех дела,— сказал он довольно громко.

Водников слегка смутился и, кажется, не рад был, что так опрометчиво ввязался в разговор. Сколько раз толковали об этом с Косачевым, а тут еще новому человеку надо объяснять свою позицию публично. Водникову не хотелось говорить на эту тему, тем более, что сам он теперь уже по-другому смотрит на проблему. Но отмолчаться было нельзя, и Водников не таков, чтобы отмалчиваться.

— Почему же не согласен? — спокойно сказал Водников.— Я иногда спорил с Сергеем Тарасовичем, это верно. У нас же на каждом шагу затруднения. Возьмите, например, листопрокатчиков, ведь подведут же они. Я сам целую неделю просидел у них на заводе и лично убедился, что лист нужного сорта мы получим не ранее чем через пять месяцев.

— У Сергея Тарасовича есть другое и, мне кажется, весьма перспективное предложение по поводу листа,— сказал Пронин, обнаружив свою осведомленность в данном вопросе.— Делать пока из старого сорта полуцилиндры и совершенствовать методы сварки.

На другой стороне стола против Водникова сидел Поспелов. Слушая разговор и видя, что Косачев не вмешивается, не перебивает, ни на кого не жмет, он решил не вступать в разговор, но не удержался и сказал Пронину, что здешние инженеры хорошо информированы о мировой практике трубопрокатного дела.

— А как вы считаете, товарищ Поспелов, не риско-

ванно с двумя швами? — прямо спросил Пронин, глядя в лицо Поспелова.— Сумеем крепко сварить?

Поспелов от неожиданности смутился, бросил взгляд на Косачева. Косачев пил воду из фужера, будто не обращал внимания на разговор.

— Электросварка у нас поставлена отлично,— ответил Поспелов Пронину.— А что касается двухшовной трубы, время покажет.

— Видите,— кивнул Косачев Пронину,— какие у меня смельчаки?

— Не рубить же сплеча, Сергей Тарасович,— смущенно пояснил Поспелов.

— В решительные моменты надо и рубить! — горячо сказал Косачев.

— Да как же иначе? Научно-техническую революцию не остановишь,— вмешался в разговор Водников, пытаясь попасть в тон Косачеву.

— Нынче все за прогресс и за техническую революцию,— уколол его Косачев.— Только одни целиком, а другие с оговорочками.

Водников молча скосил взгляд на Поспелова. Тот тоже молчал, не намерен был далее вмешиваться в спор.

— Я думаю, Сергей Тарасович,— повернулся к директору Пронин,— пора приступать к конкретным делам. После актива соберем мастеров, сварщиков, вальцовщиков — прямо в цехе, у агрегатов. На месте сообща и разберемся. И вы, товарищ Водников, обязательно пригласите весь ваш инженерный корпус. Обязательно пригласите и ветеранов завода,— обратился Пронин к Косачеву и Уломову.— Я помню ваших людей — орлы! Курасов Сергей Сергеевич, Хомутов Игнат Прокофьевич, Воронков Петр Максимович.

— Воронков уже не работает на заводе,— сказал Уломов.— Недавно ушел.

— На другое место оформляется,— пояснил Косачев.

— Прекрасный товарищ,— продолжал Пронин.— Как же, я помню. И еще обязательно пригласите Шкуратова Никифора Даниловича. Мы с ним дружно работали, я и в доме его бывал Помнишь, Андрей, ты десятый класс кончал, к экзаменам готовился?

— Точно,— отозвался Шкуратов.— Я думал, вы меня не узнали.

— Такого сокола не узнать! Как батя, здоров?

— Здоров. Шумит.

— А что же в цехе его не видно?

— Занят он. Неотложное личное дело,— пояснил председатель фабкома Квасков.— Семейные события, так сказать.

— Что такое? — спросил Пронин.

— Взял отпуск на неделю,— сказал Косачев.— Задумал свой юбилей справлять. Предлагали во Дворце культуры, не согласился, говорит, хочу в родном доме, среди своих. И нас пригласил, конечно. Да мне, если ходить на все свадьбы, юбилеи, проводы на пенсию, дни рождения детей, надо бросать работу, Иван Николаевич.

— Это верно,— согласился Пронин.— На всех праздниках не погостюешь, но в данном случае надо бы сделать исключение. Старая рабочая гвардия, надо почтить. Много гостей собирает?

— Человек семьдесят,— ответил Андрей Шкуратов.— У бати такой размах. Хоть в три смены гуляй.

— Интересно получается. А если я без приглашения приду, думаю, не прогонит отец? — спросил Пронин.

— Что вы? Еще как будет рад! — сказал Андрей.

— Это же общее рабочее собрание, товарищи,— пошутил Пронин.— Самый раз поговорить по душам с рабочим классом.

— Пожалуй, ты прав, Иван Николаевич,— поддержал Пронина Косачев,— надо уважить старого друга.

4

Партийный актив проходил в конференц-зале. К началу заседания приехал секретарь горкома Василий Павлович Астахов. Все вопросы обсуждались деловито, без трескучих фраз, выступающие говорили коротко, конкретно, по существу дела. Видно было, что коллектив серьезно подготовлен к новой работе, ждали только разрешения и команды сверху.

Косачев был в приподнятом настроении, сидел как на празднике. Он был очень доволен и не скрывал этого, глаза его счастливо поблескивали.

— Я рад, товарищи,— сказал он в своем выступлении, — рад, что именно нашему заводу поручили начинать такое дело. Для меня, да, я думаю, и для всех вас,

это праздник. Пройдет время, другие будут выпускать такие трубы лучше наших, обгонят нас, достигнут новых высот мастерства, но наше первое начинание никогда не забудется.

Секретарь горкома Астахов с легкой укоризной бросил реплику с места:

— Заводской праздник — дело хорошее, Сергей Тарасович. Я понимаю твое настроение. Но не рано ли праздновать победу? Ты лучше скажи: какая помощь сегодня нужна заводу от горкома?

Косачев, наклонив крутолобую голову, спокойно ответил:

— Я еще не кончил своей речи, Василий Павлович. А начал я победным тоном потому, что, откровенно говоря, мне и не хотелось скрывать своей радости. Это факт, что сегодняшний день для нас праздник. Но, если уж вы задали конкретный вопрос, я отвечу. Вот здесь у меня на отдельном листке записаны просьбы к горкому. Не хочу ловить вас на слове, товарищ Астахов, но раз вы заговорили об этом, значит, я полагаю, горком уже успел подумать, как нам помочь. Легче будет сговориться. Во-первых, нам нужно жилье для приезжающих и для своих коренных специалистов. Восемь, а может, и десять квартир.

— Правильно! — раздался голос инженера из конструкторского бюро Миронова.— Пора решить этот вопрос.

— Рассмотрим совместно с исполкомом, постараемся решить положительно,— пообещал Астахов.— Что еще надо сделать?

— Пора наконец улучшить работу городского транспорта,— продолжал Косачев.— Надо сделать так, чтобы с утра к заводу подавали добавочных десять — двенадцать автобусов. Наступили холода, из-за перегрузки транспорта многие рабочие тратят на поездку от дома к заводу и обратно по два, а то и по три часа лишних. Надо сделать так, чтобы люди поменьше времени тратили на переезды и побольше отдыхали. Тогда и производительность труда увеличится.

— Верно говоришь! — крикнул с места мастер Саврасов.— Приезжаешь усталый как черт. Какая после этого работа? Говорим, говорим на каждой сессии горисполкома, а воз и ныне там.

— С автобусами трудновато, товарищи,— пытался пояснить Астахов.— Придется просить из областных резервов. Десяток автобусов получим. Какие еще просьбы?

— Трамвай,— сказал Косачев.— Пятый маршрут из-за ремонта моста уже более года ходит по Заречному проспекту. Путь от поселка до завода для наших рабочих с тех пор увеличился на целых сорок минут. В горкоме это знают?

— Ускорить ремонт моста? — угадал Астахов.

— Именно. Там же остались пустяки, а для нас очень важно.

— У города нет денег, будут с нового квартала, дадим.

— Сколько ждать?

— Две-три недели осталось.

— Ладно,— сказал Косачев.— Две-три недели это безобразие потерпим. И еще один вопрос: надо открыть в городе, близко к домам наших рабочих, дополнительную столовую. Это большое подспорье для молодежи, особенно для холостяков. Пусть поменьше тратят времени и сил на приготовление еды, больше отдыхают.

— Верно,— подтвердил Квасков.— Молодежь давно требует.

— Открыть дополнительно молочную и булочную, чтобы рабочие не стояли в очередях! — крикнула с места аппаратчица Зоя Крахмальная.

— Пожалуй, вы правы. Дадим задание пищеторгу. А у парткома есть просьбы? — обратился Астахов к Уломову.

Уломов прикрыл блокнот, в который он постоянно что-нибудь записывал, встал с места.

— У нас вот какие просьбы: пришлите хорошего лектора по текущей политике,— сказал он громко.— Каждый рабочий должен понять, как он сегодня конкретно сумеет помочь государству стать богаче и сильнее. Кроме передовой техники имеет значение и морально-политический фактор.

— Конечно, такую работу следует вести, тут парткому и карты в руки. Будем помогать вам, товарищ Уломов.

Уломов сел на место, опять развернул свой блокнот и стал торопливо писать, встряхивая авторучку, в которой кончались чернила.

Астахов уже повернулся в другую сторону, спросил Косачева:

— Вы успели ознакомить с заводом товарища Пронина?

— В общих чертах, разумеется,— сказал Косачев.— Обошли территорию, показали самое главное и, конечно, подробно осмотрели трубопрокатный цех.

— Я тут не новичок,— сказал Пронин,— мне легко заметить размах работ и суть перемен. Многое видно и с первого взгляда, но, разумеется, далеко не все. Думаю, мне хватит несколько дней, чтобы разобраться во всем досконально.

— С ходу берете быка за рога? — пошутил Астахов.

— Уже сейчас могу сказать, что хозяйство солидное, налаженное, база прочная и основательная. Да и люди готовы к делу, мастера и рабочие понимают задачу.

— А инженеры как? — спросил Астахов.— Удалось познакомиться?

— Был разговор и с инженерами,— коротко ответил Пронин.— Будем работать, найдем общий язык. Так, Сергей Тарасович?

Косачев громко сказал на весь зал, чтобы всем было слышно:

— Инженерная гвардия не подведет. Верно, товарищи?

Все поддержали Косачева аплодисментами.

5

Зима стояла морозная и суровая, часто выпадал снег, дули сильные холодные ветры. Белые бураны тучей проносились над городом, то уходили в степь, то вновь налетали, кружились со свистом и шумом. Порывистый ветер гудел в проводах, срывал слабые крыши, норовил свалить прохожих. Машины и автобусы двигались медленно, осторожно, люди с опаской переходили заснеженные скользкие улицы. Иногда выпадали яркие солнечные дни. Морозный снег сверкал, искрился, ослеплял глаза. Прохожие дышали белым паром, шли торопливо, потирая руками щеки, ощупывая носы, боясь обморозиться. Но ни морозы, ни метели, ни бураны не останавливали привычного течения жизни, все шло по заведенному порядку, своим чередом.

Вечером Поспелов возвращался домой в плохом настроении.

«Ну, что я вздумал лезть в разговор с Прониным? Дал же слово не спорить ни с Косачевым, ни с кем-либо другим об этих пресловутых полуцилиндрах. И все-таки не выдержал, зачем-то вякнул какую-то чепуху! И поделом поддел меня Пронин. Видно, крепкий мужик, имеет свое мнение, зигзагами не ходит, знает прямые дороги. Нет уж, хватит с меня споров, не буду больше строить умника. Надо работать, право же, делать надо дело, как все, что я, в самом деле, валяю дурака?

Нервы, нервы шалят у вас, Вячеслав Иванович,— мысленно говорил самому себе Поспелов.— Учитесь властвовать собой, прекращайте словопрения, раз всем заводом впрягаемся в одну телегу, сообща и надо тянуть в одну сторону».

И хотя Поспелов твердо принял такое решение, покоя в его душе не было. Он понимал, что потеря равновесия началась давно, еще до спора о трубах и до приезда Пронина, и обнаружилась сразу по всем линиям. Все рассыпалось. Заводские дела, которым он раньше отдавался с увлечением, теперь уже не так занимали его. На заводе не клеилось что-то, и дома все было плохо, и не хотелось признаться самому себе, что жизнь пошла наперекосяк, не хватало сил встряхнуться, взять себя в руки, все поставить на свои места. Неотвратимым несчастьем надвигалось на него крушение семьи. Поспелов с каждым днем все больше нервничал, терял опору. И некому было пожаловаться, как-то стыдно плакаться на судьбу, да и деликатное это дело, личная, семейная жизнь. Не получалась она у него с Ниной, трещала по всем швам, ползла, и с ее разрушением разрушалось и падало все остальное — видимое и невидимое людям.

Словно предчувствуя недоброе, Поспелов перед выездом с завода после работы позвонил в поликлинику. Ему сказали, что Нина Степановна уже ушла. Тогда он позвонил на квартиру — телефон не отвечал. Набрал номер детского сада. Нянечка недовольным голосом сказала: «Нина Степановна еще не пришла, мальчик у нас, сидит одетый, ждет родителей».

Он заехал за сыном, торопливо сунул в руку малышу конфету и повез его домой. Нины дома не было.

Поспелов накормил сына, разложил игрушки на ков-

ре, беспокойно поглядывал на часы. Было уже поздно, и он сказал малышу:

— Ты, сынок, поиграй, а я пойду позову маму.

— А где она?

— Наверное, в магазине, тут недалеко. Я скоро,— наобум сказал мальчику Вячеслав Иванович, сам не зная, куда идти и где искать жену.

И только стал одеваться, в прихожей раздался звонок. Он обрадовался, думал, пришла Нина, почти побежал открывать. В дверях стоял товарищ Вячеслава Ивановича, Валентин Разин.

Поспелов приветливо протянул руку приятелю:

— Вот молодчина! Заходи, поболтаем. Что-то мне муторно нынче. Нины нет, душа разламывается.

— А мы ее, душеньку, смажем елеем,— пошутил Валентин, вынимая из кармана бутылку коньяку.— Отличное смягчающее средство. Пока доберемся до дна, и Ниночка вернется.

Нина Степановна часто приходила домой позже Вячеслава Ивановича. Задерживалась в поликлинике, помогала своим коллегам, а иногда кого-нибудь подменяла на дежурстве. Последнее время с Ниной творилось что-то неладное, и Вячеслав Иванович, привыкший к неровному, взрывному характеру жены, заметил в ее поведении беспричинную нервозность, которую она с трудом скрывала. Он делал вид, что ничего особенного не происходит, старался не давать жене поводов для недовольства и раздражения, а если они и назревали и как-то прорывались, он мягко уходил от скандала и ссоры, не допуская резких вспышек. Нина все время была как наэлектризованная, готовая взорваться от неосторожного, косого взгляда мужа, неточного слова, неверной интонации.

Она настойчиво искала случая встретиться с Николаем, хотя и боялась такой встречи. Нужно же объяснить ему все, сказать правду. Пусть знает, что она вышла замуж не по любви и теперь раскаивается, клянет себя. Да и сам он виноват в том, что все так нелепо оборвалось, хотя она и не думает упрекать его ни в чем. Была молодая, неопытная, легко обманулась. А теперь?.. Теперь все может повернуться по-другому, лишь бы только Николай захотел, одно бы словечко сказал — она все бросит и пойдет за ним на край света.

Пока Николая не было в городе, душевная боль, постепенно затихшая после Нининого замужества, дремала где-то в глубине, таилась, как опасная болезнь, не давая о себе знать до поры до времени. Теперь же эта рана открылась, болезнь рвалась наружу. Нина все время думала о Николае, вспоминала прошлое, словно распутывала нить, искала, где завязались узлы, чтобы развязать их и, может быть, вернуться назад, все исправить. Раз невозможно забыть и нет силы избавиться от боли, нужно лечить рану. Все, что связывало ее с сегодняшней жизнью, уходило в туман, размывалось в сознании. День и ночь думала только об одном — о Николае.

С Николаем Нина познакомилась на зимней городской спартакиаде, года четыре назад. В тот день она участвовала в соревновании лыжниц, и случилось так, что на крутом спуске Нина сделала неверный разворот, сломала лыжу и сорвалась в овраг по крутому откосу. Поднявшись, попробовала идти, но почувствовала резкую боль в колене и присела на снег.

Сверху кричали ей:

— Жми скорее! Давай!

Она пыталась подняться, но встать на ноги не могла, сидела на груде снега беспомощная и растерянная.

— Скорее поднимайся! — кричали ей сверху.

Нина подняла голову и увидала, как кто-то подбежал к краю оврага и скатился вниз.

— Вы ушиблись? Помочь вам? — спросил парень, открывая в улыбке белые зубы.

— Кажется, ногу подвернула,— ответила Нина.— Помогите.

Парень осторожно взял ее под руку, помог подняться. Приминая ботинками рыхлый снег крутого овражьего откоса, они с трудом стали взбираться наверх. Он помог ей добраться до лыжной базы, усадив на скамейку, участливо спросил:

— Порядок? Не болит?

— Большое спасибо,— сказала парню Нина, протянув руку на прощание.— Ну и опростоволосилась же я нынче — позор. Так глупо вышла из игры.

Парень, однако, не торопился уйти, стоял перед девушкой и любовался ее свежим раскрасневшимся лицом и большими сверкающими черными глазами.

— Между прочим,— сказал он девушке,— меня зовут Николай. Николай Шкуратов. А вас как?

— Нина,— сказала она и засмеялась от смущения.— Вы спортсмен?

— Какое там! — махнул он рукой.— На лыжах, конечно, умею, но так... А вы из команды «Медики»?

— Угадали.

Она старалась согнуть ногу в колене, поглаживая его руками, морщилась от боли. Николай сочувственно смотрел на нее.

— У меня к вам большая просьба, Нина. Как только заживет ваша нога, пойдемте в кино. На любую картину и на любой сеанс.

— Вот чудак! — Нина засмеялась, снимая с головы красную шапочку, встряхивая рассыпавшиеся темные волосы.

Как только Нина поправилась, Николай уговорил ее пойти в кино. Потом, провожая девушку домой, к своему удивлению, узнал, что она живет у его дальней родственницы, одинокой «тетки Дарьи», как звали ее все Шкуратовы, хотя она была не теткой, а троюродной племянницей Никифору Даниловичу.

После работы Николай спешил к воротам городской поликлиники и ждал, когда освободится Нина и выйдет к нему.

Все медсестры и врачи давно обратили внимание на молодого настойчивого ухажера, говорили Нине:

— Какой ладный, красивый парень! Чем не жених? Не прозевай, другие девки вмиг пришвартуются.

Но Нина не торопилась признать его женихом. Хоть он видный и умный, даже красивый, а все же не сразу его поймешь. Кто знает, каков он? Жизнь приучила Нину к сдержанности и осторожности. Нина не могла так сразу броситься навстречу, и сердце ее и душа открывались не вдруг. Николаю нужно было проявить много терпения, чтобы дождаться того дня, когда девушка до конца поймет его и разберется в своем собственном чувстве.

Николай был слишком молод, горяч, нетерпелив и, как многие молодые люди, считал, что от жизни нужно брать все решительно и мгновенно.

Однажды он сказал Нине:

— Ты знаешь, я скоро ухожу в армию и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Нину насторожило такое скоропалительное признание. Ей показалось, что оно шло не от сердца, а от расчета, от обстоятельств: «Я ухожу в армию и хочу, чтобы ты стала моей женой». Вот если бы он сказал: «Я тебя люблю и прошу стать моей женой». Это совсем другое дело. Как он не понимает этого?

И Нина не решалась ответить, не знала, как поступить, и смущенно молчала.

— Что же молчишь? Не любишь меня? — обиделся Николай.

— Сам понимаешь,— мягко сказала она,— это такое дело, нельзя так, сразу. Настоящую любовь надо испытать.

— Чем? — спросил Николай.

— Временем.

— Запомни же свои слова. Пока буду служить в армии, жди меня. Я вытерплю разлуку, только жди меня.

И Нина согласилась ждать.

Но перед самым расставанием, в тот злополучный день проводов Николая, он вдруг решился нарушить уговор. «Тогда уж наверняка станет ждать, никуда не денется».

Тот вечер у костра, та ночь и утро у озера, с яхтой под белым парусом, неожиданно переменили многое в Нининой жизни. Все запуталось.

Глупо, нелепо поссорились тогда Нина и Николай.

После отъезда Николая в армию в городской поликлинике стал появляться молодой инженер Вячеслав Иванович Поспелов. Оказывается, он еще в то утро, когда впервые увидел Нину, узнал от кого-то, где работает девушка. Тогда не получилось знакомства, какой-то психованный парень помешал, а теперь можно повторить атаку, говорят, парень ушел в армию.

Он недолго искал ее. Увидел, как она прошла в белом халате, скрылась в процедурной. Он подошел к нянечке, спросил:

— Кто эта женщина? Врач?

— Старшая сестра,— ответила женщина.— К ней без талончика, если надо срочно.

Он пошел к кабинету, постучался.

— Войдите, пожалуйста,— ответил кто-то на его стук. Он вошел и сразу увидел ее у окна.

Тонкое смуглое лицо девушки с огромными черными

глазами теперь еще более поразило Поспелова какой-то задевающей, яркой красотой. И низкий, грудной голос, и спокойная, сдержанная улыбка, и плавные жесты, и прямые смоляные волосы, спадающие на круглые плечи, вызвали приятное волнение. Он молча смотрел на нее, чуть растерялся, не знал, что сказать.

— Я слушаю вас,— рассеянно сказала девушка, доставая из шкафа какие-то склянки.

— Помогите, пожалуйста,— выпалил он случайно пришедшее в голову.— У меня что-то с глазами. Кажется, пыль. Посмотрите.

— Пройдите.

Она усадила его против света. Взглянула в лицо, узнала. Иронически усмехнулась, стала смотреть глаза.

— Откройте пошире глаза, смотрите прямо.

Он жмурился, ресницы дрожали.

— Что с вами? — спросила она.— Больно?

Он уставился на нее, шутливо сказал:

— Откровенно говоря, при виде вас чуть не ослеп. Еще тогда, на берегу, сверкнули, как солнце. Вся кровь моя застыла в жилах. Глупая острота, понимаю, но это правда. С того дня все время думаю о вас, искал, хотел встретиться.

— Пошире откройте глаза,— строго сказала она.

— У меня ничего не болит, я придумал, извините. Как вас зовут?

— Нина. Нина Степановна.— Она прекратила осмотр, опустила руки.— Вы видели меня раз в жизни и так говорите. Никакой пыли у вас нет, вы здоровы. Идите.

— Вы узнали меня? — спросил он, не собираясь уходить.

— Разумеется. Но это не имеет значения.

— Вы, конечно, не думали обо мне?

Она пожала плечами.

— Прекрасное у вас имя. Нина! — повторил он, словно проверяя на слух.— Славное имя, честное слово. Из всех женских имен мне всегда нравилось это. Помните Лермонтова?.. «Послушай, Нина, я люблю тебя так сильно, бесконечно, как может человек любить!»

«Странный какой,— думала Нина.— Вроде солидный мужчина, а ведет себя, как мальчишка. Кажется, инже-

нером на заводе работает. Чудак! Случайно ко мне пришел или специально?»

Она почему-то не прервала его излияний, ей даже было приятно слушать этого, в сущности незнакомого, человека, избравшего такой странный способ объяснения в любви. Она даже не рассердилась на него.

Уходя, Поспелов сказал, что надеется видеть ее чаще:

— Разумеется, необязательно в поликлинике. Я буду заезжать за вами после работы. И в выходные дни. Не возражаете?

Она ничего определенного не ответила, вежливо улыбнулась.

Вячеслав Иванович с тех пор не отступался от Нины. Приглашал в кино, в театр, на загородные прогулки, водил в гости к своим друзьям и знакомым, где собирались интересные люди. Он показывал ее всем, словно нашел редкий драгоценный камень. Нина всем нравилась, все ценили ее, одобряли, проявляли какую-то деликатную почтительность. Незаметно и она привыкла к обществу Вячеслава Ивановича, поверила в искренность его чувства, в душевную доброту. И когда Вячеслав Иванович всерьез сделал Нине предложение, она согласилась стать его женой.

— Я люблю тебя, Нина,— повторял он ей много раз.— Без тебя не могу, пусто в душе, ты — как праздник, не уходи никогда.

Вскоре после свадьбы, пожалуй через полгода, она стала ловить себя на том, что муж все чаще и чаще вызывает в ней какое-то неприязненное чувство. Он старался угодить ей во всем, доставить удовольствие, сделать что-нибудь приятное, но это только больше раздражало Нину. Делал ей подарки, доставал особые люстры, необыкновенные шторы, керамические вазы и даже специально приглашал художника-декоратора для оформления квартиры. Подарил ей свою машину, устроил Нину на курсы водителей. Это занятие на время увлекло Нину, пробудило в ней былой спортивный азарт. Она скоро научилась водить автомобиль, привыкла к нему, как к удобной, полезной вещи. Все в жизни супругов шло ровно, без резких перемен. Поспелов купил стереофонический магнитофон, большой телевизор, наполнил дом музыкой, шумом. Ему хотелось всегда видеть жену весе-

лой, в хорошем настроении, но все чаще и чаще он стал замечать в ее взгляде печаль и тоску.

Он приглашал в дом гостей, но и гости ненадолго развлекали Нину. Увозил ее зимой из города на дачу к друзьям, а летом уезжал вместе с Ниной к морю, где они проводили отпуск. Временами ему казалось, что отношения с женой совсем наладились, что живут они душа в душу, счастливо, беззаботно. Но эта уверенность пропадала, снова и снова налетал тревожный ветер, все будоражил, расстраивал, будто доносил отдаленное дыхание бури. Поспелов чувствовал, что с Ниной творится что-то неладное, ждал взрыва, боялся его, пытался и не знал, как остановить надвигающуюся грозу.

6

«Сколько же будет длиться такая жизнь? — спрашивал себя Поспелов.— То затишье, то буря, то напряженное ожидание каких-то перемен!»

У Нины едва хватало сил сдерживать себя, скрывать тревогу. А в последние дни она стала какой-то особенно странной. Попытка встретиться с Николаем на заводе ни к чему не привела. Они не смогли ни объясниться, ни перемолвиться словом. Нина ушла из цеха обиженная и оскорбленная его невниманием, потом мучилась и страдала.

«Неужели нельзя разорвать этот круг? — задавала себе вопрос Нина.— Забыть Николая, не вспоминать о нем?»

Но рассудок оказался слабее чувства. Как ни боролась Нина с собой, любовь брала верх. Она не могла победить в себе желания встретиться с Николаем во что бы то ни стало, объясниться с ним, открыть ему тайну... а впрочем, может, и не надо ничего говорить, не надо возвращаться к прошлому? Да и что она скажет ему? Покается в своей вине? Ведь был уже случай, когда судьба еще раз свела их совсем близко.

Было это в тот летний день, когда Николай приезжал из Севастополя домой на короткий отпуск. Она не знала о его приезде, не ждала встречи и даже не думала, что такая встреча состоится. Тогда ее мучили совсем другие мысли.

Поспелов как-то сказал жене, что он наконец понял, почему им так трудно живется. Он убежден, что для полноты семейной жизни им не хватает детей. В самом деле, почему у Нины до сих пор нет ребенка?

Она-то знала причину. Не она виновата. Ей очень хотелось иметь рядом близкое, родное существо, чтобы семейная жизнь не была такой тусклой, пустой.

Когда муж уходил на работу, Нина часто в свободное от дежурства время уезжала на машине куда-нибудь за город, в лес, к озерам или в поле. Было приятно раскинуться на траве, смотреть в небо, слушать пение жаворонка или сквозь зеленые ветки сосен следить за медленным движением сизых и белых облаков, плывущих по голубому небесному своду.

Был ясный безветренный день. Зеленая трава, синий лес, желтый песок после дождя были чисты и свежи. Машина мягко шуршала по шелковистой траве, потом покатилась по рассыпчатому песку, остановилась у самого берега озера. Проезжая дорога осталась вдали, лесная полоска закрыла ее, словно отгородила озеро от беспокойного, шумного мира. Это было то место, где Нина в последний раз виделась с Николаем в день его проводов.

Стояла теплая, сухая погода. Нина бродила по лесу, по траве, по песку. Жесткая трава щекотала подошвы босых ног, мягкий, горячий песок согревал кожу. Нина остановилась у берега, разделась, осторожно шагнула в воду, разглядывая отражение своего тела. Прошла на глубину, взмахнула руками, стремительно поплыла на середину озера. Прохладная вода остудила разгоряченное тело, дышалось легко, свободно. Нина легла на спину, долго держалась на воде, глядя в бездонное синее небо. Кругом была тишина, только слышался звук слабых всплесков воды. Окунувшись несколько раз и умыв лицо, Нина поплыла к берегу, вышла из озера, стряхивая с упругого тела водяные брызги, сверкающие на солнце. Подпрыгивая легко, с детской резвостью разминая ноги, Нина несколько раз пробежала вокруг машины, стоявшей под рыжими соснами, повалилась на копну душистого сена.

Лежала на спине, вытянувшись от удовольствия. Тепло окутывало ее, убаюкивало, и она чуть было не уснула. Вдруг услышала чьи-то шаги и мгновенно вскочи-

ла на ноги. Перед ней стоял Николай, улыбался, смотрел восхищенными глазами.

— Нина,— тихо сказал он и взял ее за руку.— Я целые сутки ищу тебя. Узнал, что поехала за город, пришел пешком, подстерег. Прости, не обижайся.

— Уйди! Пусти меня! — рванула Нина руку, толкнула Николая.

Но он крепко держал ее, обнимал за плечи, тянулся губами к разгоряченному лицу.

...И потом, когда она поднялась, закрыв от стыда лицо руками, и пошла к машине, с трудом удерживаясь на ногах, он шел за ней, повторяя:

— Оставь мужа, уйдем, теперь мы всегда будем вместе.

— Уходи! Мы не должны встречаться. Никогда! Никогда!

Больше они не встречались.

И вот теперь на ее пути снова появился Николай. Она захотела увидеть его, ничего не могла сделать с собой, искала встречи.

Однажды вечером Нина появилась в заводском Дворце спорта, где проходили городские соревнования по фигурному катанию. Ярко светили огни, лилась музыка. На ледяном поле спортивного зала выступали молодые фигуристы.

Поглядывая на арену, Нина то и дело скользила взглядом по партеру. Погас верхний свет, в зале стало темно. Под лучами сине-желтых прожекторов вышли на лед две юношеские пары. Мальчики были незнакомы Нине, а их партнерш — двух стройных, изящных девочек — она сразу узнала: это были дочери Косачева. Зазвучала знакомая мелодия, фигуристы плавно пошли по кругу. Нина залюбовалась ими, не могла оторвать глаз.

Сестер Косачевых с их партнерами сменили две другие пары фигуристов. На лед вышли Оля Шкуратова и ее жених — молодой рабочий Степан Аринушкин, маленькая аппаратчица Зоя Крахмальная с молодым чертежником из конструкторского бюро Валерием Стреховым.

— Счастливые люди,— шепнул кто-то за спиной Нины, глядя на Олю и Степана.— Говорят, скоро справляют свадьбу.

И то, что Оля была сестрой Николая Шкуратова, вызвало у Нины в душе особую теплоту.

Когда кончился номер, раздались аплодисменты. В зале прибавили свет. Нина опять стала смотреть по сторонам и вдруг увидела Николая в первом ряду. Она незаметно стала пробираться к выходу, чтобы подождать в фойе, когда кончатся соревнования и люди начнут расходиться.

В фойе Нина присела на кресло в уголке. Все время поглядывала в сторону выхода, держа на коленях шубку и платок. Наконец увидела, как к гардеробу подошел Николай. Пока он одевался, Нина накинула шубку, прошла к парадному выходу. Когда Николай стал отходить от гардеробной стойки, она будто случайно оказалась у него на пути.

— Здравствуй, Николай.

Он молча и удивленно посмотрел на Нину, даже смутился. Смотрел добрым, примиряющим взглядом.

— Здравствуй,— он протянул ей руку, и одно мимолетное прикосновение к ее теплой руке взволновало его.

— Нам нужно поговорить, Коля,— сбивчиво сказала Нина, стараясь задержать Николая.

— О чем? — спросил он, остановившись перед ней.

— Проводи меня. Я все объясню.

Она задержалась перед дверью, приглашая его идти первым.

Он вышел и медленно спустился по ступенькам на тротуар, поджидая Нину. Шагая рядом, она торопливо заговорила, волнуясь, боялась, что он не станет слушать.

— Я знаю, я виновата. Какое-то безумие тогда нашло на меня. Ты уехал и ничего не писал. А этот был здесь, нашел меня вскоре, потом каждый день приходил. Обиделась я на тебя, такая тоска взяла. А он прямо в душу лез, и Алька, подружка, ему сочувствовала. И я думала, вот выйду замуж тебе назло, а вышла себе на горе. А тут еще люди сказали, что ты женился в Севастополе.

— Да кто тебе наплел такое?

— Алька. Клялась мне, что правда.

— Алька? Алька сказала? И ты поверила! Хороша твоя любовь, если от первой сплетни рухнула.

— Что толку теперь упрекать друг друга? — страдая, говорила она.— Мы оба несчастные, Коля. Я виновата, прости меня.

— Чего же ты хочешь? — спросил он, не глядя на Нину.— У тебя семья, ребенок, муж. Какой же выход?

— Я не могу больше так жить. Я не люблю мужа и никогда не любила. Только ты один... Ты знаешь.

— Что я знаю?! Не могу понять тебя, Нина,— сказал он, сдерживая себя.— Думаешь, у меня сладкая жизнь? Не зажила еще моя рана, а ты о любви говоришь. Да где она, твоя любовь, если ты с другим живешь? Я же умолял тебя, все простил тогда, летом. А ты с ним осталась. Что же теперь? Втроем жить? В любовницы просишься? Нет уж, извини!

Он с обидой посмотрел на нее и пошел. Но тут же подумал, что напрасно погорячился, хотел вернуться и не мог. «Эх, Нинка! Глупым сплетням поверила, всю жизнь поломала!»

— Зачем ты так, Коля! — крикнула Нина с болью в голосе.— Зачем?

Он не вернулся, ушел.

Она стояла на дороге, отвергнутая и униженная. Порывистый ветер рванул на ее голове платок, растрепал волосы. Ей стало душно, в голове все закружилось, стали падать дома, деревья. Едва успела ухватиться за столб, силясь устоять на ногах. Кто-то поддержал ее под руку.

— Что с вами, Нина Степановна? Вам помочь?

Это был Федор Гусаров.

— Ничего... пройдет. Спасибо, я сама.

Она поправила платок, медленно пошла.

...Поспелов весь вечер просидел дома с другом студенческих лет Валентином Разиным. Выпили коньяку, принялись играть в шахматы, говорили о серьезных делах и о разных пустяках. Поспелов нервничал, поглядывал на часы, прислушивался к шуму лифта.

Через открытую дверь было видно, как в спальне на пестром ковре ползал сынишка, гремя заводными автомобилями, паровозами, самолетами, разными кубиками и шарами.

На площадке глухо стукнула дверь лифта. Потом тихо открылась дверь прихожей. Вошла Нина.

Поспелов громко, с укором спросил:

— Где ты была? Знаешь, который час?

Нина ничего не ответила, разделась, кивком головы поздоровалась с Разиным, прошла к сынишке. Мальчик радостно бросился к матери.

— Хочешь коньячку? — предложил Поспелов, переходя на мирный тон.— Валентин принес. Армянский, три звездочки.

Она молчала, перебирая дрожащей рукой детские игрушки.

Склонившись над шахматной доской, Поспелов готовился сделать ход.

— Вот Валька зовет меня к себе на работу,— говорил он между тем.— Брось, говорит, свой заводище, пока с ума не сошел. Иди заместителем директора в наш институт. Через год защитишь, говорит, докторскую, будешь читать лекции по холодной обработке, получишь профессора.

— Точно говорю, без трепу,— подтвердил Валентин.— И ты будешь профессоршей, Ниночка. Он у тебя башковитый, далеко пойдет. А на заводе быстро износится, вмиг выжмут из него сок, и будь здоров. Такая у нашего брата жизнь: пока есть идеи, мысли, фантазия, нас держат и ценят, давят из нас соки жизни. А кончится сок — выбросят, как лимон. На смену нам придут другие. Надо понимать это и ловчить, выбирать место, где меньше жмут и где подольше можно оставаться в соку.

Нина не отвечала на болтовню, сидела на ковре, отвернувшись от мужа и его философствующего приятеля.

— Ты чем-то расстроена? — спросил муж.

Взглянув в спальню и увидев спину жены, он почувствовал какую-то напряженность и тревогу.

— Иди к столу, Нинок. Мы с Валей хотим выпить за твое здоровье.

— Я знаю новый способ заваривания кофе,— сказал Валентин.— Один ленинградский инженер научил. Хочешь, заварю?

— Озябла? — спросил Поспелов, оглядываясь на жену. Его пугало молчание Нины.

Нина вдруг уткнулась лицом в ладони, вся сжалась, плечи ее задрожали, она тихо заплакала.

Вячеслав бросился к Нине:

— Ну, перестань! Перестань же, Нина! Что с тобой?

Не в силах сдержать рыдания, отстраняя мужа, она поднялась с ковра и бросилась на диван, продолжая плакать.

Валентин осторожно отодвинул шахматную доску, поднялся, неловко потоптался, скользнул в прихожую.

Надевая пальто и шапку, слышал встревоженный голос Поспелова:

— Успокойся же, Ниночка. Неудобно так, человек подумает бог знает что. К чему истерики?

Поспелов хотел обнять жену, положил руки ей на плечи. Она резко рванулась из его объятий и сквозь рыдания, не в силах сдержать истерики, закричала:

— Не прикасайся ко мне! Ненавижу тебя! Ненавижу!

В испуге громко заплакал мальчик.

7

Никифору Даниловичу Шкуратову исполнилось шестьдесят лет. Годы немалые, худо ли, бедно ли — прожита большая жизнь. Есть что вспомнить, есть о чем подумать и рассказать. Пускай посмотрят на жизнь старика молодые, может, извлекут полезный урок.

На семейном совете было решено в честь такого события устроить праздник. Никифор Данилович сначала запротестовал, затряс головой, замахал руками, будто отгоняя наваждение. Сердито сказал сыновьям:

— И думать не смейте. Чего шуметь по пустому случаю? Выпьем по чарке, и баста! Какой еще праздник?

— Нет, батя,— возразил старший сын Андрей.— Не положено в молчанку играть. Ты вон какую жизнь прожил, сколько дел наворотил, так уж будь любезен, прими наш поклон и уважение при всем народе. Мы тут проголосовали и постановили: от юбилейного праздника не уйдешь. И мать на другое тоже не согласна.

— Да я же не злостно возражаю, не каприз свой показываю, а страшно самому себе сознаться, что постарел. Подумать только — шестьдесят годов за плечами! В один миг жизнь прошумела, как речная вода под окном протекла. Будто еще и не жил, а уже бери шапку — и прощай. Чем тут перед людьми хвастаться?

— Не греши, старый,— остановила его жена.— Дай бог всякому такую жизнь прожить, жаловаться не надо. Не ты первый, не ты последний через этот порог переступаешь. Будем праздновать, как положено. И я с тобой рядом за столом сяду, вместе беду бедовали, вместе радость делили, вместе и чарку выпьем за здравие.

Никифор Данилович не стал дальше спорить, сдался.

В молодые годы деревенскому парню Никифору Шкуратову пришлось хлебнуть немало горя. Их было три брата: старший Остап, средний Герасим и младший Никифор. Жили в деревне на Тамбовщине, хозяйство было никудышнее, сколько помнит себя Никифор, в доме никогда не хватало хлеба, ели картошку, да и то не вдоволь, а весной нередко бывало — пухли с голоду.

Отец Никифора Данила Игнатьевич был человек лихой, отчаянно воевал с кулачьем, хотел перестроить деревенскую жизнь на новый лад. Одно время так загорелся новыми идеями, что все дни и ночи пропадал в сельсовете, агитировал крестьян, пытался сколотить артель. Был горласт, нетерпелив, хотелось ему быстрее собрать бедноту, отнять лишнюю землю у богатеев и начать все по-новому, по справедливости. А дело это было непростое, как показала жизнь, и Данила вскоре сам почувствовал, что и артель поднимается туго, и дома у него все валится в тартарары. Хоть какое-никакое было убогое хозяйство, а и то совсем до разорения докатилось. А ему, Даниле, надо семью кормить, троих сыновей взрастить. А как?

И кинулся в другую крайность: ушел из сельсовета, забросил артельные дела и с головой ушел в свою землю, в своих лошадок. Сам трудился, как вол, жену и детей не жалел, всех захомутал, работал с остервенением, с отчаянной настырностью, никому не давал отдыха. Не спрашивая ни властей, ни общества, самовольно запахал клин земли, когда-то отрезанный у него также без спроса богатым мужиком Прохором Симаковым. А через неделю рано утром Данила нашел на этом поле убитого своего старшего сына Остапа. Лежал он на черной земле в белой разорванной рубахе с окровавленной головой, с выколотыми глазами. Раскрытый рот юноши был набит черноземом. На груди под рубахой лежала серая грязная бумажка, где кривыми ломаными буквами было написано карандашом: «Мало своей земли, жрите чужую».

После этого случая Данила чуть было не сошел с ума. Ушел от людей, заперся в сарае и три дня проплакал навзрыд. На четвертый день появился на подворье с воспаленными, красными глазами, с черным, исхудалым лицом, заросшим жесткой щетиной. Позвал жену Прасковью, сыновей Гараську и Никифора и сказал:

— Не уйдем с этой земли. Будем сеять.

И посеяли они рожь на черном клину, стали ждать урожая.

А тем временем дела артели-коммунии подвигались в гору, взялись за это другие люди, более терпеливые, чем Данила, звали и его к себе, да он теперь так ожесточился, что не желал сворачивать со своего пути, хотел доказать убийцам сына, что никого не боится и не отступится от своего справедливого дела.

Так оказался Данила один на меже между кулачьем и бедняками — артельными людьми. Стал воевать за свое счастье в одиночку. А борьба разыгралась жестокая. Летом, когда поспела рожь на клину и пора было ее собирать, глухой ночью чья-то рука подожгла поле. Первой почуяла гарь Прасковья, закричала, разбудила мужа, детей, все побежали тушить пожар, бросались в огонь, топтали горящие стебли, сбивали пламя. К горящему полю сбегались артельщики, помогали тушить, бабы, мужики таскали ведрами воду, били палками по сухим стеблям ржи. Но спасти поле не удалось: огонь пожрал все дотла. Бессильно стояли на пепелище обожженные люди, закопченные дымом и гарью; у одних катились слезы по щекам, другие сжимали кулаки, скрипели зубами от ярости.

Прасковья повернула седую голову в сторону кулацких домов, кричала в истерике:

— Будьте вы прокляты! Живодеры, кровопийцы!

Артельщики окружили Данилу. Почесывая затылок, главный из них — Семен Ершов говорил хриплым голосом:

— Коли так бедовать, иди к нам, Данила, в коммунию. Чего уж?

Данила упрямо молчал. Потом повернулся, широко зашагал по дымящемуся полю. Остановился, собрал на ладонь тлеющие спелые колоски, растер их вместе с пеплом, кинул в рот, пожевал.

— Благодарствую за помощь и за добрые слова, граждане. Нехай лютуют, а я не сдамся.

Осенью Данила опять засеял клин. Днем ходил на поле, проверял всходы, по ночам сидел у темного окна, не спуская глаз с клина, все смотрел, не появится ли какой-нибудь злодей. Так прошли осень, зима и весна. Летом собрали урожай, зерно было отменное, чистое. Радо-

вался Данила: дела шли на лад, ржи было вдоволь, да и огородина уродилась — капуста, морковка, картошка, лук. И живность домашнюю можно теперь развести, корму хватит. Курочки, утки и поросенок нелишние в доме. Улеглась тревога, ребята растут, вон какой вымахал Герасим, да и Никифор не отстает, богатырские плечи расправляет. Будет Даниле настоящая опора в хозяйстве — сыновья.

Ребята часто уводили лошадей в ночное. Однажды сидели в темноте на лесной опушке, грелись у костра. Вдруг показалось им, что в кустах захрустели ветки, вроде кто-то ходит.

— Эй! Кто там? — окликнул Никифор.— Отзовись!

Никто не отозвался. Ребята посмотрели, на месте ли лошади, и, удостоверившись, что все в порядке, опять уселись у костра, стали печь картошку. Но вот из-за кустов в темноте появилась чья-то тень. Пригнувшись, прокралась к лошадям.

— А ну не балуй! — крикнул Герасим.— Не трожь коня.

Ребята поднялись от костра, бросились к вору. В это время раздался выстрел, и Герасим упал на траву. Никифор бросился к брату, поднял на руки, стал звать, но тот безжизненно клонился к земле.

— Гараська! Гараська! — звал Никифор.— Что же ты? Очнись!

В отчаянии опустил брата, побежал в темноту, готовый схватить убийцу, метался между кустами.

— Стой, гад! Сто-ой!

Но никого не видел, только услышал храп лошадей, подбежал к коням, ухватился за гриву вороного, чтобы вскочить на спину. Из темноты совсем рядом шарахнул новый выстрел. Что-то обожгло правое плечо, пронеслось над ухом.

— Не попал, гад! Промахнулся. Стой! Стой!

Он отчаянно ринулся в кусты, увидал человека, выбил из его рук обрез, ударил головой в страшную рожу убийцы. Человек оказался сильным, вертким, отбивался кулаками, колотил Никифора ногой в живот, чуть было не ушел, но Никифор нащупал в траве брошенный обрез, ловким рывком свалил бандита на землю, оглушил ударом по голове. Бандит затих. Никифор связал его длинным конским поводом, взвалил на спину коня, как мешок

с зерном, сам сел на другую лошадь и прямо через поле повез бандита в деревню.

Убийца оказался сыном попа из соседнего села.

После гибели второго сына Данила совсем потерял душевное равновесие, ожесточился до крайности и теперь уже не желал отдавать свой черный клин никому — ни в артель, ни богатому мужику Прохору Симакову. Да и сам Прохор не требовал возврата земли, будто примирился с Данилой, даже кланялся при встрече, первый снимал шапку.

— Пользуйся, Данила, не думай, что это я тебя караю. Это, видать, за другие грехи бог наказывает. Заварил ты кашу с коммунией, сам же в кусты ушел, а она, как чертополох, разрастается, не вырубишь ее, не сожжешь. Скоро всех нас проглотит, и тебя тоже.

Зимой к Прасковье стали ходить какие-то чужие, странствующие богомолки. Все библию читали, про конец света да про спасение души толковали. Зачастили в бане мыться. Однажды жарко натопили баньку, оставили Прасковью одну, незаметно закрыли заслонку и исчезли неизвестно куда. Прасковью нашли в бане вечером, отравленную угарным газом.

Данила остался один с младшим сыном Никифором. Парню уже шел восемнадцатый год.

— Неправильно мы живем, батя,— сказал однажды Никифор отцу.— Откололись от людей, с кулаками воюем, а сами к кулацкой жизни клонимся. Уходить нам надо.

— Это куда же уходить? — грозно сказал отец.— Интересные слова говоришь, сынок. Не ждал от тебя, не ждал.

— Хватит в молчанку играть,— упрямо твердил Никифор.— Ты так понимаешь, а я иначе. Менять надо жизнь.

— Это как же менять? — спросил отец.

— В колхоз надо идти либо в город на стройку. Не век же нам бобылями жить?

Данила поел щи, смахнул крошки со стола в ладонь. Мирным голосом сказал сыну:

— Ты, Никишка, правильно говоришь, негоже нам бобылями жить. Я и то думал про это, и вот какая у меня мыслишка явилась. Возьмем к себе в дом сиротку Марию, которая в сельсовете убиральщицей числится. У нас

ей будет хорошо, как в родном доме. И хозяйкой станет, и для тебя лучшей жены не надо.

— Что еще надумал? — возмутился Никифор.

— Ты не ершись. Поживем, посмотрим. Я уже с ней говорил. Согласная идти в наш дом.

Сиротка Мария была тихая, скромная девушка. Данила пожалел ее как дальнюю родственницу своего крестного отца и кстати приметил как невесту для сына и будущую сноху. К радости Данилы, Мария Никифору понравилась. Молодые люди быстро подружились, в субботу и в воскресенье Никифор и Мария ходили в клуб, бывали на вечеринках, а вернувшись домой, рассказывали Даниле, каких людей встречали, какие разговоры слышали. Постепенно они оба стали время от времени склонять Данилу в колхоз. Отец упрямился, и жизнь в доме стала невыносима.

Как-то узнал Никифор, что многие его сверстники завербовались строить какой-то большой завод.

— Поедем с нами! — звали они Никифора.— Не одна доля теперь у деревенского парня. Кто хочет, пусть крестьянствует, а кому и в город не заказано, в рабочие пойдем.

И Никифор отважился уехать в город. Марию уговорил не сразу: жалко ей было оставлять старика, да и на новое место невесть куда ехать боязно. Решили, что пусть сначала Никифор осмотрится, обживется, а там видно будет.

Весной Мария появилась на стройке, разыскала Никифора.

— Не пропадем,— сказал ей Никифор.— Поженимся, получим место в общежитии, будем жить и работать. Согласна, Мария?

С тех пор прошло немало лет, и вот Никифора пригласили в завком, и сам товарищ Квасков торжественно объявил:

— Мы тут посоветовались, Никифор Данилович, и решили отпраздновать твой юбилей всем заводом в новом Доме культуры.

— Это зачем же в Доме культуры? — возразил Никифор Данилович.— Конечно, весьма благодарен и тронут, однако не согласен, потому как я не народный артист и сидеть мне на сцене перед публикой никак не привычно. А если кто хочет уважение мне оказать, милости прошу

в мой дом. Всем найдется и место, и выпивка, и закуска.

Так и не уломали Шкуратова, не завлекли в Дом культуры. Старик твердо решил отмечать юбилей в своем доме, в семье, среди друзей и товарищей.

Наступил торжественный день.

К вечеру в доме Шкуратовых собралось множество народу, человек сто. Все хлопала калитка, ни на минуту не закрывалась дверь высокого дома, где ярко горел свет, звенели песни.

За тесно сдвинутыми столами, щедро уставленными разнообразной снедью, собрались многочисленные родственники и друзья Никифора Даниловича, его заводские соратники, товарищи по работе, старые и молодые, сверстники и ученики.

Звенели стаканы и рюмки, гостям наливали вино, подавали закуски. Опоздавшим ставили табуретки, тумбочки, стулья, усаживали теснее. Все двери были сняты с петель, столы тянулись сплошным застольем из комнаты в комнату.

Произносились поздравительные речи, преподносились подарки — и от завкома, и от цехкома, и от дирекции, и личные дары от родственников, от друзей, от сослуживцев.

— Считай, это от всех нас, как говорится, в знак любви и уважения к тебе, Никифор Данилович, и к твоей супруге Марии Емельяновне,— кричал Квасков, обращаясь к юбиляру и его жене.— Ты всегда был примером для нас. От всей души желаем тебе большого счастья и богатырского здоровья, дорогой наш именинник.

Никифор Данилович заерзал на стуле, поднялся, ворчливо сказал:

— Больно скорбные слова говорите: был, работал, шумел. Будто на последнее прощание пришли. Я еще пошумлю и поработаю будь здоров! А ну-ка, сыграйте на гармони, ребята. Спляшем «Уралочку»! Не жалей сапог, танцуй до упаду!

В самый разгар танца в доме юбиляра неожиданно появились еще два гостя — Косачев и Пронин. Молча стояли на пороге, никто не обращал на них внимания. Кто самозабвенно плясал, кто пел, а кто в азарте хлопал в ладоши, выкрикивая:

— Во дают!

— Браво!

Пронин первый прошел вперед, стараясь показаться на глаза Никифору Даниловичу. Пробираясь между гостями, стал притопывать, вышел в круг и, подойдя к хозяйской паре, разбил ее, взявши за руку Марию Емельяновну.

Никифор Данилович по инерции еще раза два топнул ногами и вдруг остановился. Остановилась и Мария Емельяновна. Смолкла музыка. Многие с удивлением смотрели на неожиданного гостя.

— Ты что? — сказал Никифор Данилович.— Снишься мне или в самом деле пришел? Вот чудеса, Иван Николаевич!

Они крепко обнялись. С радостным удивлением смотрела на гостя и хозяйка дома, Мария Емельяновна.

— Да как же это ты? Какими судьбами? Вот не думали! — запричитала она.

А Косачев тем временем с другой стороны успел протиснуться в гущу гостей, здоровался, кланялся всем. Гости потеснились, пропустили директора в переднюю комнату, к хозяйке и хозяину.

Никифор Данилович, едва отдышавшись, хлопал ладонью по рукам Косачева и Пронина, радостно говорил:

— Вот оно как, а! Спасибо, пришли, какую радость доставили. Я думал, ты не придешь, Сергей Тарасович, сказали: в Москву улетел по делам. Да нет, не забыл старого друга. Милости просим! Проходите к столу, дорогие гости!

— Садитесь к нам, Сергей Тарасович,— закричали за столом,— сюда!

— Нет, к нам! — приглашали директора к другому краю стола.— У нас просторнее.

— Лучше к нам, товарищ директор! Они непьющие и песен не знают. А мы с вами нашу любимую споем.

Косачев с удовольствием и открытой радостью смотрел на окружающих, было приятно, что все это слышит и видит Пронин. Давненько он не бывал на наших заводах, в чужих странах жил, пускай посмотрит, послушает. Пусть знает наших, мы тут не теряем времени даром, и государству силы даем, и сами живем, с нуждой не знаемся. И Косачеву захотелось даже похвастаться перед

столичным товарищем, какое отличное хозяйство у него. Вот она, наша рабочая гвардия, смотри, залюбуешься.

Пронин оглядывался по сторонам, смотрел на людей, многих узнавал и приветствовал поклоном головы.

Усаживаясь за стол, Косачев вдруг увидел рядом с собой Николая. Обрадовался, схватил его за плечи, обнял, прижал к себе, как мальчишку.

— Ух какой же ты стал! Был бы я флотским командиром, ни за что не отпустил бы такого на сушу. Из таких адмиралы растут.

— Зачем мне в адмиралы? — смутился Николай.— Мне и здесь хорошо.

— Правильно думаешь,— горячился Косачев.— Не зря ел наш заводской хлеб, нашу закваску получал. Мне говорили, что ты вернулся на завод, только не пойму, почему не на свое место — в бригаду сварщиков? Зачем подался в другой цех? А мне позарез нужны хорошие сварщики. Прошу тебя, Николай, возвращайся в экспериментальный цех. Такие дела начинаются! Иди, помогай!

Никифор Данилович с благодарностью принимал поздравления, слушал песни, смотрел на удалых плясунов и вспоминал прожитые годы. В памяти вставало то одно, то другое время, оживали лица друзей и товарищей, мелькали картины заводской и семейной жизни. С особенной радостью поглядывал на своих детей. Всех воспитал, всех вывел в люди, следит за каждым шагом, не оступились бы, не свернули бы ненароком с рабочей дороги. Что там ни говори, а ему хочется, чтобы и сыновья, и дочь, и сноха не отбивались от его семейного клана, не уходили в сторону от дела, которому он и его товарищи посвятили всю свою жизнь. Хоть теперь и говорят, будто наш рабочий стал не тот, что был раньше, многие высшего образования достигли, учеными да инженерами стали,— это все правда. Да только настоящий рабочий всегда останется самим собой и при институтском дипломе.

Никифор посмотрел на Николая, и отцовские глаза потеплели, ему было приятно, что Косачев сидел рядом с младшим Шкуратовым, обнимал Николая за плечи.

«Любимец Косачева,— думал Никифор о Николае.—

Уселись рядышком, ведут сердечный разговор. Пускай поговорят, давно не видались. Нелишнее Кольке ума набираться, еще имеются пустые места в голове. Тарасыч к нему, как отец родной, всегда со всей душой. Был бы постарше мой Николай, женили бы его на Тамаре, и породнились бы с косачевским родом. Вон как Косачев ему что-то в башку вдалбливает, пусть слушает Колька, учится у умных людей. А то все дурит, пора бы к делу покрепче прикипеть, семью завести. Хоть и выходит из него шалопайство, а все еще много дури в нем остается. Никак не найдет себе ни жены, ни дела настоящего».

Вспоминая прошлые годы, думая о своей семье, о товарищах, Никифор Данилович прислушивался к тому, что говорили о нем. То за одним, то за другим столом поднимались гости, провозглашали тосты и, как водится в таких случаях, желали юбиляру крепкого здоровья, многих лет жизни, счастья и мира всей семье.

Кто-то из гостей звонко провозгласил:

— Никифору Даниловичу трижды «ура!».

Гости дружно закричали во всех комнатах. От троекратного «ура!» вздрогнул дом, задребезжали окна.

У Никифора Даниловича заблестели глаза. Он вынул платок, хотел вытереть слезы, но тут же поднял руки, замахал платком, требуя прекратить речи.

— Будет вам, что уж? — заговорил он, откашливаясь.— Я вот что хочу сказать, дорогие товарищи. Таких слов наговорили, даже пот прошиб. Я всякое пережил — и радость и горе. Орден Ленина в Кремле получал. В войну не успел на фронте побывать, оставили на родном заводе. Близких друзей и детишек хоронил и не плакал. А теперь вот от ваших слов слезы по щекам размазываю. Шут его возьми, какое дело. Лучше давай гармонь, ребята! Играй веселую!

Гармонь сразу же отозвалась, заиграла. Кто-то собрался петь. Но Пронин, который сидел среди рабочих и разговаривал со всеми, как со старыми друзьями, остановил гармониста:

— Позвольте, позвольте, товарищи! Разрешите и мне сказать.

Он поднялся, сделал паузу, ожидая тишины.

— Тише! Одну минуточку.

— Слушай, что скажут.

Обведя взглядом всех, кто сидел перед ним, справа и слева, Пронин сказал:

— Присоединяюсь ко всем хорошим словам, сказанным здесь в адрес Никифора Даниловича. Поздравляя его с юбилеем, желая ему здоровья и счастья, его супруге Марии Емельяновне, я хочу обратиться к дорогому юбиляру как к старому солдату рабочей гвардии и ко всем вам, дорогие товарищи, вот с каким словом. В нашей стране любят и уважают рабочих людей. Когда нужно решать сложные, государственной важности задачи, партия обращается к народу, к рабочему классу, трубит боевой сбор, ибо всегда уверена, что каждый рабочий откликнется на зов, станет в строй, как солдат.

— Иван Николаевич, говори яснее,— перебил Пронина юбиляр.— Почему боевой сбор?

— Потому что начинается серьезное дело. Нашему заводу поручено изготовление новых труб. Это важное правительственное задание.

— Вот и правильно,— сказал Никифор Данилович.— Мы никогда не подводили. Ты, Иван Николаевич, скажи там, в Москве,— на нас можно рассчитывать. Верно я говорю, Сергей Тарасович?

Косачев кинул веселый взгляд на Пронина: «Смотри, мол, любуйся, какой у меня на заводе народ». А сам, улыбаясь, громко сказал:

— Разве кто-нибудь сомневается в наших людях? Выполним поставленную задачу и сделаем трубы в самый короткий срок.

— Вот именно! Трубы будут! — твердо сказал Андрей.

Со всех сторон раздались восклицания:

— Знаем свое дело!

— Даешь трубы!

Поднялся оживленный шум, сама собой загремела, залилась в переборах гармонь, застучали подметки по дощатому полу, пошла, закрутилась пляска, задрожал пол, задребезжали стекла.

Косачев и Пронин покинули дом Шкуратовых поздней ночью. Оба были довольны встречей с людьми. Было легко, спокойно, твердо верилось: с таким народом горы свернешь.

Тем же вечером в тихом переулке неожиданно встретились Алька и Нина.

Нина шла по сугробам, несла на руках укутанного в теплую одежду сынишку. Алька не свернула с дороги, преградила Нине путь.

— Ну здравствуй! — дружелюбно сказала Алька.— Вот не ждала такой встречи.

— Здравствуй и прощай,— ответила Нина, желая обойти Альку.

— Постой, гордячка. Не зверь, не укушу.

— Некогда мне, ребенок замерзнет.

— Что же пешком ходишь, инженерша? Простудишься.

— Не инженерша я теперь, ушла от него.

— Врешь, Нинка! — Алька с жалостью смотрела на Нину.— Где же ты приютилась с мальчишкой?

— У тети Даши. Живем в моей прежней комнатке.

— Вот это новость! Муженек-то твой каков, а еще образованный!

— Он не виноват.

— Знаем мы их, мужиков-то. Не виноват! Да ты шибко не горюй. Подумаешь! Дай-ка понесу мальчишку. Не бойся, не уроню.

Алька протянула руки к мальчику, и Нина, поколебавшись, отдала ей сына.

Они пошли по белому, рыхлому снегу. Алька шагала впереди, торопилась. Наконец остановились у ворот.

— Давай сама понесу,— потянулась за сыном Нина.

— Какой славный малышка! Неси поскорее в тепло,— улыбаясь на прощание мальчику, сказала Алька.

Когда Нина вошла в калитку и стала подниматься на крыльцо, Алька крикнула ей вдогонку:

— Знай, подружка, я тебе не враг. Если что надо или помощь какая потребуется, только слово скажи.

— Испытала я твою помощь, как же!

— Дурой была. Верила, что ты счастливая будешь с инженером, а я свою удачу в другом месте ловила. Да не поймала, ни тебе, ни мне не достался Николай, в холостяках живет! Как же ты теперь будешь?

— Не твоя забота, проживем.

Алька осталась одна у калитки, в раздумье смотрела

вслед ушедшей Нине. И вместе с чувством жалости и сострадания ее охватила тревога: а вдруг теперь Николай женится на Нине? Опять закрывается для Альки дорога к Николаю?

Поспелов в эти дни не находил себе места, боялся показаться людям жалким и беспомощным, изо всех сил старался сохранить достоинство, держал себя в руках. Однако не вытерпел, отправился в дом к тете Даше, где жила теперь Нина с сыном. Решительность покинула его сразу, как только он переступил порог и увидел Нину. Теребя шапку в руках, неуверенно шагнул к жене, лицо его было бледным, он заговорил сбивчиво, заикаясь:

— Я п-прошу т-тебя, Нина. Ве-вернись д-домой, я сделаю все, что нужно для твоего счастья.

Стягивая плечи теплой шалью, Нина отрицательно качала головой. Всем своим видом она говорила: возврата не будет.

— Что же ты молчишь? Скажи хоть слово!

Она отвернулась к стене.

В отчаянии Поспелов резко схватил Нину за плечи, больно встряхнул, словно хотел пробудить от глубокого сна:

— Опомнись же! Что ты делаешь? Это безумие!

— Оставь меня! — крикнула она, будто ее обожгли.— Уходи!

Он беспомощно попятился назад, закрывая лицо дрожащей рукой. И вдруг решительно шагнул к ней, сжал кулаки, занес над ее головой. Хотелось закричать, грубо ударить Нину и самому биться головой об стенку. Он с трудом сдержал себя, схватил ее руку, прижался губами. Она резко отдернула руку.

— Ну, хорошо, хорошо,— сказал он тихим голосом, каким успокаивают раскапризничавшегося ребенка.— Ты нервничаешь, ты устала, я понимаю. Отдохни, подумай и возвращайся домой. Я буду ждать, ни словом не упрекну, все будет так, как было.

— Не надейся. Я не вернусь! — твердо сказала Нина.

Он молча положил на стол ключи от машины, повернулся и вышел. Не хлопнул дверью, не сказал грубого слова, не повысил голоса. Ему не верилось, что все рухнуло окончательно.

На следующее утро он встал раньше обычного, тщательно побрился, старательно завязал галстук, придир-

чиво всматриваясь в зеркало. Спешил на завод, желая поскорее включиться в общее дело, и вел себя так, чтобы никто не понял, что творится у него на душе. Здороваясь с людьми и разговаривая о делах, он мучился навязчивой мыслью: «А этот знает, что Нина ушла? А эта слыхала про Нину?»

Помня недовольство Косачева расчетом зажимного устройства для сборки полуцилиндров, Поспелов с утра помчался в конструкторское бюро. Развил бурную деятельность, поднял на ноги помощников и инженеров, потребовал чертежи, нетерпеливо отчеркивал карандашом те места, на которые надо было обратить внимание.

— Отложите в сторону все работы и займитесь этим узлом,— категорически приказал он старшему конструктору.— Сергей Тарасович забраковал ваш расчет, так не годится.

— Знаем,— сказал конструктор, почесывая карандашом бритый подбородок.— Думаем.

— Особенно раздумывать некогда, надо делать,— оборвал его Поспелов.— Вчера под рентгеном обнаружились два разрыва на сварных швах. Вот здесь, в этом месте. Немедленно займитесь, тщательно проверьте, в чем дело.

— Где не сошлись? — переспросил другой конструктор.

— Вот тут, на выходе,— Поспелов ткнул карандашом в ватманский лист.

Старший конструктор высказал предположение:

— Думаю, это влияние нагрева трубы при сварке. Пока шов тянется вдоль трубы, одна ее сторона неравномерно нагревается, неравномерно остывает и коробится.

— Возможно,— согласился Поспелов.— Мне не приходило в голову. Очень возможно. Проверьте плотность зажима пресса.

— А по-моему, дело не в зажиме,— сказал другой конструктор.

— В чем же?

— Ошибка в расчете.

— Так пересчитайте еще! Считайте тысячу раз и, если надо, десять тысяч раз. Проверяйте, ищите день и ночь, считайте, дефект должен быть устранен.— Он строго оглядел конструкторов, начальственным тоном сказал: — После обеда снова зайду. Приступайте!

Косачев и Пронин сутками не покидали завода.

По утрам в трубоэлектросварочном цехе, как всегда, звучала сирена, возвещая начало работы. Обычно люди занимали свои рабочие места с началом сигнала, а в эти дни все собирались задолго до назначенного времени. Косачев приходил в цех раньше всех, каждое утро сам лично проводил проверку готовности всех участников, созывал летучки на месте, у стана.

В окружении инженерной группы, мастеров и рабочих стояли Косачев, Пронин, Водников, секретарь парткома Уломов, начальник цеха Андрей Шкуратов. Были тут и Никифор Данилович, и сварщик Аринушкин со своей бригадой, и техники, и наладчики.

Косачев показывал завод Пронину, методически, терпеливо разъяснял все до мелочей. Ему хотелось, чтобы уполномоченный Совмина был так же во всем убежден, как и сам Косачев.

— Как видишь, Иван Николаевич, дело подвигается. Уже начали прессовать полуцилиндры из узких листов. Кажется, неплохо получается. Казалось бы, чего проще сложить из двух полуцилиндров один цилиндр и сварить двумя швами: раз, два — труба готова! Ан нет, попробуй, сделай ее, чертяку, не в уме, не на бумаге, а в натуре.

— Стараемся, Сергей Тарасович,— как бы оправдываясь, пояснил Андрей Шкуратов.— Не без ума подходим.

— Делаем, да плохо,— упрямо твердил Косачев.— Привыкли кустарничать, а тут нужна идеальная точность. Есть же расчеты, ты видел, Никифор?

— Теоретически это возможно,— сказал Никифор Шкуратов, обращаясь к Пронину и к инженерам.

— Ты не агитируй нас, делом докажи,— подмигнул Косачев своему другу.— Всякому видно, что выйдет. Ты сделай!

— Не суетись, Тарасыч, не лезь поперед батьки в пекло,— отпарировал мастер.— Потерпи маленько и увидишь нашу работу. Спасибо скажешь.

— Давай, давай! — засмеялся Косачев.— На вас вся надежда.

Гусаров, Аринушкин и другие сварщики следили за Косачевым, ловили замечания, кивали. Мы, мол, что от

нас требуется, свой фронт обеспечим. Один из сварщиков, показывая свою работу, сказал Косачеву:

— Сварить можно. А выдержат ли такие швы высокое давление?

— Выдержат,— уверенно ответил Косачев.— Трубы практически никогда не лопаются по сварным швам.

— Надо идти на риск,— поддержал директора Никифор Шкуратов.— Чего сомневаться?

— А вы, Вячеслав Иванович, неотступно следите за сваркой,— повернулся Косачев к Поспелову.— Почему медлите с организацией новых бригад электросварщиков? Почему Николая Шкуратова до сих пор держите в другом цехе? Поручите ему сколотить бригаду, отлично справится. Пускай смелее берется, вызывает на соревнование Аринушкина, а то он больно зазнался, самоуверенный стал. Верно говорю, Степан? — Косачев добродушно улыбнулся Аринушкину.

— Не обгонит меня,— мотнул головой Аринушкин.— Я не сдамся.

— А вот и посмотрим, чья возьмет. Может, и оба так поднатужитесь, что дай бог, только бы жилы не лопнули.

— Я семижильный, Сергей Тарасович,— отшучивался Аринушкин.

Ребята работали в хорошем настроении.

Время летело быстро, а дело подвигалось не так скоро, как хотелось Косачеву. Он тревожно думал о каждом ушедшем дне. Цех расширялся, устанавливались станы, строились целые линии, на поверку все шло хорошо. Только листопрокатчики основательно подводили завод. Косачев требовал, чтобы Водников лично занимался этой проблемой.

Главный инженер в решительные моменты умел показать свой характер. Всякое дело любил хорошенько «разжевать», прикинуть и так и сяк, «обнюхать» со всех сторон. И чем труднее, серьезнее была проблема, тем больше он тратил времени на «разжевывание». Непроработанные до конца идеи и проекты он называл зелеными арбузами: мол, с виду привлекательно, заманчиво, а есть нельзя. И сколько бы ни тянулось «дозревание», он проявлял удивительную терпеливость, никогда не приступал к делу преждевременно. Но уж если окончательно убеждался, что затеянное дело оказывалось интересным, перспективным, как он говорил — вполне «созревшим», Вод-

никову не терпелось поскорее его осуществить. Тут он, не жалея ни сил, ни времени, готов был в любую минуту броситься в атаку, пробить любую брешь и своей энергией заражал окружающих.

Так случилось и теперь. Когда Водникову стало ясно, что старания снабженцев, ежедневные переписки с прокатным заводом, бесконечные звонки и всевозможные нажимы через министерство и главк не дают желаемого результата и не продвигают поставку листа, Водников решил взяться за дело сам. Он отправился к листопрокатчикам, чтобы на месте разобраться во всем, договориться и проследить за отгрузкой листа.

9

После встречи с Ниной на заснеженной тропе Алька стала упрямо искать возможности поговорить с Николаем. Она жила недалеко от Шкуратовых. Появилась она на этой улице лет пять назад, поселилась у тетки и прижилась, как дома. Родители дали ей немодное в наше время имя Алевтина, но все называли ее Алей, а больше Алькой, и было в ней что-то свойское, располагающее. она легко сходилась с людьми, была общительной. Ей давно нравился Николай, да и многие считали, что это была бы неплохая пара, оба веселые, работящие и собой хороши. Но все видели, что Николай совсем не интересуется Алькой, потом стало ясно: он любит другую.

А с Алькой у Николая тянулась давнишняя история, еще с той поры, когда он учился в железнодорожном техникуме и мечтал стать машинистом. Никифор Данилович хоть и возражал против такой профессии, все же не препятствовал сыну, так как уважал всякую рабочую специальность. Послал он в то время Николая на Южный Урал к своему другу-машинисту на практику. Там-то и приключилось знакомство Николая с этой чудной Алькой. Какая-то история вышла, а что именно, никто не знал, только случилось, что именно после этой поездки на практику Николай оставил свое учение паровозному делу, пошел на трубный завод. А вслед за ним приехала и Алька.

Подробностей их отношений никто не знал, а Николай до сих пор помнит все до мелочи. Было это года за два до ухода Николая на флотскую службу. Поехал

он тогда к отцовскому другу Тихону Сазонову, который жил на небольшой станции недалеко от Орска. Машинист был молчаливый крепыш с сивыми усами, широкоплечий, с короткой жилистой шеей, неторопливый в движениях, со строгим взглядом.

Оглядел Николая с ног до головы, улыбнулся, будто одобрил парня.

— Ну что же. Коль приехал за делом, времени зря не теряй. Завтра же поедешь со мной. Разбужу на заре.

И вот они — Николай и Тихон Кузьмич Сазонов — в будке паровоза. Старый машинист присматривается к малому, малый весь насторожился, желает не уронить себя. Пристально приглядываются друг к другу. Следят за малейшим движением, ловят каждый взгляд, говорят скупо, взвешивают слова. Оба прикидываются равнодушными, спокойно делают свое дело. Один старше другого на двадцать семь лет. Едва познакомились вчера, но уже как-то сразу прониклись взаимным доверием. Бывает так, что люди впервые в жизни встречаются, а кажется им, будто они давно хорошо знакомы.

Весело отфыркиваясь и постукивая колесами на стыках рельсов, паровоз легко тащил за собой вереницу вагонов, груженных рудой, и Николаю казалось, что в этой могучей силе, которая влекла поезд вперед, есть частица и его собственной силы. Справа и слева мелькали домики, одинокие деревья и целые рощи. Совсем близко проносились фермы мостов, пропускающие паровоз и вагоны сквозь свой решетчатый металлический туннель. В топке пылал огонь, с веселым шумом припадал красными языками к большому брюху котла.

Машинист спокойно смотрел вперед, поглядывая на примелькавшиеся ему за многолетнюю езду сигналы и знаки, и как бы между прочим изредка косился на своего нового помощника, который бросал лопатой уголь в паровозную топку.

«Зря так частит, в один миг выдохнется,— думал старший.— Сразу видать, сноровки нету».

Николай чувствовал взгляд машиниста, понимал, о чем думает старик. Перестал бросать уголь, оперся на лопату. Взглянул на манометр и водомер. Все было нормально. Парень снова стал работать.

— Ты не части,— сказал старший.— Спокойно бросай, с интервалами.

Николай сделал так, как посоветовал машинист. Ему очень хотелось смотреть по сторонам, уж больно красивые и новые для него места, но он знал, что машинист наблюдает за ним, оценивает, и потому старался не отвлекаться от дела. Работа оказалась нелегкая, вскоре все лицо, голова и спина покрылись потом, глазам было больно от огня.

Машинист смотрел на практиканта и видел в нем самого себя в молодости. Стало радостно на душе, хотелось сказать ласковые слова этому молодому, сильному, ловкому пареньку. На своем веку машинист немало принимал практикантов и по обычаю оставлял их жить у себя на квартире. У него был свой дом с садом, места хватало для всех. Жена и дочь гостеприимно привечали людей, радовались, когда кто-нибудь приезжал.

Вчера во время обеда, когда все собрались за столом, машинист вдруг словно впервые увидел, что его дочь Алевтина стала совсем взрослой девушкой. Посадили ее рядом с гостем, и, как посмотрели мать с отцом со стороны, так у обоих екнуло сердце: ни дать ни взять жених и невеста. Угощая практиканта, незаметно приглядывались к нему. Кажется, хороший парнишка, ест с аппетитом, не болтает лишнего, говорит учтиво, на Альку не пялит глаза, видать, не ветер у него в голове. Толком отвечает на вопросы старших, рассказывает про отца и брата Андрея, словом, про все, что спрашивают. Взгляд у парня добрый, приветливый. Он все время улыбался, показывая крепкие белые зубы.

Алевтина же, опустив глаза, скромно сидела рядом, то поднимала руки на стол, то прятала их, складывая на коленях. Коричневое платье туго обтягивало ей грудь и плечи, как бы подчеркивая этим, что девушка растет не по дням, а по часам. Отцу даже показалось, что Аля, присаживаясь к столу, задела рукой плечо практиканта, отчего тот немного смутился и чуть отодвинул стул.

«Может быть, не следовало при такой взрослой дочери теперь оставлять у себя в доме парней? — подумал машинист.— Кто знает, какой он. Нынче молодежь верткая, вскружит девке голову».

Но ничего изменить было нельзя, так как парень уже был приглашен хозяином, принес в дом свои скромные вещички. Тем более нельзя отказать, что это сын давнишнего приятеля.

«Ладно,— решил машинист про себя.— Все равно завтра уедем в рейс, а там посмотрим. Да и что с того, что дочь выросла в невесты? Не держать же ее век взаперти? Всякому человеку надо жить с людьми, и ее небось не съедят».

Поезд приближался к тому участку пути, где начинался крутой подъем. Паровоз тяжело задышал, закашлялся. Вылетающий из трубы сизый дым почернел, и его густые, клубящиеся тучи отбрасывали на землю плотную тень. По замедленному бегу этой тени стало заметно, как убавилась скорость поезда. Тяжелый состав словно нехотя, с невероятными усилиями вползал на гору. Машинист знал, что приближаются самые трудные двести метров пути.

Туго натянулись сцепления. Вагоны уже не набегали друг на друга, а тащили назад паровоз, который упорно катился вперед, не уступая тупой силе сорока семи вагонов. Казалось, сорок семь увальней взялись за руки, не желая двигаться с места, упирались в землю колесами, а черный железный богатырь пересиливал их, тянул на гору.

На самом крутом месте колеса паровоза забуксовали. Машинист прибавил пару. Из-под колес посыпались искры, задымились рельсы. Паровоз тяжело перевел дыхание, снова закряхтел на всю степь, испуская из своей утробы черный дым.

Николай непрерывно бросал в топку уголь. Жаркое пламя обжигало лицо, ослепляло глаза. Все тело взмокло от пота, нестерпимо болели плечи, дрожали колени от слабости. Ладони словно приросли к лопате, которую нельзя было выпустить из рук ни на минуту. Николаю было страшно не потому, что паровоз буксовал. Страшнее было чувствовать на себе испытующий взгляд машиниста и думать, что делаешь все не так, как нужно. Значит, ты еще щенок, никуда не годишься для трудного дела, грош тебе цена. И ему тоже в этот момент почему-то вспомнилась та минута, когда вчера за столом его задела за плечо своей белой мягкой рукой дочь машиниста Аля и улыбнулась. Вспомнилось ее молодое лицо с большими черными глазами, теплыми и насмешливыми.

— Бросай! Бросай! — крикнул над ухом машинист.— Живее!

Николаю послышалась в этом голосе не то насмешка, не то вызов: «Ну что, брат, тонка кишка? Попробовал нашей работы?»

Частыми сильными взмахами он бросал и бросал уголь в топку. Некогда было вытереть пот с лица. Соленые влажные струйки текли по губам, капали с носа, застилали глаза.

Жарко! Душно!

Рванул куртку, открыл грудь. Оторванная пуговица полетела в топку вместе с углем.

И снова перед его глазами возникла воображаемая картина. Он увидел то, что может произойти завтра. Это будет в доме машиниста, за столом во время обеда. Они сидят все четверо, машинист со смехом рассказывает, как практикант не выдержал экзамена, спасовал, а жена машиниста и Алька смеются до слез и с укором поглядывают на Николая: «Вот вы какие! Простого человеческого дела не умеете делать».

Николаю стало тошно. Жар от топки заливал лицо. Адская духота, можно упасть и не подняться. Над головой вдруг что-то хлопнуло, сильно, как выстрел. В стенку ударила горячая струя, все стало обволакиваться клубами пара.

— Берегись! — закричал Тихон Кузьмич.— Водомерная труба лопнула. Сваришься, сторонись!

Николай хотел было кинуться к машинисту, но путь ему преградила горячая струя. Он отшатнулся. Паровозная будка наполнилась паром. Лицу, глазам и всему телу стало горячо, нестерпимо больно. Дышать было нечем, застучало в висках, кровь хлынула к голове.

— Прижимайся к полу! — кричал откуда-то машинист глухим голосом.— Ложись!

Но Николай уже ничего не слышал. Стараясь удержаться на ногах, он подошел к дверце, нащупал поручни, толкнул ногой дверь. Сильный порыв ветра ударил в лицо. Николай глотнул воздух, открыл глаза. На секунду увидел плывущую назад землю, мелькавшие черные концы шпал. Не зная, что делать, как быть, он повис на ослабевших руках, готовый в любую минуту сорваться. Горячий клубок пара снова опалил ему затылок. Он последним усилием оттолкнулся от ступеньки, разжал руки, полетел вниз. Шлепнулся спиной на песчаный откос, кубарем покатился в кювет и, пока падал,

глотнул несколько раз воздуха, ожил. Он лежал неподвижно и слышал, как совсем близко, где-то над ним, тяжело стучали вагоны, медленно удалялись. «Значит, прошло, прошло! — радовался он.— Теперь за перевалом будет уклон, и все в порядке. А, черт! Что я наделал!»

Он резким рывком оторвал свое тело от земли, вскочил на ноги и побежал за поездом. Вагоны удалялись от него, а там впереди уже был поворот, и он видел, как паровоз стал набирать скорость. На миг мелькнула фигура старого машиниста: он пробежал вокруг котла, видно, бросился с ключом перекрывать воду, поступающую в водомерную трубу. Николай выбивался из сил, но почувствовал, что безнадежно отстал от последнего вагона, понял, что ему ни за что не догнать поезда. В отчаянии схватился за голову, упал, покатился под откос на чахлую, пожелтевшую траву.

Уткнулся лицом в землю, долго лежал неподвижно. Невыносимая боль стыда жгла все его тело. «Дурак! Идиот! — ругал себя Николай.— Куда теперь, а? Что делать? Дождаться первого поезда, доползти к полотну и положить голову на рельсы.

Вот посмеются товарищи, когда узнают о моем «подвиге»! По всему городу будут рассказывать, как забавный анекдот. А отец что скажет? Неужто ты не Шкуратов, Колька? А старший брат Андрюха как посмеется? Это же полный кошмар, хоть не возвращайся домой. Всему городу на насмешку выставиться? Да и к Тихону Кузьмичу как вернуться? Он-то все видел! Веселую историю расскажет своей жене и дочери Альке. Какая-то непонятная для меня девчонка, эта Алька. Так бывает с человеком, когда впервые увидишь море, или грозу, или восход солнца. Так и со мной вчера было. Увидел Альку, и что-то переменилось в душе. Вот еще одна тайна на земле, которую мне уже не отгадать. Вчера задела рукой за плечо, а до сих пор не могу опомниться. И зачем она мне нужна, эта Алька? Таких у нас в городе своих сколько хочешь, да еще получше. Какой же я трус! Растерялся!»

Лежа на земле, ругая себя почем зря, он услышал отдаленный глухой стук. Приподнял голову, прислушался. Можно было различить стон рельсов и шум поезда. Вот он надвигается и уже летит мимо, проносится почти над

самой головой Николая. А незадачливый практикант лежит неподвижно, и ему не хочется ползти к рельсам и подкладывать свою голову под колеса. «Нет, дудки! Это не шибко умная штука, пусть поищут других дураков!»

Он лежал и думал о том, как жить дальше. И вспомнил случай из своего детства. Было ему тогда лет пять. Как-то летом отец взял его на рыбалку на озеро, где отдыхали заводские. Отец поставил Николая у воды, говорит: иди купайся, учись плавать. Николай не умел плавать, боялся воды, расплакался. Тогда к ним приблизился на лодке Косачев, взял Николая на руки, отвез от берега и бросил в воду.

— Плыви, Колька, плыви! Будешь бояться воды, век просидишь на берегу, не научишься плавать.

Все всполошились, и мать испугалась, а Колька начал барахтаться, нахлебался воды, закашлялся и все же проплыл метра два. И когда Косачев поднял его обратно в лодку, мальчуган расхрабрился, снова потянулся к воде. С тех пор Николай перестал бояться воды, научился плавать.

Он повернулся на спину, увидел над собой синее небо, перечеркнутое телеграфными проводами. На проводах сидели воробьи, с веселым чириканьем поглядывали на практиканта. Он вскочил на ноги, схватил камень и запустил в воробьиную стаю. Птицы улетели в сторону леса, а Николай осмотрелся вокруг, постоял, подумал и зашагал по шпалам в ту сторону, откуда приехал на паровозе.

Он шел торопливо, с озабоченным видом, как ходят люди, занятые срочным делом. Никакие посторонние мысли больше не отвлекали его, он шагал так, будто принял важное решение, знал, что делает.

Часа через два добрался до небольшого разъезда. Как только увидел будку, торопливо направился к дежурному, попросил, чтобы тот позвонил на узловую станцию и узнал, все ли в порядке с девяносто вторым составом.

Отхлебывая кипяток из алюминиевой кружки, дежурный осмотрел парня с ног до головы, взял со стола кусочек сахару, разломил его пальцами, бросил в рот маленький осколок.

— А что ему сделается? У нас завсегда все в порядке.

По линии передали, будто трубу прорвало. Да машинист не растерялся, на ходу перекрыл воду.

— А сам здоров? — спросил Николай с тревогой.

Дежурный засмеялся, разгладил ладонью усы.

— Машинист-то? Здоров. Только вот чего-то про помощника говорили, не понял я точно. Будто поскользнулся помощник или ошпарило его водой, он и свалился с паровоза. Беспокоятся о нем, а машинист говорит, что видел его живого, с земли соскочил и за поездом бежал. Не ты ли будешь помощником? — Дежурный начал подозрительно и придирчиво разглядывать парня. Руки замазаны, штаны порваны, кровь на щеке.— Небось больно упал?

Николай ничего не ответил, повернулся и вновь зашагал по шпалам. На душе у него теперь стало легко. Значит, машинист жив-здоров, состав доставлен на место, все в порядке. Идти было далеко, но ему не хотелось ждать попутного поезда. Да и спешить незачем. Все равно Тихон Кузьмич вернется домой только к утру, а заявляться на станцию одному Николаю нельзя. «Утром явлюсь в дом машиниста,— думал он,— расскажу все, как есть. Струсил, мол, извините, пожалуйста. Не гожусь к такому делу».

Вдали показалась деревня. За березовым перелеском виднелось несколько крыш под красной черепицей и одна — под зеленым железом. Практикант повернул в сторону, пошел по узкой проселочной дороге. На западе за дальними холмами заходило солнце. Парень подошел к крайнему дому, попросился переночевать. Пустила старушка, верткая, подслеповатая и седая. В доме кроме старушки было два мальчика: один лет двенадцати, другой — лет восьми. Ребятишкам хотелось поговорить с незнакомым человеком, но старушка прогнала их в другую комнату.

— Угомонитесь, бездельники, спать пора,— ворчала она на внуков.— А то вот вернутся из города мать с отцом и меня же ругать будут, что разбаловала вас. Марш отсюда.

Ребята нехотя ушли. Старушка принялась кормить прохожего, дала щей, каши с бараниной, налила кружку молока. Он быстро съел все. Готов был идти спать, но хозяйка беспрерывно расспрашивала, откуда он и зачем в этих местах. Старушка задавала вопросы и сама рас-

сказывала о своей жизни, о сыне, о снохе, о внучатах. Наконец расстелила тулуп на сундуке, положила подушку и одеяло.

— Ложись, горемычный, спи.

Николай долго ворочался, не мог уснуть.

«Какой же я подлец! — думал он о себе.— Что сделал, и даже аппетита не лишился, уплетал обед за обе щеки».

После того как отругал себя, ему стало легче, он уснул.

К Тихону Кузьмичу заявился он не очень рано, подождал, пока разгуляется день. Подъехал к станции на подножке товарного вагона, спрыгнул у семафора и, не заходя на вокзал, окольными переулками пробрался к дому машиниста. Оказалось, что самое трудное было пройти последние сто шагов. Даже мелькнула мысль вернуться на станцию, сесть в поезд, уехать домой, никому ничего не объясняя и ни перед кем не отчитываясь. А что, в самом деле, мучиться?

Но не свернул за угол, пошел прямо к дому. И сразу сквозь штакетник увидел машиниста на ступеньках крыльца. В окне, кажется, мелькнуло любопытное лицо Альки.

Машинист спокойно поднялся навстречу практиканту, встретил его у калитки, остановился, загородив своим телом проход. Не выражая никакой неприязни, с любопытством осмотрел парня.

— Жив-здоров? — спросил он, улыбаясь.— А я, брат, волновался за тебя. Когда трубу-то прорвало, посмотрел тебе под ноги и вижу, что наступил ты на мокрое, поскользнулся и упал.— Он добродушно смотрел парню в глаза.

— Да не так это было! — вспыхнул Николай.

— Чего теперь разбираться? — успокоил его машинист.— Я всем уже рассказал. Что тут особенного, со всяким случается. Поскользнулся, не повезло. А потом же я своими глазами видел, как ты гнался за поездом. Ну, думаю, значит, ко мне на помощь бежит, как положено.

«Вот так старик! — подумал Николай.— Другой бы дал по шее да на всю улицу ославил, а этот великодушно выручает из беды. Что я ему, сын родной?»

Николай покраснел, сказал машинисту:

— Зачем вы придумали это? Все было не так. Я просто струсил и бросил вас одного. Не выдержал экзамена, испугался. Думал, взорвется котел и все полетит на воздух.

Машинист слушал, качал головой, улыбался. Сказал парню:

— Пошли пообедаем да отдохнем. А то завтра опять в рейс.

Из дома выскочила Алька и, с трудом сдерживая смех, убежала в сад.

Ночью на сеновале, где спал Николай, кто-то тихо зашуршал сеном. Теплая рука дотронулась до щеки Николая.

— Кто здесь? — всполошился парень.

— Тише! — шепнула Алька.— Дрыхнешь, да? Это я.

— Что надо? — насторожился он.

— Слушай, Николай. Возьми меня в город?

— Что ты там будешь делать?

— Работать, учиться.

— А у кого жить?

— Кто-нибудь пустит. У вас большая семья?

— Большая. Но не в том дело. Как ты можешь к нам? Кто ты?

— А женись на мне.

— Вот еще! Я молодой, мне рано.

— Женишься, когда стариком станешь?

— Да и у тебя еще молоко на губах не обсохло. Что родители скажут?

— А ничего, они добрые. Как захочу, так и сделаю. Подвинься.

Она низко склонилась к его лицу, полезла в постель. Он с перепугу вскочил, рванулся к краю, свалился вниз.

— Тише, дурак! — зашептала она в темноте.— Не бойся, не зарежу.

Он как ошпаренный выскочил из сарайчика. Пробрался в дом, разыскал в сенях свой чемоданчик, уехал домой.

А вслед за ним в город приехала Алька, подкараулила Николая на улице и заявила, что будет искать работу и останется в городе жить.

— Ты еще узнаешь, какая я. Лучше меня не найдешь.

Тогда Николай посмеялся над Алькой.

10

Алька действительно осталась жить в городе, поступила на работу и как тень ходила за Николаем. Была отчаянно влюблена в него. Как-то случайно Алька узнала, что у Николая завелась какая-то красотка из городской больницы. Видела их раза два в кино и на улице, а однажды смело подошла к ним на танцплощадке, запросто протянула руку Николаю:

— Здорово, Коля. Познакомил бы со своей барышней. Может, она посидит, а мы потанцуем?

Нина нисколько не обиделась на незнакомую девушку, разрешила Николаю потанцевать с Алей. Танцевали они очень хорошо. На том и расстались: Алька поняла, что Николай любит Нину и что пытаться вбить между ними клин — безнадежное дело.

В тот зимний вечер, когда Алька неожиданно встретила в тихом переулке Нину с ребенком и узнала, что Нина ушла от мужа, она решила, что наступил самый подходящий момент, чтобы испытать судьбу. Для начала Алька решила точно узнать, встречаются ли Нина с Николаем. Может, Нина для того и ушла от мужа, чтобы сойтись с Николаем, тогда Алька отступится, раз у них настоящая любовь. А если Нина не любит Николая, тогда он должен принадлежать ей, Альке!

Она потратила несколько недель, чтобы проверить все, что задумала. Проявила дьявольскую хитрость, находчивость, как бы ненароком выведала кое-что у тети Даши, следила за Ниной, спрашивала у знакомых, ходила по пятам за Николаем. Наконец убедилась, что Нина и Николай не встречаются и между ними ничего нет, решила активно действовать, атаковать Николая. Готова была пойти на любой отчаянный шаг. Долго искала «верного» подхода к Николаю, и вскоре подвернулся удачный случай.

Алька возвращалась с работы последним ночным трамваем, села в тот самый вагон, в котором ехал и Николай. Она спряталась за пассажирами, уселась в углу, следила за ним издали. Ехать пришлось долго. Николай был усталый, сидел задумавшись, под конец задремал. Пассажиры постепенно выходили на остановках, вагон к концу пути опустел. Перед последней остановкой Аль-

ка подобралась к дремавшему Николаю, толкнула его в плечо:

— Эй, гражданин, приехали!

Он открыл глаза, смущенно улыбнулся:

— Напугала, шальная. С работы едешь?

— С работы. Сегодня пораньше закрыли ресторан.

Алька была какая-то необычная, смирная, ласковая. Шагая рядом, Николай поглядывал на нее с удивлением.

— Устаешь? — спросил он участливо.

— Старуха я, что ли? — засмеялась она.— Зашел бы ко мне?

— Сроду не ходил ночью по чужим хатам.

— Посмотрел бы, как живу. У меня хорошо, весело, не пожалеешь.

Николай посмотрел на нее с любопытством. Вон какая вымахала, совсем взрослая женщина. Красивая, ладная. Улыбнулся, дружески сказал:

— Чего маешься, неприкаянная душа? Зачем лезешь в мою жизнь, если не знаешь, что делать со своей?

Она порывисто прижалась к его плечу, ухватилась за рукав, просящим голосом зашептала в лицо:

— Не будь гордецом, Коля! Хоть раз посидим, потолкуем о жизни, по-человечески, как взрослые люди. Никто не помешает, тетка уехала, дом пустой. Чаю попьем, хоть до утра.

Николай остановился, шутливым жестом отстранил Альку с дороги, свернул на свою тропу.

— До свидания, Аля. Спокойной ночи! Красивая ты девка, ищи другого жениха.

Он видел, как крупные слезы покатились по ее щекам.

— Что ты так, Аля? Не плачь.

— Пойдешь?

Она взяла его под руку, повела по темной аллее.

Алька жила почти в самом конце улицы, в небольшом домике под железной крышей. Домик этот когда-то построила ее тетка Прасковья, которая пустила к себе племянницу. Недавно тетка ушла на пенсию, часто уезжала в другой город к своим родственникам, надолго оставляла Альку одну.

Алька была хорошей хозяйкой, навела уют, чистоту, со вкусом обставила комнаты. Со стороны казалось, что

ей ничего в жизни не нужно, были бы достаток, сытость, здоровье. Все остальное, мол, приложится.

Пропустив Николая в коридор, Алька зажгла свет, закрыла дверь на засов. Снимая шубку и сапоги, приказала гостю:

— Тащи из сеней дрова, растопи печь, а я быстренько соберу ужин. Пока управлюсь, согреется печка, приятнее будет. Попируем с тобой.

Она достала из шкафчика бутылку вина, поставила на стол. Из сеней принесла капусту, грибы, нарезала окорок, сыр.

Вскоре в печке уже потрескивали сухие дрова, теплый дух распространился по комнатам.

Николай молча наблюдал, как Алька проворно бегала по дому, смотрел на ее раскрасневшееся лицо. Никогда не думал, что доведется сидеть с ней наедине ночью, в пустом доме.

Сели к столу, она налила вина в рюмки, ласково, нараспев сказала:

— Выпьем, Коля, за то, чтобы почаще бывал у меня.

Он улыбнулся ей, поднял рюмку:

— Будь здорова, Аля!

Пока сидели за столом, в комнате потеплело. Алька сняла с плеч толстую шерстяную кофту, бросила на диван.

— Сними пиджак, Коля,— сказала она.

Он повесил пиджак на спинку стула.

— Видать, тетка твоя путешественница, а ты все больше одна в доме живешь? Не скучно?

— А кто мне нужен? Эх, Коля! Зря сторонишься, обходишь мой дом за три версты. Не нравлюсь я тебе? — ласково говорила Алька, упираясь в стол пышной грудью и придвигаясь к Николаю.— Всем ты хорош, а меня не любишь. Пей, закусывай, пожалуйста.

Выпили еще по одной, без тоста, просто так. Николай подобрел, снисходительно слушал Алькины излияния, хоть и не принимал ее слов к сердцу.

— Хорошие у тебя хоромы. Тепло, уютно, красиво.

— Какая сама, такой и дом,— хвастливо сказала Алька, повела плечами и добавила: — Нравится, оставайся ночевать.

Она озорно уставилась на него, вся расплылась в

улыбке. Ее пухлые губы дрожали, открывая влажные жемчужины крепких, ровных зубов.

— Хочешь соленых рыжиков? Я сейчас.

Она вышла в сени, прикрыв за собой дверь. Минуту повозившись и погремев посудой, подошла к щитку, выкрутила пробку. Потом вернулась в комнату.

— Вот досада! — притворно сказала она.— Опять перегорела пробка.

— Я починю,— поднялся Николай.— Пустяшное дело.

— Да ну его. Посидим так, Коля. Без света даже интереснее.— Она засмеялась, прильнула головой к его плечу.— Не бойся, дурачок. Иди ко мне. Иди же, Колечка! Милый!

— Перестань! — крикнул Николай.— За этим меня позвала? Как была, так и осталась дурехой. Цены себе не знаешь: ты же красивая.

— А что мне делать с моей красотой? — сквозь слезы говорила она.— Вянуть и пропадать? Спать в обнимку с холодными подушками? Красота и молодость пролетят, как залетные птицы, так пусть хоть останется память о любимом человеке.

Он поднялся со стула, шагал в темноте по комнате, то приближался к Альке, то отходил.

— Я не осуждаю тебя, Алька, пойми. Но, ей-богу, ты неправильно живешь.

— Неправильно? А ты выправь мою жизнь, спасибо скажу. Думаешь, я плохая, развратная, раз сама набиваюсь? А если ты хочешь знать, никого у меня не было и нет, одна я одинешенька, хоть в петлю лезь, и только делаю вид, что весело живу и счастливая. Чтоб не жалели...

— Не в том же дело, Аля,— сказал он.

— Помнишь, как ты от меня убежал с сеновала? Наверное, думал, что я испорченная девчонка, а я и понятия не имела о мужчинах. Просто сразу полюбила тебя, и все! И до сих пор люблю. А ты отвергаешь.

— У меня есть своя причина.

— Я знаю, ты никогда на мне не женишься,— перебила его Аля.— Ты любишь Нину. Любишь ведь? А что толку? У нее своя жизнь, сын растет. На что надеешься? Не сумел ее взять, когда свободная была, а теперь забудь мечтать.

— Не тронь ее, Алька,— сурово сказал Николай.— Это моя печаль. А тебе пора остепениться. Вышла бы замуж, детей завела.

— Да не могу я без любви выйти замуж, пойми ты! Тебя одного, дурака, люблю. Сто раз говорю, неужели не можешь понять? Давно знаю, в моем несчастье Нинка виновата. И все равно она не твоя и не будет твоею. Вышла за нелюбимого, а теперь вон и от него ушла, и к тебе не идет. Забудь ее, и все.

— Сейчас все это придумала? — строго спросил Николай.— Такими словами не шутят.

— Клянусь жизнью, ушла Нинка от мужа. Сама ее встретила, с ребеночком шла. У тетки Даши теперь живет.

— Врешь, Алька!

— Чего кипятишься? Все равно не будет твоей. Она свое понятие о жизни имеет. Привыкла на машине ездить, в большой квартире жить, красивые платья носить, в норковых шубах щеголять. А от тебя какой толк?

— Замолчи!

Алька притихла, прижалась спиной к стене.

Николай загремел стульями, в темноте искал пиджак, шапку, пальто.

— Чего вскочил как ошпаренный? Куда побежишь? — примирительным тоном говорила Алька.— Все правда, не соврала я. Не думай, что я Нинке враг. Я по-бабьи жалею ее, знаю, ей тоже несладко жилось, хоть и за инженером была. Что я, что она — обе несчастные.

Она ждала, что он пожалеет ее, скажет хоть одно утешительное слово.

Но он уже выскочил в сени, загремел засовом, хлопнул дверью, ушел.

Николай бежал к дому, где жила тетя Даша. Была глухая ночь, ни в одном окне не горел свет. Поднялся на крыльцо, постоял, отдышался, тихо постучал. Долго никто не откликался. Он стукнул сильнее.

— Кто там? — спросил голос тети Даши.

— Откройте, это я — Николай!

— Что тебе надо? Среди ночи сорвался.

— Нину позовите. На одну минутку.

Голос тети Даши ответил:

— Ничего я не знаю. Иди, шалопутный.

— Откройте дверь, тетя Даша. Это я, Николай! — напирал он на дверь, стуча кулаками.

Дверь не открывалась. Он кинулся к окну и прямо перед собой увидел бледное лицо Нины. Она быстро задернула занавеску, крикнула:

— Нет! Не-ет! Уходи!

Этот крик остановил Николая. Он спустился с крыльца и пошел куда-то в темноту.

11

Поспелова бросало в дрожь при одной мысли о том, что он должен встретиться с Николаем Шкуратовым и просить его возглавить бригаду электросварщиков. Идти на поклон к своему сопернику, умолять, унижаться и косвенно признаться в том, что прославленный электросварочный цех не может обойтись без какого-то рядового рабочего. Не много ли чести? Да и что, в самом деле, не справимся своими силами?

Он откладывал этот разговор с недели на неделю, и с каждым днем труднее и труднее было решиться на такую встречу.

Уход Нины из дому совсем выбил его из колеи. И надо же было случиться такому именно тогда, когда на заводе столько дела, не успеваешь поворачиваться.

Несколько дней он мучительно решал эту задачу, размышлял, колебался. На днях Косачев еще раз спросил у Поспелова о сварщиках и персонально о Николае Шкуратове. Он, кажется, начинает злиться. Поспелов понял, что дальше тянуть нельзя. Хочешь не хочешь, а пора решать дело. Надо идти к Николаю.

С утра, приехав на завод, Вячеслав Иванович направился в цех горячей прокатки и сварки тонких труб, где работал наладчиком младший Шкуратов. Шумели станы, лязгали и грохотали механизмы, оттягивающие от электропечи стальную огненную ленту, которая с огромной скоростью неслась по рольгангам к маятниковой пиле, отрезанные трубы ровной длины скатывались под струи водяного охлаждения. За пультами сидели операторы, вдоль линии ходили наладчики.

Появившись в цехе, Поспелов издали увидел Николая, направился к нему. Николай тоже заметил идущего по эстакаде Поспелова, насторожился. «Что ему надо? —

подумал он.— Какой у него странный взгляд, кого он ищет?»

Николай отвернулся и занялся своим делом, наклонясь к раме с рольгангами. В шуме и грохоте не услышал, как Поспелов подошел к нему сзади, остановился.

— Послушай, парень! Эй!

Николай не отвечал.

Тогда, наклонившись к Николаю, Поспелов крикнул над его ухом:

— Слушай, Шкуратов! Переходи в трубопрокатный цех. Нужны опытные сварщики. Косачев тебя просит.

Николай, не отрываясь от дела и стоя спиной к Поспелову, ответил:

— Косачеву я сам объясню. Не пойду.

Ползущая красная лента странно задергалась, в цехе усилился грохот. В глухом шуме различались какие-то странные гулкие удары и визжащий скрежет.

Поспелов встревоженно посмотрел по сторонам и сразу же понял, где неисправность.

— Это пила! — крикнул он Николаю.— Проверить надо.

— Успокоится. Визжит, как свинья.

Поспелов, однако, беспокойно оглядываясь, пошел вдоль пролета. Поднимаясь по лесенке, лицом к лицу столкнулся с Ниной. Она была в белом халате, с санитарной сумкой в руках. Опустив голову, Нина молча посторонилась, чтобы пропустить Поспелова. Он в замешательстве улыбнулся ей, но она не ответила, пошла на переход.

Визг и дребезжание усилились, оглушили Поспелова. Он заторопился к стану. Строгим и раздраженным голосом крикнул в сторону Николая:

— С пилой непорядок! Поправить надо. Иди сюда!

— Утихомирится,— спокойно ответил Николай, провожая взглядом идущую по мостику Нину. Ее появление в цехе с одновременным приходом Поспелова озадачило Николая: «Что они, сговорились?»

Поспелов уловил этот взгляд, резко повернулся к Николаю:

— Давай вниз! За мной!

Сам же первый стал быстро спускаться по лестнице, прикрывая ладонями уши, защищаясь от невыносимого железного лязга, разламывающего голову.

Николай побежал за Поспеловым, хотя на эту площадку во время работы стана входить не разрешалось.

Операторам, стоящим наверху, было видно, как внизу пробежали Поспелов и Николай, остановились под пилой, что-то кричали, пытаясь подвинтить расшатавшиеся болты.

— Вернитесь назад! — крикнул оператор. Ни Поспелов, ни Николай не слышали его.

И вдруг красный стальной канат раскаленной трубы отделился от горнила печи, отлетел, как ящерица от зажатого и оторванного хвоста, стремительно вздыбился над станом и, скручиваясь и извиваясь, пополз по бетонному полу цеха, петлей опоясывая круг, в центре которого оказались Поспелов и Николай.

Все дальнейшее произошло в одно мгновение: Николай резким толчком сбил с ног Поспелова, упал вместе с ним, накрыв его своим телом. Оператор рванулся к пульту управления, выключил стан. Все остановилось, огненная лента замерла. Рабочие бросились к товарищам, но помощь им уже была не нужна.

Ошеломленный и невредимый Поспелов уже вскочил на ноги и, озираясь вокруг, пятился в безопасное место. Николай же ловко отпрянул от жаркой ленты, не задетый огнем, и только упавшая с его головы кепка вспыхнула и загорелась, как факел.

В ту же секунду с криком сбежала вниз по лесенке Нина и, расталкивая людей, кинулась к Николаю:

— Господи! Живой? Невредимый?

С разбегу схватила, обняла, прижалась к его жесткой парусиновой спецовке. Но он виновато отступил, оглядываясь в сторону Поспелова, отстранил Нину, сказал инженеру:

— Ты целый? В порядке?

Поспелов отвернулся, закрыл лицо руками.

Сзади кто-то недобро сказал:

— Подлая! Не к мужу, а к хахалю кинулась.

Люди стали расходиться, и только оцепеневшая Нина стояла одна, не было сил крикнуть и сдвинуться с места, казалось, ей нечем было дышать. Наконец она глотнула воздух и крикнула:

— Коля! Николай!

Но голос был тихий, как шепот. Николай не услышал ее, не обернувшись, ушел.

С трудом удерживаясь на ногах, Нина медленно уходила из цеха. С каждым шагом в ушах отдавалось страшное слово: «подлая».

Она шла по улице, не видя перед собой ни людей, ни предметов. Почему-то подумала, что похожа на раненую, истекающую кровью олениху. Снег был чистый, легкий, белые звездные пушинки летали вокруг, опускались на землю, падали на разгоряченное лицо, на воротник, на плечи.

Нина с трудом добрела до дома тети Даши. У ворот натолкнулась на машину, припорошенную снегом. Облокотилась на капот, припала к обледенелому металлу, долго стояла, не чувствуя холода.

С крыльца ее позвала тетя Даша:

— Иди в дом, простудишься. Или ехать собралась?

Нина в ответ закивала головой:

— Поеду. Поеду. Давно я не ездила. Принеси ключи от машины.

— Далеко ли? — спросила тетя Даша.

— Я за Колей. В детский сад. Давно мы с ним не катались.

— Доброе дело. Езжай. Доставь удовольствие сыну.

Когда Нина села в машину и взялась за руль, настроение ее сразу переменилось. Все неприятности вмиг отошли, будто остались у ворот на месте стоянки машины, и душу охватила давно не испытываемая радость. Хотелось скорее выбраться из узких, кривых переулков на простор широкого шоссе, рвануться вперед, помчаться так, чтобы ветер свистел за стеклом. Остался еще один поворот, и можно включать самый полный ход. Давненько не ездила, черт возьми, как приятно нестись по накатанной дороге мимо старых деревьев и полосатых столбиков, плавно округляя повороты и резко осаживая машину на переездах и перекрестках! А какое удовольствие обгонять всех едущих впереди, проскакивать перед шлагбаумом в самую последнюю секунду, оттеснять к краю дороги всех, кто движется навстречу или стоит поперек!

Машина вырвалась на центральную городскую магистраль и вихрем полетела к загородной березовой роще. За стеклом быстрее закружились снежинки, с шумом мелькнул один и тут же второй встречный грузовик.

Переднее колесо стукнулось о какой-то предмет, ма-

шина прыгнула. В ушах, как удар, снова зазвенело слово «подлая». «Ничего, ничего,— стиснув зубы, думала Нина.— Только покрепче держать баранку и внимательнее смотреть вперед. Там впереди крутой поворот и спуск».

Дорога уже заворачивала влево, и темные стволы деревьев стали заслонять обзор. Нина напряглась, но не убавила скорости, желая мигом проскочить опасный отрезок. И вдруг впереди за деревьями мелькнули фигурки детей, которые бежали через дорогу в том месте, куда неудержимо летела машина. Нина сильно рванула руль вправо и врезалась в ствол старого дуба. Что-то хрястнуло, заскрежетало, хлопнуло, задымилось. Словно сквозь сон Нина услышала звонкие, живые крики детей и потеряла сознание.

Обожженную, умирающую Нину доставили в ближайший пункт медицинской помощи — в заводскую поликлинику, где она работала. Печальная весть в тот же час облетела весь завод.

В заводской поликлинике скопилась толпа рабочих. В тревоге прибежал из редакции и местный журналист Никита Орлов. Он почему-то пошел прямо к операционной, где была полуоткрыта дверь. Ему преградила дорогу высокая седая женщина в пенсне, тихо сказала:

— Пожалуйста, уйдите. Здесь посторонним нельзя.

Он послушно вернулся, побрел к выходу.

— Может, кровь нужна? — спросил чей-то голос.

— Не знаю,— тихо ответил другой.

— На всякий случай предупредить бы молодежь.

За приоткрытой дверью мелькнуло бледное лицо Поспелова.

— Борис Захарович! Спасите ее! — умоляющим тоном просил Поспелов врача.— Сделайте все возможное!

— Если бы в моих силах! — ответил доктор и, шаркая ногами, пошел в операционную.

Орлов столкнулся на лестнице со знакомым рабочим.

— Видишь как?

— Да, брат.

— Ужасное дело!

Рабочий печально кивнул головой, вздохнул, развел руками.

Никита, потирая лоб, молчал. Ему хотелось немедленно что-то сделать для спасения этой женщины, которую он знал и уважал и о которой не раз писал в газете

как о хорошей работнице. И даже фотографию сохранил у себя на письменном столе в редакции. «Какое несчастье! Такие люди не должны умирать. Надо спасать!»

...На эстраде во Дворце культуры за круглым столиком сидели местные поэты: Олег Васильев, Федор Гусаров, Вадим Крутых и тоненькая девочка с челкой — Рита Кручинина.

Роль конферансье исполняла Оля Шкуратова. Она свободно, без смущения вышла на сцену и звонким голосом объявила:

— Начинаем вечер поэтов. Со своими стихами выступает сварщик трубопрокатного завода Федор Гусаров.

Гусаров встал, поклонился и, пока публика аплодировала, подошел к микрофону. Солидно кашлянул, начал читать, закатывая глаза, размахивая руками, будто подбрасывал вверх слова, произносимые нараспев.

Я любил закат багровый,
Я любил живую рыбу,
А девчонкам чернобровым
Наносил всегда обиду.
Я девчонок страшно мучил,
Беспощаден был к девчонкам,
Был для них я грозной тучей,
Словно коршун для цыпленка.
Ненавидел всех на свете
Я девчонок длинноногих,
Но к одной попался в сети,
Прикоснулся к недотроге.
И меня сразило громом,
Электрической волною...
Я повел девчонку к дому
И назвал ее женою.

Раздались аплодисменты, шутливые одобрительные выкрики:

— Вот дает!

— Холодная обработка, горячая прокатка!

— Про себя пишет, знаем!

— Лирическая маскировка! Ловкач!

В первом ряду сидела жена Гусарова — Вера, бойко хлопала в ладоши.

— А теперь, дорогие друзья,— объявила с эстрады Оля,— познакомьтесь с нашей юной поэтессой, работницей трансформаторного завода Ритой Кручининой.

Тоненькая Рита подошла к самому краю подмостков, улыбнулась, сплела пальцы и начала читать низким драматическим голосом:

За моим окошком вечер,
Красный вечер,
Синий вечер.
        Око желтое на небе,
        А на оке Каин, Авель.
Ах какой жестокий жребий:
Братец братца убивает.
        Тыщу тысяч лет желтеет
        В небе эта панорама.
Дайте занавес скорее!
Прекратите эту драму!

Раздались аплодисменты, кто-то кричал:

— Браво! Молодец!

В зал заглянул встревоженный Никита Орлов.

«Так и знал,— с облегчением подумал он.— Полно народу. Если сказать, что нужна кровь для спасения человека, все побегут».

Никита прошел за кулисы. Подозвал Олю, наклонился к ней, что-то сказал.

Она вскрикнула:

— Какой ужас!

— Кажется, Нина Степановна умирает. Критический момент. Надо предупредить, чтобы не расходились, может понадобиться кровь.

В фойе собрались люди, тревожно и тихо переговаривались:

— ...Предложили кровь, главврач говорит — пока не надо.

Никита Орлов, Оля и Аринушкин вышли во двор, сели в машину.

— Гони в поликлинику. Жми быстрее!

В коридоре поликлиники было полутемно, люди ходили тихо, переговаривались шепотом. У окна стоял Поспелов, прикрыв лицо рукой, плакал.

Никита Орлов увидел в глубине коридора широкую спину Косачева и рядом — Пронина. Подошел к ним, тихо спросил:

— Почему все молчат? Что, а?

Косачев не ответил.

Появился главный врач. Молча снял пенсне, хотел что-то сказать, но не смог говорить. Все молчали.

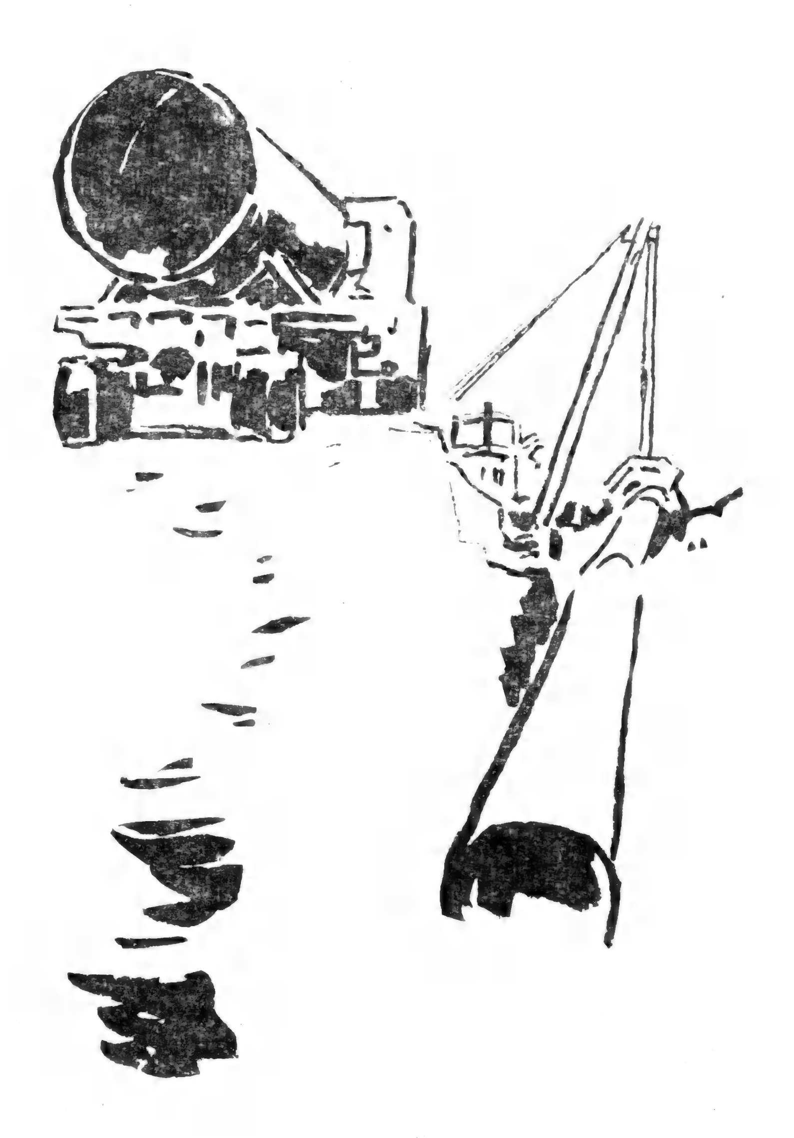
— Она умерла? — тихо спросил Орлов.

Доктор склонил голову.

Нина умирала спокойно и мужественно. Перед смертью попросила позвать Николая. Когда они остались вдвоем, она посмотрела на него умоляющим взглядом и слабым движением протянула руку.

— Не забывай Коленьку,— едва слышно прошептала Нина.— Он твой сын.

Это были ее последние слова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Ночью Косачев, Пронин, Воронков и старый егерь Серафим Матвеев сидели в охотничьем домике в лесу. Косачев шевелил палкой угли в широкой низкой печке, смотрел на огонь, о чем-то думал. У его ног на дощатом полу лежали две охотничьи собаки, и в их влажных глазах отсвечивалось пламя.

Сняв шапку и расстегнув пальто, Пронин прочищал ружье, слушая монотонный рассказ сидящего на пне су-

тулого егеря с рябым лицом, с жиденькой рыжеватой бородкой. Егерь говорил хрипловатым баском, растягивал слова, будто рассказывал сказку:

— На рассвете, по свежему снежку, всякий след виден. Где заяц пробежит, где лиса пройдет или сохатый копытом ступит, сразу узнаешь, только гляди в оба, не будь раззявой...

Воронков сидел хмурый, нахохлившийся, с досадой морщился, слушая надоевшие ему егерские рассказы. Старому рабочему было стыдно торчать в лесной сторожке в роли работника охотничьего хозяйства, вроде постороннего человека, с которым Косачев и Пронин не считали нужным говорить о заводских делах. По их виду Воронков понимал, что совсем не охотой они озабочены, а чем-то другим, каким-то важным делом, хоть и не проронили ни слова про завод, про трубы, будто он, Воронков, и не имеет никакого отношения к заводу, будто всю жизнь проторчал на этой базе. Молчат, словно чужие люди. Может, в самом деле, устали? Не начать ли разговор самому?

Он с досадой перебил егеря, сунул ему сумку с патронами:

— Перебери-ка патроны, Серафим, хватит сказки рассказывать.

Воронков сел поближе к Косачеву, кашлянул, потом осторожно спросил:

— Слышь, Серега? Подвигается дело с трубой? Здоровье-то как? Позволяет?

Косачев не ответил, глядя на огонь, думал о своем.

Охотничьи собаки при каждом стуке и шорохе поводили ушами, поглядывали то на егеря, то на Косачева, который время от времени молча гладил их мохнатые спины.

Косачев действительно совсем забыл про охоту, думал только о заводских делах. Перед глазами все время стояла трагически погибшая медсестра Нина Степановна. Не верилось, что никогда больше не увидит ее. С состраданием подумал о Поспелове, о Николае. Надо же было сплестись такому тугому узлу! Смерть теперь все развязала. Какое непоправимое горе! Погиб человек, и, что теперь ни делай, хоть переверни весь мир, человека не воскресишь!

Косачеву докладывали, что в тот злополучный день в цехе у Николая Шкуратова был Поспелов, и они сгоряча чуть было не натворили бед, нарушили технику безопасности. Надо бы наказать Поспелова, но теперь...

Воронков подвинулся ближе к Косачеву, но директор не обращал на него внимания, сидел молча.

— Так как же ты там, Серега? — в который уж раз спросил Воронков, слегка задевая Косачева локтем.— Управляешься? Ребята наши помогают?

Косачев очнулся от своих мыслей, посмотрел на Воронкова, неожиданно встал, пнул ногой головешки, упавшие на кирпичный пол.

— Кончай эту музыку, ребята. Поохотимся в другой раз. Поехали, Иван Николаевич.

Пронин отложил ружье, потянулся за шапкой.

— Согласен,— сказал он, поднимаясь с места.— Хорошо у вас, товарищи, тепло, спокойно, да жаль, времени нет. А за приют и ласку спасибо.

Косачев уже застегнул шубу и выходил из домика.

Воронков в досаде сплюнул и даже не встал с места. Собаки вытянули морды, поднялись на ноги, встревоженно поглядывали на людей.

— Я так и знал,— с болью в голосе сказал Воронков.— На заводе вон что творится, а я тут охоту налаживаю. Старый дурак! — Он принялся сердито гасить огонь, заворчал на егеря:— Завел свои сказки, как старый граммофон. Люди дело делают, а ты про собаку да про зайца. Сказитель!

Воронков и егерь вышли провожать гостей.

Машина уже фыркала, урчала и вскоре понеслась по дороге.

— Часа в два ночи Водников должен пригнать вагоны с листом. Сегодня днем звонил. Подскочим? — предложил Косачев.

— Давай, я — за,— согласился Пронин.— Спать совсем не хочется.

Директорский шофер знал все дороги и, несмотря на ночную темноту, доставил их на завод кратчайшим путем. Дожидаясь поезда, Пронин и Косачев несколько минут ходили по платформе.

— Может, предложить Поспелову отпуск? — не-

ожиданно сказал Пронин.— Послать в хороший санаторий?

— Нельзя,— ответил Косачев.— Сейчас самое полезное для него — работа. Пусть по уши лезет в работу, в этом его спасение.

К платформе подходил товарный состав. Косачев и Пронин прервали разговор. С подножки электровоза спрыгнул Водников в бараньем тулупе, в валенках. Косачев и Пронин подошли, поздоровались.

При свете прожекторов все трое прошли вдоль состава, остановились у одного из вагонов, где блестели стальные листы.

Косачев погладил сталь рукой.

— Сам проверял? — спросил он Водникова.— Не обманули?

— Сделали точно по нашим параметрам. Из глотки вырвал,— с необычной жесткостью в голосе похвастался Водников, будто все еще не остыл от драки с красногорцами. Он распахнул тулуп и показал приколотую на груди Звезду Героя.— Я ее редко ношу, а для них специально надел. Для психологической атаки.

— Помогло? — спросил Косачев.

— Еще как!

Косачев засмеялся и с гордостью сказал Пронину:

— Видал, Иван Николаевич, какой у меня главный инженер? Если что надо, достанет из-под земли.

Прямо с платформы все трое пошли через заводской двор мимо складов, производственных корпусов, разных построек, оглядывая хозяйство придирчивым взглядом. В одном месте не горел фонарь, и Косачев, взглянув на столб, сказал Водникову:

— Непорядок. Скажи, чтобы завтра же исправили.

По пути зашли в трубоэлектросварочный цех, где работала ночная смена. Обрадовали мастеров сообщением о том, что получен лист.

Потом пили чай в кабинете Косачева. Водников расстегнул ворот, снял галстук. Его бараний тулуп и ушанка лежали рядом на стуле.

— Отогрелся, Кирилл Николаевич? — шутил Косачев.— Переломили мы красногорцев, заставили перестроиться.

— Они меня чуть в порошок не стерли, я им на все

любимые мозоли наступал. Забрался в кабинет к Свиридову, директору, и прямо от него звоню в Москву, товарищу Коломенскому. Так и так, говорю, задерживают лист. Коломенский говорит: «Передай трубку Свиридову». Передаю. У Свиридова аж лицо перекосилось, так он сверкнул на меня глазами, готов был убить, но в трубку сказал со всей вежливостью: «Не беспокойтесь, товарищ Коломенский, отгрузим лист в положенный срок, пускай не паникуют». У самого аж пот по щекам разливается.

— Представляю Свиридова,— говорил сквозь смех Косачев.— Сверкает очами, как Иван Грозный. Молодец, Водников, ей-богу, молодец! Герой Советского Союза.

— Да что там! Если бы не Коломенский,— пытался объяснить Водников,— не помогла бы и Звезда.

— Хорош Свиридов, спасибо ему,— добродушно смеялся Косачев.— Дал ты им прикурить, будут знать нашего брата трубопрокатчика.

Косачев был доволен: дело идет на лад.

Посидев в тепле, выпив чаю и отогревшись после дороги, Водников почувствовал усталость. Почти трое суток не спал, отдохнуть некогда было, и весь вчерашний день до поздней ночи провел на адском холоде, продрог насквозь.

Расставшись с Косачевым и Прониным, главный инженер зашел к себе в кабинет. Было три часа ночи. Что делать? Ехать домой? А к восьми опять надо быть на заводе. Не вздремнуть ли здесь, на диване? Он потянулся, зевнул так, что чуть скулы не вывихнул. Сел на диван и почувствовал тяжесть во всем теле. Голова клонилась на грудь, веки слипались, гудели и ныли ноги. Едва пересилил себя, поднялся и подошел к телефону, позвонил домой.

В трубке тотчас откликнулся женский голос:

— Это ты, Кирюша? Наконец-то позвонил! Где ты?

— Здравствуй, героиня,— шутливо приветствовал жену Кирилл Николаевич.— Я у себя в кабинете. Только что приехал, привез лист.

— Отвоевал?!

— Целых пять вагонов. Замерз как собака, устал как черт. Дома в порядке?

— Все на своих местах. Ты голодный небось?

— Напился чаю у Косачева, не помру.

— Он тоже там, на заводе? Несчастные полуночники! По ночам не спите, а днем ползаете, как сонные мухи, и хвастаетесь энтузиазмом.

— Не бранись, героиня, береги нервные клетки. А ты, как всегда, сидишь над тетрадками? Сочинения читаешь?

— Представь, сегодня две отличные работы. Миша Кравченко — это сын вашего начальника пожарной охраны, знаешь?

— Знаю. Такой толстощекий балбес.

— Да нет, он симпатичный, умный мальчик. Так вот, он пишет в своей классной работе, что человек счастлив тогда, когда не знает, что он несчастлив.

Водников устало усмехнулся:

— Чепуха! Выходит, человек богат даже тогда, когда у него уже украли все деньги, а он еще не знает об этом.

— Не упрощай, пожалуйста,— обиделась жена.— Миша имеет в виду совсем другое. Вот послушай, что он пишет.— Она зашуршала листами тетрадки, стала читать:— «Счастье — это способность глубоко и постоянно любить жизнь, не требуя за это немедленной платы и предоставления земных благ в виде автомобиля, красивой дачи, вкусной и обильной пищи, модной одежды, выгодной должности, праздного и беззаботного существования. Тот, кто считает себя несчастным из-за того, что у него нет автомобиля или лишней пары модных ботинок,— всего лишь жалкое и ничтожное существо. Он никогда не поймет, что счастье — это великое духовное богатство человека, его способность ставить перед собой благородную цель и отдавать всего себя для ее достижения». Вот как он думает. Понял?

— Кажется, умно, хоть я и ничего не соображаю. Валюсь с ног, хочу спать,— сказал Водников, зевая.— Ты извини, дальше не читай. Я никогда не сомневался, что у такой учительницы должны быть выдающиеся ученики. Если не все подряд, то хоть один из десяти будет Циолковским, Суворовым или баснописцем Крыловым. А этот твой Миша наверняка станет председателем какого-нибудь общества.

Она засмеялась и, меняя серьезный тон на шутливый, сказала:

— Приедешь домой?

— Пожалуй, заскочу на пару часов. Хотел поспать в кабинете, да ну ее, эту кочевую жизнь! Еду.

Он вызвал дежурную машину и уехал домой.

Жена Водникова Валентина Александровна родилась в Москве в семье учителей. Ее отец и мать, дед и бабка преподавали русский язык и литературу в школе, и Валентина Александровна тоже стала педагогом, с увлечением работала в школе. Весь дом был заполнен книгами, учебниками, ученическими тетрадками и рисунками. Она всегда удивляла Водникова своей необыкновенной работоспособностью, никогда не жаловалась на усталость и недостаток времени, все успевала.

За пятнадцать лет супружеской жизни она родила трех сыновей и ни на один год не оставляла школы. Мальчики росли веселые, дружные, рано переходили на «самообслуживание», старшие помогали младшим, а малыши быстро приучались выполнять простые домашние обязанности, сами одевались, раздевались, чистили обувь, накрывали на стол, мыли посуду, ходили в булочную, учили уроки без всякого понукания. В доме всегда было шумно, весело.

Валентину Александровну за ее оптимизм, самоотверженную любовь к детям, неутомимость и жизнелюбие Кирилл Николаевич ласково называл «героиней».

Водников тихо поднялся по лестнице. Едва дотронулся до двери, как ему тотчас отворила жена. Лицо ее было свежее, гладкое, темные волосы затянуты в узел. Она не любила появляться перед мужем в халате, надела платье, накинула на плечи шаль.

Придирчиво оглядела его и рассмеялась:

— Господи, зарос-то как! Бритвы не было, что ли?

— Специально завел бороду, чтобы теплее было,— пошутил Водников.— Чистая шерсть, и бесплатно.

— Дикарь. Сейчас же сбрей. Иди в ванную.

Он разделся, пошел умываться. По пути, открыв дверь, заглянул в детскую. Мальчики крепко спали, только темнели их головы на подушках. Водников тихо спросил жену:

— Никаких чепе?

— Пьеру кошка нос поцарапала.

На завод утром Водников приехал выбритый, бодрый.

В трубоэлектросварочном цехе стоял гул. С первого взгляда вроде и не замечалось никаких перемен, а подойди к любому участку, присмотрись и послушай рабочих, сразу почувствуешь, что все трудятся в эти дни с большой собранностью и напором.

У сварочного аппарата на новом месте работал Николай Шкуратов, недавно вернувшийся в цех и по просьбе Косачева организовавший бригаду электросварщиков.

Как-то к Николаю подошел Федор Гусаров, шутливо задел товарища.

— Здорово, блудный сын! Вернулся в родной цех? Не отвык от электросварки?

— Мое же кровное дело,— улыбнулся Николай.— В любое время дня и ночи, хоть во сне спроси, все знаю.

— Много теперь вас, Шкуратовых, в одном цехе. И ты, и брат, и отец — целая династия.

— Все мы тут одной династии,— сказал Николай.— Рабочие.

У особого стана, где складывали и подгоняли полуцилиндры, усердствовали мастера, среди них Никифор Данилович. Тут же стояли Косачев, Пронин, Уломов, секретарь горкома Астахов, Водников и Поспелов. Вместе с мастерами и рабочими приглядывались к работе формовщиков и сварщиков. Дело подвигалось медленно, туго.

— Не резво бежим, братцы,— покачал головой Астахов.— Газопроводчики и нефтяники житья не дают, засыпали телеграммами, хоть караул кричи. Когда же сдвинемся?

— Скажи свое слово, Никифор,— попросил мастера Косачев.

— Я думаю, можете заверить газовиков, что через три недели пошлем первую партию опытных труб для апробации. Пускай готовят вертолеты или еще какой воздушный транспорт, чтобы никакие там разливы, леса, болота или иное бездорожье не чинили задержки. Видишь, что в природе делается? Все тает, слякоть. Весна идет, а там и лето не за горами.

— Верно, предупредить надо,— согласился Аста-

хов.— Однако и вы торопитесь. Любое время года нам не помеха.

Косачев увидел Николая Шкуратова, улыбаясь, подошел к нему, откровенно любуясь подтянутым рабочим.

— И ты здесь? Спасибо, Коля! Как бригада? Справится с делом?

— Да все наши же ребята, Сергей Тарасович. Дело знают.

— Сам вижу, работаете хорошо, да надо еще лучше. Вон какие орлы! — похвалил ребят Косачев.— Давайте, хлопцы, жмите, не подкачайте. Слыхали, что Никифор Данилович обещал? Чтобы через три недели отправить трубы на газопровод!

— Так и будет,— подтвердил Николай.

Наступали самые трудные дни, начинался главный, решающий этап сражения за трубу. Цех работал напряженно, собранно, и, если кто-нибудь допускал промашку или поддавался расхлябанности, ему давали такую взбучку, что он не находил себе места от стыда перед товарищами.

Возглавив бригаду электросварщиков, Николай Шкуратов собрал самых опытных, толковых ребят. Работали с азартом.

Наладчики осваивали подгонку полуцилиндров, однако не все получалось так, как было запроектировано. То и дело возникали осложнения с формовкой, с выравниванием профиля листа, с заточкой кромок. Электросварщики долго бились над сваркой внешних и внутренних швов, применяя новые методы. Много времени уходило на настройку аппаратов, нужно было внимательно следить, чтобы линия внутреннего шва точно совпадала с линией внешнего. Рентген с каждым днем фиксировал все меньше сбоев, и наконец операция была освоена так, что даже малейшие отклонения линий внутреннего и внешнего швов исключались. Сварщики полностью гарантировали надежность своей работы. Тщательные испытания рентгеном, гидравлическим давлением, механическими ударами проходили успешно, и при самом придирчивом осмотре не обнаружилось никаких изъянов.

И все же опытное производство труб не было освоено до конца. Продолжались поиски способов более эффективного и упрощенного подравнивания и шлифовки

торцов, надежной и прочной стыковки, зачистки внутренних швов, обработки поверхностного слоя внутренней части трубы.

У электросварщиков, всегда готовых к бою, бывали простои, так как в течение смены иногда приходилось ожидать, пока формовщики и фрезеровщики обработают трубу и передадут для сварки. В такие минуты электросварщики задевали других рабочих, покрикивали:

— Что, братцы, уснули? Не смазать ли вас скипидарчиком?

Никифор Данилович спокойно отвечал:

— Кто спешит, тот людей насмешит. Семь раз отмерь, один раз отрежь, так-то вернее будет, ребята.

И все «мерили» семь раз по семь, делали свою работу мастеровито, прочно, надежно.

2

Николай после гибели Нины как будто повзрослел, стал более серьезным, сдержанным. С приходом в трубоэлектросварочный цех весь отдался работе. Шло время, и Николай постепенно приходил в себя, но никак не мог забыть страшной гибели Нины. Все время думал о ней. И только теперь становилось ясно, что он никогда по-настоящему не понимал Нину, ее сложного, своеобразного характера. В каком ужасном заблуждении он жил! Почему так случилось? Легкомыслие молодости? Глупая бравада? Безответственная игра чувствами? Как хочешь назови, а всего, что случилось, уже не исправишь, не переменишь.

Терзая себя, Николай стал добрее относиться к Поспелову, даже жалел его, сочувствовал страданию этого человека, ибо видел и понимал, что Поспелов искренне любил Нину и был несчастным, не добившись ее ответной любви. Теперь он понимал, что Нина никогда не любила Поспелова.

Все, что произошло между Николаем и Ниной, теперь виделось как бы заново, по-другому, чем прежде. Он не мог простить себе легкомысленной мальчишеской запальчивости и винил только одного себя в том, что едва зародившееся в чистой девичьей душе нежное чувство

любви было им же самим жестоко и грубо растоптано. Разве не так? Он первый сделал неверный шаг, оттолкнул ее, оскорбил и потом обвинял ее же в неверности, не мог ей простить, что, оскорбленная им, Нина вышла замуж за другого, нелюбимого. Какой жестокий урок! И вот расплата!

Мать сочувствовала ему, вздыхала.

Алька тоже жалела Николая. При встрече с ним не знала, как вести себя. В самом деле, как теперь быть? Как подойти к Николаю? Получается, будто она рада, что Нина погибла? Это же не так, Алька сама переживает, такого несчастья она никогда не желала.

Шло время, надо было жить дальше, что-то предпринимать, и Алька однажды решилась серьезно поговорить с Николаем. Он возвращался домой ночью, шел один от трамвайной остановки. Алька неожиданно вышла из-за дерева, преградила ему путь. Он остановился, посмотрел на Альку с удивлением и досадой. Она же внезапно в порыве нежности кинулась ему на шею, заплакала в голос:

— Жалко мне Нину, Коля. И себя жалко. И тебя тоже. Что теперь будет с нами?

Он снял Алькины руки со своих плеч, оттолкнул ее, молча ушел.

Алька прислонилась к дереву, стояла, не решаясь бежать за Николаем.

Петр Максимович Воронков время от времени навещал своих родственников. С тех пор как его многочисленную семью расселили из старого дома по новым квартирам, он, по заведенной привычке, как глава и старейшина рода, испытывал постоянное беспокойство за сыновей, дочерей, снох и внуков. Только ни разу не был у Веры и Федора, все сердился, что строптивая дочь пошла против родительской воли. Теперь же, когда ему особенно муторно было сидеть на Оленьих озерах, вдали от завода, от всех родных, Петр Максимович совсем заскучал. Нечего сказать, удружил ему Косачев теплое местечко.

После неудачной попытки Косачева поохотиться Воронков окончательно извелся от тоски по людям. С женой

разговаривал раздраженно, с егерем почти не говорил, срывал зло на собаках, которых любил. Все вспоминал о последней встрече с Косачевым. С каким укором посмотрел на него тогда директор и как обидно сказал, что другие не прячутся по углам! Выходит, что он, Воронков, спрятался, испугался трудностей? Ой как это тяжело, как несправедливо! Хоть бросай все к чертовой матери и беги на завод. Да стыдно же. Сам подал в отставку, согласился жить в этом лесу, в тихом месте, на свежем воздухе. Долго скрывал свои муки от жены, наконец придумал, как ее обмануть, съездить в город, сделать разведку.

— Хватит обижаться на Федора с Верой,— пересилив себя, сказал Воронков жене.— Съезжу я к ним, посмотрю, как там. Не балует ли разлюбезный зятек, не пьет?

— Наведайся, отец, прости молодым обиду,— поддержала Воронкова Алена Федоровна.— И я бы с тобой подалась, да ноги болят, ревматизм опять разыгрался.

— Сиди, не трудись, без тебя справлюсь,— охотно согласился Воронков и собрался один, как и хотел.

Вера не раз приглашала родителей к себе в гости, на новоселье звала, да и Федор трижды приходил, упрашивал Петра Максимовича и Алену Федоровну. Заупрямились старики, то на нездоровье ссылаются, то на занятость, то на непогоду. Ясно, что никак не могут простить молодым их своеволия, хоть и сами видят — ничего плохого дочь не сделала, а Федор оказался вроде хорошим парнем, образумился. В самом деле, неловко было на душе у отца и матери, пора бы простить молодых, чего зло копить, не в обычае это у Воронковых. Поворчали, посердились, и хватит. Чует Воронков, что пришло время мириться. Будешь дальше упрямиться, правильно скажут люди: столько лет прожил, а ума не нажил. Учить надо добром, а не злом.

Пока Петр Максимович добирался до зятя с дочерью, ему вспомнилась вся история Федора, во всех подробностях, как потом не раз рассказывали и сам Федор и Вера.

Было это года четыре назад, когда Вера еще училась в школе, кончала восьмой класс. Весной ей исполнилось

шестнадцать, и в тот день, когда девушка получила паспорт, родители подарили дочке ручные часы, привезенные по их заказу из Москвы.

Как-то вечером Вера возвращалась домой из кино. Завернула в переулок и пошла по старой аллее. Вдруг услышала сзади чьи-то торопливые шаги, оглянулась и увидела подбегающего паренька в расстегнутом пальто, без шапки. Он прерывисто дышал и хриплым голосом приказал девушке:

— Стой!

Она остановилась, удивленно оглядела парня:

— Что надо?

— Деньги есть?

— Откуда?

— А часы? — преградил ей дорогу парень.

— Есть,— сказала она добродушно.— Хотите узнать, который час?

Он схватил ее за рукав.

— Не трави баланду, снимай!

Девушка рванула руку.

— Катись отсюда! Пусти!

Он схватил ее за шею, стал душить. От парня несло спиртным. Вера толкнула его так, что он упал на асфальт, а сама бросилась бежать. Но парень тут же вскочил на ноги, догнал девушку.

— Снимай часы, дура! А крикнешь — удушу. Ну! Снимай!

Девчонка оказалась не из робких, ловко подставила подножку. Он схватил ее за ногу, повалил на землю. Борьба продолжалась. Он цепко поддел пальцем ремешок, рванул, и часы оказались в его руке.

— Отдай! — кричала она парню.— Отдай! — Она схватила его за руку, он вырывался, норовил убежать.— Стой же! Стой! — кричала она.

Они не заметили, как на аллее появился милиционер.

— Прекратите драку!

Парень вырвался, хотел убежать, но милиционер удержал его:

— Куда навострился? Что за драка?

Девушка, стоя в стороне, поправляла прическу, застегивала пальто, сердито смотрела на парня.

— Он бил вас, девушка? — спросил милиционер.— Что вы молчите?

— Часы отнимал, умник. А это подарок. В драку полез, нахальный какой.

— Врет она,— пытался вывернуться парень.— Не отнимал я.

Девушка вспыхнула, оскорбленная такими словами:

— Да ты еще и негодяй! Вру? А зачем крутил руки? Пьяница!

— Прекратите спор. Следуйте за мной в милицию,— сказал милиционер,— там разберемся.

В отделении милиции составили протокол, из которого явствовало, что ученик ремесленного училища Федор Гусаров задержан на месте преступления, когда он в нетрезвом виде напал с целью грабежа на школьницу Веру Воронкову, избил ее и насильно снял с руки часы, обнаруженные у него в кармане при обыске, учиненном во время задержания. За совершенное преступление гражданин Гусаров должен понести наказание согласно Уголовному кодексу и т. д. и т. д.

Пока составляли протокол, парень всхлипывал, поглядывая на девушку, которую пытался ограбить. Сейчас он не испытывал к ней никакого враждебного чувства, виновато улыбался. Она же укоризненно покачивала головой, растирая тонкими пальцами синяк на шее. Между прочим, с удовольствием заметила, как здорово расписала ему щеки своими острыми ноготками. «Получил часики? Будешь помнить!» Но потом, когда паренек, всхлипывая, несколько раз взглянул на нее виноватым, раскаивающимся взглядом, ей стало жалко грабителя.

— Ладно,— великодушно сказала Вера милиционеру.— Я прощаю его. И часы пусть возьмет, если ему так нужны. Не жалко.

Милиционер и следователь переглянулись, скрывая улыбку: «Наивная девочка!»

Но парень поверил в возможность такого простого исхода. Стыдливо заулыбался:

— Теперь мне часы не нужны. Сдуру полез. Простите.

Слово «простите» он произнес так, что оно относилось и к девушке и к милиционерам.

— Вы свободны, девушка,— сказал следователь.— Можете идти домой. Когда понадобитесь, вас пригласят.

— А я? — настороженно спросил парень.— Мне тоже можно уйти?

Милиционер кинул на парня иронический взгляд: дурак или прикидывается дураком?

— Вы останетесь под стражей. Вас будут судить.

Эти слова услышала девушка на пороге, внезапно остановилась, будто споткнулась, сказала милиционеру:

— Да что вы? Не надо его судить. Он больше не будет. Отпустите его, он же по глупости. Дурной какой-то.

Милиционер открыл перед девушкой дверь, вежливо сказал ей:

— Идите, девушка. Мы разберемся. Идите.

На суде Федор Гусаров чистосердечно признался, что действительно напал на девушку с целью ограбления и силой снял с ее руки часы. В тот вечер он с приятелями выпил вина, захмелел. Ребята захотели еще выпить, но не было ни вина, ни денег. Тогда один из них сказал:

— Дежурный магазин еще открыт, надо раздобыть деньжат.

— А где? — спросил подвыпивший Федор.

— Отними у кого-нибудь на улице или сними часы,— сказал старший из ребят, корча пьяную рожу.— Что? Слабо? Боишься?

Чтобы доказать свою смелость, Федор пошел на добычу.

— Только с мужиками не связывайся,— крикнул вдогонку приятель.— Лучше старушку или девчонку!

На суд вызвали свидетелей, в частности, дружков Федора, которые подпоили его и спровоцировали на грабеж. Они все, как один, говорили на суде, что никакой выпивки не было и что в тот вечер они якобы вообще Федора в глаза не видали.

Тогда Федор впервые узнал, что такое подлость.

В качестве свидетеля явился на суд и старый рабочий Петр Максимович Воронков. Верин отец. Дело в том, что мастер Воронков вел практику в училище и лично знал паренька.

Петр Максимович пришел на суд и, увидев Федьку сидящим под стражей, приблизился к нему и прямо при всех дал парню звонкую затрещину:

— Эх ты, дурень сопливый!

— Ну, ну! — строго остановил старика милиционер.— Нельзя!

Воронков, вытирая платком багровое, сердитое лицо, отошел в сторонку.

Дирекция училища и старые рабочие просили отпустить Федора на поруки, но суд не согласился. Для примера и науки другим Федора осудили и отправили в трудовую колонию.

Из колонии Федор писал Вере письма, просил прощения: «Скажи Петру Максимовичу, что мне было стыдно смотреть ему в глаза». Вера не отвечала, и он в конце концов тоже перестал писать.

Но когда отбыл наказание и вернулся, стал искать свидания с Верой. К тому времени она уже работала на заводе. Страшно волновался, боялся, что Вера не захочет с ним встретиться, будет презирать его, а он полюбил Веру, жил одним желанием — заслужить ее прощение. Твердо решил до конца своих дней жить честно.

Федор тогда не знал, что и Вера думала о нем с тревогой, вспоминала и жалела. Он нашел ее. Они встретились странно, как будто давно уже объяснились в любви и дали обещание никогда больше не разлучаться.

О возвращении Федора и о том, что он встречается с Верой, вскоре узнала вся семья Воронковых. Мать, братья, сестры всполошились:

— Опомнись, Верка! Зачем тебе такой? Пожалеешь...

— Хватит вам причитать! Все шарахнулись от человека, что же ему, пропадать? Ну, оступился по молодости, глупый был.

— А как снова разбойничать станет? Запьет? — упрямился Петр Максимович.— Не пара он тебе, дочка.

Вера возмутилась:

— Измучили вы меня. Он совсем не такой.

— А где жить будете? К нам приведешь?

— Он гордый,— сказала Вера.— У товарища в углу ютится, а к нам не пойдет.

Так и тянулась эта история почти целый год.

...Петр Максимович приехал к зятю и дочке как раз в обеденное время. Дома был один Федор.

— А где же Верочка? — спросил Петр Максимович, внимательно разглядывая квартиру и всю обстановку.

Федор обрадовался тестю, засуетился:

— Вера в техникуме, на занятиях. Скоро придет, вместе будем обедать. Раздевайтесь, пожалуйста, посмотрите телевизор, а я займусь пирогом, обещал Верочке.

— Давай занимайся,— одобрительно сказал старик, ощупывая диван и стулья.— Порядок у вас, вижу, ладно живете.

— Плохо, что в разные смены работаем,— донесся из кухни голос Федора.— Почти не видимся с Верой, все врозь. А сегодня удачный день, и вы как раз пришли. Прямо праздник.

«Хозяйственно рассуждает,— подумал Петр Максимович.— Слава богу, кажется, не прикидывается».

— Как дела на заводе? С трубой этой — ладится? — спросил Воронков.

— Вздохнуть некогда. Новое дело, всем интересно. Правительственное задание.

— Думаешь, справимся?

— Какие могут быть сомнения?

Тесть прошел на кухню и, глядя на зятя, любуясь, как он ловко и умело все делал, спросил:

— Не обидно тебе, что самому приходится суп варить да пироги стряпать? Вроде не мужское это дело.

— Так для себя же, для нас то есть.

— Не всякий так думает, иной все на жену сваливает. А Верка твоя скоро выучится?

Он нарочно сказал «Верка твоя», как бы подтвердил, что никакого сомнения в прочности союза молодых у него больше нет и он спокоен, что у любимой дочери такой муж.

Вскоре пришла Верочка, обрадовалась отцу. Оглядывая дочь со всех сторон, отец зорко взглянул на ее талию.

— Деток не ждете? — просто спросил он со стариковской прямотой.

— Успеем! — засмеялась Вера.— Сами еще маленькие.

Сели обедать. Воронков с подначкой сказал:

— А рюмки что же не поставили? Из чего пить будем?

Федор растерянно заерзал на табуретке, виновато сказал:

— Вы извините, не держим спиртного. Сбегать? Я вмиг.

— Не надо, сиди! — сказал Воронков, довольный своей проверкой.— Бросил пить, так и не начинай.

Он съел несколько ложек супа и будто между прочим спросил:

— А про нас, стариков, не спрашивал Косачев? Про меня, к примеру, ничего не говорил?

— Он стариков жалеет, все молодежь выдвигает.

Воронков замолчал, насупился, склонился над тарелкой.

3

В обещанный срок была изготовлена первая партия новых труб и отправлена на один из участков Газстроя для испытаний в условиях промышленной эксплуатации.

Вертолеты с трубами появились над трассой газопровода в ослепительно яркий, солнечный день. На белый снег с гулким перезвоном падали и скатывались темные трубы, тускло поблескивая на солнце.

Косачев был доволен и не скрывал своей радости. Кажется, скоро он сможет доложить в Москву о готовности завода к серийному производству, пригласить правительственную комиссию, зафиксировать все, а там и начинать дело в широком масштабе. Пока для верности надо подождать подтверждения Газстроя, все-таки это немаловажный факт — признание трубы эксплуатационниками. Косачев был уверен в прочности труб, и дни ожидания казались ему напрасно потерянным временем, он терпел эту отсрочку, как ритуальную неизбежность. Сам беспрерывно звонил на газопроводную трассу, требовал, чтобы скорее укладывали сделанные заводом трубы, торопил строителей.

Наконец с трассы пришло сообщение, что трубы стыкуются и закладываются в траншею.

— Как ваше мнение? — кричал Косачев в трубку телефона, разговаривая с начальником Газстроя.— Все в порядке?

— Мои инженеры хвалят, уверенность есть,— отвечал начальник стройки.— Основательно сделано.

— Значит, даете добро?

— Лучше подождать, пока пустим газ. А то знаешь пословицу: не говори гоп, пока не перепрыгнешь?

— Чего вы там осторожничаете, перестраховщики? Нам же каждый день дорог! — раздраженно кричал в трубку Косачев.

— Мы и сами заинтересованы.

— Что скажем Москве? — спрашивал Косачев.— Будем просить добро? Пока вы там возитесь с испытаниями, я начну производство. Рискнем?

— Решай сам, тебе виднее... Труба вроде надежная.

Косачев остался недоволен, хотя и хорошо понимал, что без окончательной проверки строители не могли принять решение.

— Как думаешь, Иван Николаевич, подождем? — спросил он Пронина.— Я и так бы рискнул, а ты?

Пронин не торопился с выводом, ходил по кабинету, думал, Косачев нетерпеливо поглядывал на Пронина. Наконец Пронин сказал:

— Давай попросим Водникова, пусть слетает на трассу. Ознакомится с делом на месте. По-моему, все же следует подождать, кто знает, как будут вести себя наши трубы в общей системе газопровода?

Косачеву не нравилась нерешительность Пронина. Но, подумав, он согласился с Прониным:

— Хорошо, пусть Водников летит на трассу.

Главный инженер немедленно вылетел к газовикам на вертолете. Каждый день звонил Косачеву с трассы газопровода, докладывал о ходе дел. Наконец сообщил, что газ пустили, трубы ведут себя отлично.

— Теперь все! — радовался Косачев.— Можем докладывать Москве о готовности к серийному производству.

Водников возвратился через два дня, рассказал, что он сам присутствовал при пуске газа и что их трубы, уложенные на участке газового коллектора, поставлены под полную нагрузку и выдержали напор. Газовики одобряют.

Косачев, Пронин, Водников, Уломов, Поспелов еще раз обошли все участки цеха, где продолжалась работа, убедились, что для сдачи в эксплуатацию первой линии

трубоэлектросварочного агрегата все готово. Кажется, теперь все налажено, выверено. Можно докладывать министру.

Косачев и Пронин поднялись в директорский кабинет. Оба присели к столу, молча закурили. Затянувшись несколько раз, Косачев ткнул сигарету в пепельницу, примял пальцами.

— Итак, докладываем? У тебя нет сомнений, Иван Николаевич?

— Никаких.

— У меня тоже.

Косачев вызвал Елизавету Петровну и попросил соединить его с министром. Пока ждали звонка, оба волновались, сохраняя друг перед другом спокойствие. Пронин опять вынул из кармана сигареты, Косачев тут же потянулся к пачке.

— Ты же собирался бросать?

Косачев махнул рукой и зажег спичку. Пуская табачный дым, шагал вдоль аквариума и сквозь затуманенные стекла разглядывал рыбок.

— Внук мой, москвич, страсть как любит аквариум с рыбками,— мечтательно сказал Косачев, любуясь переливами света в темно-зеленой воде.— Недавно я подарил ему круглый аквариум, сколько радости было!

Пронин внимательно слушал Косачева, будто ни о чем другом и не думал в это время. Подошел к Сергею Тарасовичу, стал рядом и так же, как и директор, уставился на аквариум с пестрыми красноперыми рыбками.

— Мне эта штука навевает мысли о море,— признался он Косачеву.— Вспоминаются детство, всплеск воды, крики птиц. Хочется идти и идти босиком вдоль берега по мокрому песку, как все мы ходили в детстве.

— У тебя еще нет внуков? — спросил Косачев.

— Да где там! Сыну всего девятнадцать лет. Не женат. В военно-морском училище учится. Высоченный, как корабельная мачта.— Он достал из кармана бумажник, развернул и показал Косачеву фотографию.— Вот посмотри, Сергей Тарасович.

На Косачева глянул ладный круглощекий юноша с широкими плечами, браво поднятой головой, открытым лицом, сдержанной улыбкой.

— Какой молодец! — похвалил Косачев.— Как зовут?

— Пашкой. Павел Иванович,— ответил Пронин.— Осиротил нас, оставил одних. Мы с женой мечтали отдать единственного сына в какой-нибудь приличный московский вуз, чтобы учился и жил с нами, а он выбрал свое. Подал заявление в военно-морское училище и уехал в Ленинград. Второй год без сына живем, какая-то пустота в доме.

Косачев молча кивал головой, не выпуская из рук фотографии, и все поглядывал на портрет парня, будто старался запомнить черты.

— Морским офицером будет. Молодчага, богатырская стать. А мать успокоится, лишь бы сын был счастливым.

— Да и мне было жалко расставаться,— признался Пронин.— Со временем, конечно, все уляжется, войдет в свои берега.

— Уляжется,— сказал Косачев.— Сын уехал в другой город — это не горе, Иван Николаевич. Вот мой ушел на войну. Ушел навсегда.

Косачев еще раз взглянул на фотографию и как бы нехотя вернул ее Пронину.

— Добрый мальчик? — спросил он.

Пронин сочувственно смотрел на Косачева, будто был виноват в том, что нечаянно пробудил в нем столь горькие воспоминания.

— Серьезный парень,— сказал Пронин, беря фотографию из рук Косачева.— Старательный, правдивый.

— Береги его.

Закурили еще по одной и опять разошлись на прежние позиции. Косачев повернулся к аквариуму, рассматривал рыбок, а Пронин шагал по мягкому широкому ковру, курил сигарету и поглядывал на стол, где был телефонный аппарат.

Связь с Москвой почему-то задерживалась.

Пронин подошел к окну, стал смотреть на огромные корпуса завода, освещенные светом электрических фонарей. Вокруг все было укрыто белым снегом, сквозь ветви деревьев, оплетенных инеем, как мраморными кружевами, просвечивались желтые стены строений.

Косачев уловил взгляд Пронина, незаметно подошел

к нему, стал рядом и тоже посмотрел на панораму завода.

— Нравится, Иван Николаевич? — спросил он с тайной гордостью.

— Прекрасный вид! — откликнулся Пронин.— И какая-то богатырская сила во всем.

— Красивый пейзаж,— согласился Косачев.— А что тут было тридцать лет назад? Дикая степь.

— Да, не одни пейзажисты поработали здесь. Какая дьявольская энергия, мощь! Грандиозно! Честное слово, завидую я тебе, Сергей Тарасович: какую махину ты сотворил за свою жизнь!

— Разве я один? Это дело рук целого поколения. Ты завидуешь мне? А я завидую тебе,— лукаво сказал Косачев.

Всегда прямой, Косачев редко говорил загадками. Уловив особый тон, Пронин насторожился:

— Почему мне завидуешь? При чем тут я?

— Я смотрю вперед, Иван Николаевич,— отозвался Косачев.— Завидую тебе потому, что ты молодой.

Пронин с удивлением повернулся к Косачеву:

— Извини, я не понял тебя, Сергей Тарасович.

— А что тут понимать? Я всем молодым завидую. Какие дела вас ждут впереди, какие перспективы! Все наше богатство примете на свои богатырские плечи, пойдете дальше нашего. Я не только о себе говорю, а обо всех, кто начинал с нами и кто с нами скоро уйдет. Не пустое поле за собой оставляем. Вон какой урожай: заводы, города — все, все новому поколению, как своим сыновьям, отдаем.

Пронин внимательно смотрел на Сергея Тарасовича, слушал его слова и впервые подумал о возрасте Косачева. Да он еще не стар, смотри, какая живость во всем, какой поразительный ум, львиная хватка! Вон как силен!

А Косачев тоже молчал и думал о Пронине: «Вот кого надо поставить вместо меня. Отличный будет директор. Мне не безразлично, кто придет на завод, нужен крепкий специалист и организатор. То, что мы сейчас делаем, только начало, а дальше пойдут такие дела, что и представить трудно. Я вижу, Пронин все отлично понимает».

Они молча стояли у окна, смотрели на заводские кор-

пуса. Каждый думал о своем. И Косачеву и Пронину казалось, что они слышат шум и грохот машин — живое, горячее биение железного сердца завода.

Телефонный звонок нарушил тишину в кабинете. Косачев взял трубку. На проводе была Москва.

— Здравствуйте, Павел Михайлович,— сказал в трубку Косачев.— Докладываем: завод готов начинать серийную сварку двухшовных труб. Опытный этап закончился успешно.

— А что думает Пронин? — спросил министр.

— Полностью согласен со мной. Он здесь, сидит рядом.

— В таком случае, сегодня же вылетайте с Прониным в Москву,— сказал министр.— Вместе доложим в ЦК, направим к вам правительственную комиссию.

Косачев переглянулся с Прониным, сказал министру:

— Разрешите мне остаться на заводе, Павел Михайлович. Пронин доложит один, он полностью в курсе, у нас никаких разногласий. Нельзя ни на минуту охлаждать коллектив, я должен быть здесь.

— Я не возражаю. Пронин согласен ехать один? Сможет доказать?

Косачев повернулся к Пронину:

— Я думаю, вполне сможет. Поедешь без меня, Иван Николаевич?

— Если ты так считаешь.

Косачев энергично кивнул головой.

— Я согласен приехать, Павел Михайлович,— подтвердил Пронин в телефон.— У нас с Сергеем Тарасовичем полный контакт.

— Хорошо,— ответил министр.— Жду вас в Москве. До свидания!

Пронин положил трубку. Помолчали.

— Давай действуй, Иван Николаевич,— подбодрил Пронина Косачев.— Смелее натягивай вожжи.

Пронин смущенно взглянул в лицо Косачеву:

— По правде, неловко мне без тебя, Сергей Тарасович. Все же твоя работа.

— Сочтемся славою,— просто сказал Косачев.— У меня к тебе маленькая просьба: возьми посылочку для внука. Давно обещаю ему нашу уральскую белочку. Живую.

В кабинет неожиданно ворвались Водников и Поспе-

лов. Главный инженер буквально задыхался от потрясения.

— Слыхали, товарищи? Беда!

— Несчастье! — крикнул в тон Водникову растерянный Поспелов.

— Что такое? — спросил Косачев.

— Трубы лопнули! И как раз наши. Колоссальный взрыв!

— Да говорите вы толком. Когда лопнули? Где?

— На трассе. После моего отъезда. Вот телеграмма. Слава богу, без жертв.

Косачев выхватил из рук Водникова телеграмму, быстро прочитал, смял в кулаке.

— Не может это быть! Чепуха!

— Не может быть,— убежденно повторил косачевские слова Поспелов.

В кабинет вошел Уломов.

— Слыхал? — спросил Косачев.— Этого не может быть!

— А как же телеграмма? — сказал Уломов.

— Не разобрались, паникеры,— протянул Косачев телеграмму Пронину.

Пронин взял измятый листок, разгладил, внимательно прочел.

— Верю — не верю. Перед нами факты. Ты извини, Сергей Тарасович, мы обязаны доложить министру и товарищу Коломенскому.

— Да не может этого быть! Я абсолютно уверен в расчетах,— упрямо твердил Косачев.

— Я говорил,— пробормотал Водников.

— Надо действовать, а не гадать, Сергей Тарасович. Звони еще раз министру и Коломенскому, сам объясни,— сказал Пронин.

— Нет уж, звони ты! И разбирайся объективно! Разбирайся! А я немедленно вылетаю на трассу. Собственными глазами должен увидеть. И вы со мной,— приказал он Водникову и Поспелову.

— И я,— сказал Уломов.

— И возьмите сварщиков. Обязательно Николая Шкуратова, у него точный глаз и твердая рука.

— И я полечу,— сказал Пронин.

— Нет уж, ты звони, расследуй. И вообще, мне не на

кого завод оставлять, уполномоченный! — Косачеву было обидно, что Пронин не поверил в прочность его труб, он резко бросил с порога: — Паникеры! Ты пойми, Иван Николаевич, тут что-то не так. Мы же учли прошлогодний урок. Теперь совсем другие трубы. Не могут они лопаться!

4

Летчик опустился на ближнем участке трассы, где накануне произошел взрыв. Косачев, Водников, Поспелов и Уломов спрыгнули на скалистый грунт, за ними высадились Николай Шкуратов, Федор Гусаров, Степан Аринушкин и еще несколько сварщиков.

Навстречу прибывшим подошли местные начальники и среди них — Салгиров, который присутствовал на совещании в ЦК, когда обсуждалось предложение Косачева. Поздоровались, молча пожимая руки другу другу.

— Что случилось? — сурово спросил Косачев.

— Рвануло так, что не дай бог. Трубы не выдержали.

— Наши?

— Ясно, что ваши,— подтвердил Салгиров.— Как раз у выхода из газового коллектора, где максимальное давление.

— По швам?

— Что?

— По швам, говорю, лопнули трубы?

— Сам черт не разберет, как это вышло,— сказал спутник Салгирова молодой инженер Антонов.— Есть заключение комиссии. Опытные эксперты, объективные факты.

— Где заключение?

— В конторе.

— Покажите место аварии. Куда идти?

— Прямо.

Лагерь газовиков раскинулся по широкому пространству, то там, то тут маячили вышки высоковольтной линии, подъемные краны, бульдозеры, трубоукладчики, телеграфные столбы. На всем пути работали строители газопровода, механики, шоферы, сварщики, уступали дорогу, молча и недружелюбно провожали Косачева и его спутников осуждающими взглядами.

Наконец подошли к воронке. Косачев внимательно и придирчиво осматривал все. Спрыгнул в траншею. Полез по трубам, нагнувшись и выставив вперед голову. Поднял осколок кирпича, постучал по стенкам труб изнутри. Трубы гулко гудели. Осмотрел продольные швы, залезал вглубь, в русло трубы, ощупывал стенки.

Все молча топтались на месте, ждали Косачева. Он вылез из трубы измазанный и помятый, стал дотошно осматривать рваные края разрыва труб на месте их стыковки.

В это время принесли бумаги с заключением комиссии.

— Тут длинно написано, читай сразу вывод,— сказал Салгиров, шурша бумагами, не выпуская их из рук, чтобы не унес ветер.

Косачев наклонился, быстро пробежал глазами исписанные листы.

— Мудрецы твои эксперты,— отрубил Косачев, прочитав вывод.— Тут же малому ребенку ясно! Пишут правильно, что разрыв на стыковке, а причину видят в низком качестве труб. Ты погляди, Салгиров, трубы целы, как монолит, а разрыв на самой стыковке. При чем же здесь наши трубы? Это ваша сварка никуда не годится.

Косачев, широко шагая, вернулся к трубам и повел за собой других.

— В самом деле,— сказал Уломов.— Взгляни-ка, Вячеслав Иванович, ты специалист по сварке.

Поспелов внимательно разглядывал швы стыковки.

— Сергей Тарасович прав. Грубая ошибка сварщиков.

Косачев осмотрел еще одну трубу и еще. Подозвал Николая Шкуратова:

— Смотри, Николай, как делают.— Он иронически улыбнулся: — Мастера! Пошли в контору.

Он легко вылез из траншеи, пошел твердым шагом, и все последовали за ним.

По телефону Косачев вызвал Пронина:

— Ну что, Иван Николаевич, доложил в Москву?

Пронин стоял у аппарата в кабинете Косачева.

— Извини, Сергей Тарасович, дело, кажется, осложняется. Мой звонок всполошил министерство. Министр

говорит, что немедленно высылает комиссию на трассу Газстроя.

— Пусть не поднимают панику, Иван Николаевич. Трубы тут ни при чем.

— Но взрыв-то был?

— Был. Но по другой причине, сами разберемся.

— Комиссия уже в пути, вылетела самолетом.

— В таком случае, я остаюсь здесь,— резко сказал Косачев в трубку.— Ты пойми, Иван Николаевич, без меня тут любая комиссия так напутает, что целый год будем разбираться. А дело остановим, и надолго, поверь мне. Этого нельзя допускать, ни в коем случае!

Прибывшая из Москвы комиссия установила, что разрывы образовались на стыковочных швах. Не обнаружив дефектов в самих трубах, комиссия все же воздержалась от признания их вполне пригодными к промышленной эксплуатации и рекомендовала заводу продолжить эксперимент, не приступая к серийному производству.

Из кабинета Салгирова Косачев позвонил министру, заявил протест против решения комиссии.

— Не горячитесь ли? — спросил министр.— Может, проверить еще раз?

— Никому не нужная потеря времени, Павел Михайлович. Это мнение всех наших заводских специалистов. Да и газовики согласны со мной.

— Если так, вылетай в Москву вместе с комиссией, здесь разберемся детально.

— Я не могу оставить завод.

— В таком случае, пусть прилетит Пронин, как и договорились.

С трассы газопровода Косачев и все, кто с ним были, прибыли прямо на завод. Люди тут же разошлись по своим местам в цех. Рассказав Пронину во всех подробностях происшествие на трассе и разговор с министром, Косачев спросил:

— Готов лететь в Москву?

— Готов.

Пронина провожали к самолету Косачев, Астахов и Водников. Перед самым трапом Пронин наклонился к Косачеву, виноватым тоном тихо сказал:

— Поторопился я со звонком насчет взрыва, Сергей Тарасович. Всех напугал. Ты извини, пожалуйста.

— Ничего, я правильно понял тебя. Ты обязан был это сделать. Объясни всем товарищам — и министру и Коломенскому, извинись за панику. Докладывай уверенно, чтобы никаких сомнений. Синяя птица у нас в руках.

— Так ли? — прищурился Пронин.

— Не сомневайся! Лети.

Пронин стал подниматься по трапу. За ним пошел референт Косачева Юра Тихов, неся в руках портфель и клетку с живой белкой — подарком косачевскому внуку Сереже.

Косачев повернулся, широко шагая, пошел мимо самолетов по белому снежному полю к далекой черной точке. Это была его машина. Он шел не торопясь, против морозного ветра, под сотрясающий шум и грохот реактивных авиатурбин.

Проводив Пронина, Косачев решил по пути с аэропорта хоть на часок заехать домой — повидаться с семьей и пообедать.

5

Девочки и жена обрадовались его приходу, засуетились, зашумели. Маруся и Женя стащили с отца шубу и шапку и, как малые дети, наперебой выкладывали свои новости.

— У меня открылся новый талант, папочка,— тараторила Маруся.— Учитель по литературе советует поступать в театральный институт. Я читала монолог Катерины!

В последнее время Клавдия Ивановна все чаще с тревогой думала о здоровье Косачева, хоть он и не жаловался. Иногда, при удобном случае, рискуя вызвать резкий отпор, она тактично говорила ему:

— У тебя усталый вид, Сережа, совсем не жалеешь себя. Какой заводище тащишь, день и ночь только им и занимаешься.

Он хмурился, сердито хмыкал, и она замолкала.

Сегодня, окинув взглядом мужа, Клавдия Ивановна одобряюще сказала:

— Выглядишь молодцом. Не укачало в вертолете?

На этот раз он шутя ответил:

— Здоров, как бегемот. А ну, мать, что есть в печи, на стол мечи. Страсть как проголодался.

— Сейчас, я мигом,— засуетилась жена.— Помогайте, девочки.

Но дочери не отходили от Косачева, наперебой сообщали ему о новостях своей жизни.

— А меня посылают на городскую олимпиаду,— хвасталась в свою очередь Женя.— Наша математичка говорит, из меня выйдет выдающийся математик. Лобачевский в юбке или Софья Ковалевская. Только мне совсем не нужна такая перспектива.

— Глупа ты, матушка,— засмеялась Маруся.— Лобачевский и Ковалевская — это гении!

— А я хочу быть простой смертной. Разрешаешь?

— Обыкновенной дурой? Пожалуйста, если это твоя мечта!

— Клюете друг дружку, как молодые петушки,— любуясь девочками, усмехнулся Косачев.— А что с фигурным катанием? Есть успехи?

— В первую пятерку города выходим,— доложила Женя.— Идем по восходящей линии.

— Поздравляю, молодцы. Смотри, мать, какие орлицы!

Клавдия Ивановна стояла в дверях столовой и с умилением смотрела на дочерей.

— Замучили они меня, спорщицы,— сказала она.— Отпустите отца, а то и пообедать не успеет. Стелите скатерть, несите тарелки!

Девочки принялись накрывать на стол.

Обедали не торопясь, как в праздничный день.

— О чем же у вас спор? — спросил Косачев, шутливо обращаясь к жене.— На какие темы дискуссия?

Клавдия Ивановна почувствовала по настроению мужа, что сейчас было бы неуместным начинать разговор о важных семейных делах, занимавших ее и дочерей, попыталась свести разговор на общие темы, решила схитрить:

— Какие у нас могут быть споры? Все так, по житейским пустякам. А что на заводе? — спросила она мужа, хотя была в курсе всех дел.

— Отличные дела,— сказал жене Косачев.— Скоро узнаете, будут большие перемены.

— А как бедняга Поспелов? — вздохнула Клавдия Ивановна.— Говорят, он никак в себя не придет. Я ему очень сочувствую, он порядочный, интеллигентный человек. Кажется, очень любит сына. Да и ее жалко, такая славная женщина.

Клавдия Ивановна вдруг смолкла и стала вытирать внезапно покрасневшие от слез глаза.

— Извини, пожалуйста,— обернулась она к мужу и засмеялась сквозь слезы.— Глупо плакать. Просто мне жаль их, такая была пара.

Косачев задумчиво молчал.

— Этот ваш Поспелов неприятный субъект,— вклинилась в разговор Маруся.— Видно, не зря жена ушла от него.

— Откуда тебе знать, какой он? — возразила Женя.— Она же другого полюбила. Ты пойми это, Маруська! Знаешь, что такое любовь? Из-за любви человек может такое сделать!

— Ну вот, опять спорят,— сказала мать, обращаясь к мужу.— И так все время. Пора быть серьезными, десятилетку кончаете, о будущем надо подумать.

— Насчет мыслей о будущем у нас тоже полный раскол,— выпалила Женя отцу.— Маруся с мамой хотят в Москву, а я желаю остаться здесь.

Клавдия Ивановна замахала салфеткой, чуть не поперхнулась супом.

— Чего болтаешь-то? Не об этом сейчас речь.

Косачев сделал вид, что не придает этому разговору серьезного значения, пытался обратить все в шутку.

— Говоришь, собираются в Москву? — спросил он Женю и подмигнул ей.— Надолго?

— Да навсегда,— храбро сказала Маруся.— Чтобы там жить, как наша Тамара.

Мать совсем испугалась и сердито покосилась на Марусю:

— Будет тебе!

— Помолчала бы,— поддержала Клавдию Ивановну Женя.

Маруся пожала плечами и с вызовом сказала вслух:

— Что плохого, если человек хочет жить в Москве?

— А в нашем городе разве плохо? — спросил отец, обращаясь к дочерям.

— Не сравнить же с Москвой! — сказала Маруся.—

Там всемирно прославленные театры, музеи, институты. Дипломаты, космонавты, блестящая молодежь! А здесь что? Медицинское училище?

Женя вспыхнула, оборвала Марусю:

— Ты просто чистоплюйка!

Косачев, не понимая, о чем спорят дочери, спросил:

— При чем здесь медицинское училище и Москва?

— При том, что я хочу в Москву,— капризно повторяла Маруся.

— Я и сам люблю Москву, прекрасный город. Но, по-моему, вовсе не обязательно всем жить в Москве.

— А мне хочется,— упрямо твердила Маруся.— И я не скрываю этого.

— Ничего несбыточного в твоем желании нет. Но есть и другие мнения. Не так ли, Женя?

— Есть! — серьезно откликнулась Женя.— Я все время спорю, но их большинство: два голоса против одного.

Косачев чуть приподнял бровь, что означало удивление:

— Два голоса? Маруся и мать? Ну, если дело дошло до голосования, я отдаю тебе свой голос. Теперь уже два на два.

— Что, съели? — обернулась Женя к сестре и матери.— А к тому же глава семьи имеет два решающих голоса. Вот!

Клавдия Ивановна, не зная, как выйти из неловкого положения, мягко сказала мужу, стараясь замять разговор на эту тему:

— Не слушай ты их, балаболок. Это же серьезное дело, нельзя так: хочу туда, хочу сюда. Как сам решишь, так и будет.

Косачев засмеялся:

— Ладно, мать, не волнуйся, нам с тобой нечего бояться. Хоть так, хоть этак, а нас не разлучишь: куда иголка — туда и нитка.

Совсем некстати зазвонил телефон.

Косачев, вытирая губы салфеткой, поднялся из-за стола, взял трубку. Молча выслушал чьи-то сбивчивые, тревожные слова, кратко прервал разговор:

— Сейчас приеду.

Он не выдал никакого беспокойства, пошел на место

за стол, хотя жена поняла, что на заводе что-то случилось и ему надо срочно быть там.

Он взглянул на часы, допил чай и поднялся из-за стола.

— Посидел бы еще с вами, да жаль времени нет ни одной минуты. Дела. А вы продолжайте дискуссию, с учетом моего мнения.

Для Клавдии Ивановны этот разговор имел в некотором роде решающее значение. Хотя все произошло как бы между прочим и слова были сказаны в полушутливом тоне, жена ясно поняла намерения мужа.

Девочкам тоже стало понятно, чего хочет отец. Женя обрадовалась, что в споре с сестрой и матерью чаша весов сильно качнулась в ее сторону.

6

Весь вечер допоздна Косачев работал в кабинете, ждал звонка из Москвы о результатах доклада Пронина.

К полночи к нему в кабинет заявились Водников и Уломов.

— Извините, Сергей Тарасович, волнуемся. Звонила Москва?

— Да нет,— пожал плечами Косачев.— Молчат, как воды в рот набрали.

— Думают,— пошутил Уломов.— Задал ты им задачу.

— Помолчат и скажут, что надо,— бодрился Водников.— Для меня теперь ясно, двух мнений не может быть, правда за нами.

Косачев ходил вдоль аквариума, разглядывал рыбок.

Водников косился на телефон, поглядывал на часы, вздыхал. Он так же, как и Косачев, думал о взрыве. «Не затормозит ли это нам все дело? С одной стороны, взрыв был некстати, но, с другой стороны, это только подтвердило крепость наших труб».

— Интересно,— сказал он осторожным тоном,— как отнесется Москва к докладу Пронина? Удастся ли ему убедить товарищей? Может, надо было вам самому слетать, Сергей Тарасович?

Косачев молчал, рассеянно рассматривая аквариум.

Водников наблюдал за Косачевым. Нервничает, раз увлекся аквариумом и рыбками. Верная примета.

— Боюсь я,— громче сказал Водников, выдержав приличную паузу,— не повредил бы нам взрыв. Объяснит ли Пронин, ведь он сам, кажется, поверил, что лопнули наши швы.

— А ты не бойся,— резко сказал Косачев.— Ты же Герой Советского Союза, и тебе положено не бояться ничего на свете.

Зазвонил телефон.

Косачев быстро подошел к аппарату, снял трубку:

— Москва?.. Ну, ну, давайте скорее.— Он положил трубку, пояснил Водникову и Уломову: — Просят подождать. Всегда у них такое на линии: как буран — так подождите.

Снова шагали вдоль аквариума, разглядывали зеленую воду.

Уломов, усевшись поближе к лампе, читал газету. Водников стоял перед аквариумом, рассматривал рыбок, не сводил с них глаз, ждал, когда поведут плавниками. Ни одна рыбка даже не шевельнулась.

— Почему они не двигаются?

— Спят. Сейчас же глубокая ночь,— пояснил Косачев.

— Верно, я не подумал.

Глядя на Водникова, Косачев задумался:

«А догадывается ли он, что выпуск новых труб — моя последняя акция? Знает ли Водников, что скоро в этом кабинете, за этим столом будет сидеть другой директор? Сумеют ли они поладить? О себе я знаю, что хоть и крут и суров, но умею ладить с людьми. Такого главного инженера, как Водников, не всякий стерпит. Он не ленив, не трус, но звезд с неба не хватает. Сам в атаку не кинется, пока не подтолкнешь. Я ценю его, потому что хорошо знает дело, поддается упряжке и везет телегу по любой дороге — и по глади, и по ухабам. Только поглядывай да подгоняй».

Косачев ближе подвинулся к телефону, протянул Водникову сигареты:

— Кури.

Они стали прикуривать, а Уломов с другого конца кабинета в свою очередь смотрел на угрюмого, усталого Косачева. Желая подбодрить его, громко сказал:

— Был я на днях в филиале нашего института, разговаривал с профессурой. И знаете, Сергей Тарасович,

наши ученые мужи, и в частности доктор наук Можайский, о вашей идее полуцилиндров говорят, что это гениально.

— Восторженный старик,— буркнул Косачев.— Что толку от их кулуарных одобрений! Ни один из них не пришел к нам в цех, не взялся за дело засучив рукава. А вот когда мы своими лбами прошибем эту стену, начнут писать кандидатские и докторские диссертации, поверь моему слову.

Телефонный звонок прервал их разговор. Косачев энергично, рывком поднялся с кресла, снял трубку:

— Косачев слушает.

— Здравствуйте, Сергей Тарасович,— послышался голос в трубке.— Говорит Коломенский.

— Здравствуйте, Алексей Степанович.

— Пронин и члены комиссии доложили министерству и нам обстановку на заводе и на трассе газопровода. Мы считаем, что ваш эксперимент нужно продолжать.

— То есть как продолжать? — спросил Косачев.— Труба уже готова, несомненно надежная и прочная. Хоть завтра можем начинать промышленное производство, вы же знаете, как дорого нам время, коллектив брал соцобязательства, мы не можем терять ни одного дня.

— Соцобязательства, конечно, надо выполнять. Но мы просим вас обратить самое серьезное внимание на качество труб. Еще и еще раз тщательнейшим образом проверьте готовность всех звеньев к серийному выпуску, чтобы ни сучка ни задоринки.

— Уверяю вас, мы все тысячу раз проверили,— крикнул в трубку Косачев.

— Не торопитесь,— настаивал на своем Коломенский.— Вашу работу будет принимать ответственная государственная комиссия, никаких скидок не будет. Да вам и не нужны, я думаю, поблажки? Завод такого класса, как ваш, не должен давать никакой осечки.

Косачев согласился, примирительным тоном сказал:

— Ясно. Когда прибудет правительственная комиссия?

— Ждите в любой момент. Пронина пока оставляем в Москве для консультаций. Действуйте самостоятельно.

— Все понял, Алексей Степанович.

— Желаю успехов. До свидания.

— До свидания, Алексей Степанович.

Косачев положил трубку, мрачный и суровый, молча стоял перед телефоном, словно соображал, что делать дальше. Взглянул на Водникова, потом на Уломова, будто только теперь увидал их перед собой в кабинете.

Водников с недоумением смотрел на Косачева, кивнул на телефон:

— Когда же дадут добро?

Косачев уверенно сказал:

— Дадут!

Он энергично отодвинул телефон, вышел из-за стола, включил радио. Стоял, слушал тихую музыку, мечтательно смотрел куда-то вдаль, так, будто старался представить, о чем пели скрипки. На секунду закрыл глаза и вообразил тихое озеро, летящих птиц, облака.

Уломов отбросил в сторону газету и, насупившись, тщательно протирал очки белым платком. Водников давно уже перестал рассматривать аквариум, подошел вплотную к столу Косачева, сел напротив Сергея Тарасовича.

— Что будем делать? — в раздумье спросил Уломов.

— Что делать? — переспросил Косачев, весело смотря в серьезные лица Уломова и Водникова.— Работать! Пошли в цех, товарищи. Не дают нам ни чаю попить, ни поспать по-человечески. Буди, Кирилл Николаевич, всех, кто нужен, чтобы были здесь, на заводе.

7

...Ранним утром, как всегда, на площадь к трубному заводу со всех концов города собирался народ. Бесконечный людской поток устремился к воротам проходных, теснился, бурлил, клокотал говорливым гомоном и шумом обычных приветствий. Людские волны набегали одна на другую, выплескивались, кружились, как водоворот перед створом плотины. Люди шли на работу, вслушиваясь в гремящие над площадью и над городом слова «Последних известий». Все улыбались, весело перекликались. Всем было приятно, что по радио из Москвы диктор четким голосом говорил на всю страну о славных делах коллектива трубопрокатного завода, который «с большим энтузиазмом трудится над выполне-

нием заданий пятилетки, успешно осваивает выпуск новой продукции высокого качества».

Голос репродукторов разносился далеко и торжественно, люди ловили слова, с задором покрикивали, шагали бодрее, смеялись. Шутливо подталкивая друг друга, текли к заводским проходным.

— Слыхал, Прокофьич? Про тебя на всю Россию.

— Да и про тебя тоже. Про всех нас.

В заводские ворота проехала машина секретаря горкома партии Астахова. В кабинете директора его уже ждали Косачев, Водников, Поспелов, Уломов, Квасков.

— Ну что, товарищи, слушали радио? — спросил Астахов с порога.— Вижу, весь штаб на ногах. Приветствую вас! Здравствуйте! — он пожал руки всем присутствующим.— Приятная штука похвала. Согласны?

— Наверняка Алексей Степанович организовал,— сказал Косачев.— И правильно сделал, подбодрил.

— Если не возражаешь, Сергей Тарасович, пойдем сразу в цех. Чего в кабинете засиживаться?

— Хочешь чаю? — спросил Косачев, наливая густую заварку в стакан, где плавали два золотистых кружка лимона.

— Чай не водка, много не выпьешь,— пошутил Астахов.

— А я после бессонной ночи заряжаюсь крепким чаем. Прекрасный напиток, бодрит. Мы вот тут с Водниковым и Уломовым всю ночь не спали, приходится чаем спасаться. Подожди, пожалуйста, одну минутку.

Пока Косачев допивал чай, Астахов перебросился несколькими словами с другими товарищами. Спросил главного инженера:

— А что вы думаете о взрыве? Нет ли слабины в заводских сварных швах?

— Это исключено, товарищ Астахов,— уверял Водников.— Мы каждую трубу подвергаем такой проверке, что малейший дефект не может остаться незамеченным. При нашем методе сварки разрывы швов вообще невозможны.

— Почему же все-таки произошел взрыв на трассе? — допытывался Астахов.— У них такой же метод сварки?

— В том-то и дело, что они варят по-другому, отстают от мировой практики.

— Да что нам на мировую практику оглядываться! Забыли разве, «что может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов российская земля рождать!».

— Совершенно справедливо. Мы это учли, а газовщики — нет. Для нашего завода это уже в прошлом.

— Что в прошлом? Слова Ломоносова?

— Вы не поняли меня. Я говорю не о словах Ломоносова, а о старых методах электросварки. Для нас это прошлое, и говорить не стоит. И вообще, теперь ясно, что наша новая труба уже у нас в руках, как говорит Сергей Тарасович. Он решил эту проблему блестящим образом,— сказал Водников, поглядывая на Косачева, довольный тем, что директор не слышал их разговора, а то, чего доброго, мог бы принять слова Водникова за подхалимаж.

— Значит, вы и в вопросах электросварки тоже новаторы? — сказал секретарь горкома.

— Безусловно,— ответил Водников.— В этом деле у нас первейшие специалисты, например, инженер Поспелов, многие сварщики, это известно.

— Я готов, товарищи,— громко сказал Косачев, отодвигая в сторону стакан и чайник.— Пойдемте в цех.

— Да, да! — подхватил Астахов.— Пошли.

Косачев надел шубу и шапку и, пропустив вперед секретаря горкома, вышел из кабинета. За ними пошли все остальные.

В цехе все были на своих местах. Лица рабочих и мастеров были деловито озабоченные, движения живые и точные, взгляды острые и внимательные. И гул и шум цеха был какой-то особенный, непривычный, все собралось, напружинилось, как перед ответственным стартом.

Косачев, наверное уже в сотый раз, придирчиво осматривал специальный, сконструированный на заводе стан для зажима полуцилиндров. Подвижные рамы медленно захватывали стальные заготовки, плотно соединяя края, зачищенные для сварки. Все подходило с идеальной точностью.

К стану собрались рабочие. Подошел Федор, потом Николай. Всем было приятно видеть, как директор с увлечением и азартом бегал вокруг стана, приседал, заглядывая под раму, постукивал то в одном, то в другом месте, выхватив ключ из рук наладчика.

— Отлично, ребята! — кричал потный Косачев.—

А ну-ка еще разок, разведем и сведем. Давай! Так. Так. Хорошо!

— В аккурат влепили! — радовался Никифор Шкуратов.— Теперь не промахнется, все точно, как в аптеке.

— А вот здесь, на середине? Плотно прижимает? Проверь, Никифор.

— Сто раз проверял,— ответил мастер.— Не сомневайся.

— Смотри, Кирилл Николаевич,— сказал Косачев главному инженеру.— Как считаешь? Порядок?

— Комар носа не подточит.

— Есть гарантия? — спросил Астахов у рабочих.

— Все в наших руках,— уверенно сказал старший Шкуратов.— Как обещали, так и будет.

Косачев вытер потное лицо широкой ладонью, победно посмотрел на своих товарищей и почему-то задержался взглядом на Поспелове. Тот понял директорский взгляд, как ожидание его мнения, и вдруг смущенно сказал:

— Отлично, Сергей Тарасович. При сварке схватывает намертво.

Косачев кивнул Поспелову.

— Продолжайте, товарищи. Проследи, Никифор, лично тебя прошу. И сварщики чтобы были готовы в любую минуту. Правительственную комиссию ждем.

— За нами дело не станет, Сергей Тарасович,— сказал Николай.— Все наготове, ребята ждут команду.

— В три смены работаем,— поддержал Федор.— День и ночь на заводе, не спим.

Прилетев в Москву, Пронин позвонил домой из аэропорта, но ему никто не ответил. Значит, жена на работе. Позвонил к ней на службу. Она обрадовалась, хотела немедленно бежать домой, но Пронин сказал, что сейчас поедет к министру с докладом и, вероятно, сможет приехать только к концу дня.

— Обязательно позвоню тебе, Таня. Как только освобожусь, сразу же приеду.

— Звони домой, пожалуйста. Я сейчас отпрошусь, мне положен отгул. Буду ждать тебя дома.

Она договорилась с начальником, торопливо собралась и ушла, решив забежать в магазин, купить что-ни-

будь к обеду. Шла по улицам Москвы легкая, переполненная радостным чувством.

Татьяна Анатольевна была энергичной, деятельной женщиной, но, как многие жены ответственных работников, часто поддавалась меланхолии, попадая в полную зависимость от «жизненного расписания» мужа. Уже много лет ей приходится прилаживаться к Пронину. Только разбежится по своей дорожке, жизнь внезапно останавливает ее, поворачивает в другую сторону.

Она была моложе Пронина на шесть лет. Вышла замуж за него, когда училась на втором курсе института, а когда родила сына, ей было всего девятнадцать. Пришлось на год уйти в отпуск и оставить учебу. Через год, когда она могла снова вернуться в институт, Пронина перевели на работу в Москву. Татьяна Анатольевна поехала с мужем.

Не желая оставлять учебу, она перевелась в столичный институт, сына поместила в детский сад. Разрываясь на части между домом, детским садом и институтом, доходила до изнеможения, чуть не падала с ног, но не сдавалась. Пронин сочувственно относился к жене, помогал ей, как мог, ободрял. Татьяна, смеясь, говорила:

— Вот выполню свою пятилетку, кончу институт, жизнь пойдет по-другому, легче будет.

Получив диплом, она пошла работать в проектный институт, энергично взялась за дело. Ее включили в бригаду проектировщиков, работавших над проектом нового химического завода. К тому времени Пашка уже подрос, пошел в школу, и Татьяне Анатольевне стало легче справляться с делами. По вечерам она с увлечением рассказывала мужу о своем проекте, он вникал в детали, высказывал свои соображения, и ей было интересно слушать его и говорить с ним.

Потом наступило время, когда нужно было ехать в долгосрочную командировку на строительство завода, дорабатывать проект с учетом местных условий. И тут-то опять жизнь свернула Татьяну Анатольевну на новую дорожку. Бригада проектировщиков уехала, а Татьяна осталась в Москве, так как не с кем было оставить сына, да и с мужем не хотелось расставаться на такой срок. Пришлось ей заняться другой работой. Бригада тем временем отлично завершила проект, по которому построили знаменитый химический завод. Об этом проекте много

писали в прессе, говорили на ответственных совещаниях и конференциях, называли фамилии его творцов, а о Татьяне Анатольевне даже не упоминали, так как она к моменту завершения проекта отошла в сторону.

Постепенно она втянулась в новое интересное дело, приняла участие в проектировании завода по заданию СЭВа. Но и тут не суждено было ей дойти до завершающего этапа. В тот момент, когда работы приближались к концу, стало известно, что Пронина посылают за границу по линии Внешторга на длительный срок. Надо было ехать с семьей, Татьяне Анатольевне пришлось взять расчет и оставить работу над интересным и перспективным проектом.

Надо было срочно уезжать, и Пронин отправился за границу один, оставив жену и сына в Москве. Татьяна Анатольевна не терпела длительных разлук, вскоре определила сына в интернат, а сама отправилась к мужу. За границей она прожила более трех лет и, конечно, не могла работать по своей специальности. Часто приезжала в Москву то с мужем в отпуск, то одна, чтобы проведать сына, проследить за его учением. На время каникул они с мужем брали Пашку с собой за границу. Пашка жил с родителями каждое лето, иногда приезжал к ним и зимой.

Подчинив свою жизнь «мужниному расписанию» и оказавшись за границей, Татьяна Анатольевна оказалась «не у дел». Чтобы заполнить свободное время, она принялась изучать иностранный язык, преуспела в этом занятии, вскоре стала читать книги, смотреть фильмы без перевода, посещать театры, где играли современные пьесы. Тем временем Пашка совсем вырос и решил идти учиться в военно-морское училище. Парень был с характером, как сказал, так и сделал, уехал в Ленинград.

Еще год супруги Пронины прожили за границей, и Татьяна Анатольевна очень скучала без сына. Ей все казалось, что вот вернутся они в Москву и снова вся семья будет вместе. Но жизнь опять распорядилась по-своему.

Возвратившись в Москву, Татьяна Анатольевна не обрела равновесия и покоя. Прошли первые дни встреч с родными и друзьями, отшумели праздничные обеды и ужины, и в доме наступила тишина, стало пусто. Пронин все дни допоздна был занят на работе.

Однажды она поехала в Ленинград, пожила там две

недели у приятельницы, каждый день навещала сына. Пашка вымахал с версту, стал совсем взрослый, и посещения матери, ее забота о нем смущали парня. Мать почувствовала это, деликатно прекратила свидания, уехала в Москву.

Вернулась на свою прежнюю работу и едва успела заняться делами, как мужа неожиданно послали на трубопрокатный завод каким-то важным уполномоченным.

Надолго ли? И что это значит? Как строить свою жизнь дальше?

И хоть она ничего определенного о будущем мужа не знала, ее охватило тревожное предчувствие перемен. Она их не боялась, но уже не хотела. Неожиданные повороты стали утомлять Татьяну Анатольевну, и она желала, чтобы поскорее рассеялась эта неопределенность, возникшая с отъездом мужа на завод. С нетерпением ждала встречи с ним. Может, все разъяснится сегодня?

Но и в этот день ничего не разъяснилось.

8

Косачев как в воду смотрел, высказав предположение, что зажимное устройство действует неравномерно, что на середине трубы полуцилиндры сходятся слабее, чем по краям. На вечерней смене произошел пренеприятнейший случай: при испытании на гидравлическом прессе одна труба дала трещину как раз в том серединном месте, о котором говорил Косачев.

Когда в цехе появился сам Косачев, на месте происшествия уже столпились рабочие и мастера, стоял шум и гам. Взобравшись на неудавшуюся трубу, выше всех стоял Николай и, размахивая руками, кричал:

— Вы что же делаете, кустари? Нахрапом хотите взять? Где нужен точный расчет, прикидываете на глазок, как в деревенской кузнице!

— Полегче на поворотах, щенок! — крикнул на Николая отец. — Не глупее тебя, понимаем.

— Да разве можно в таких делах надеяться на авось? Сто лет вас учили, а вы все свое. И надо же в такое время, как будто нарочно.

— Иди ты! — крикнул старый формовщик.— По шее захотел за такие слова?

— Ты нашу честь не марай! — рассердился Никифор Данилович.— Сначала разберись, а потом кричи, кто виноват.

— Стыдно мне за вас: «не марай нашу честь»! Я тоже Шкуратов.

— Ну хватит! — крикнул на брата Андрей.— Панику поднять всякий может. Слезай, не шуми!

— А ты бы лучше молчал! — огрызнулся Николай.— Тоже ученый, инженер, начальник цеха! Сидишь в своей конторе, в окошко смотришь да покуриваешь. На твоем месте в такой час нужно около каждой трубы, как возле новорожденного ребеночка, стоять. На цыпочках ходить да глаз не сводить, а ты на дальней дистанции управляешь.

В жарком споре люди не заметили, как подошел Косачев.

— В чем дело? Что за крик? — оборвал он спорщиков.

Николай повернулся к Косачеву, сердито сказал:

— Да вот, умники, Сергей Тарасович. Довели до позора. Труба под давлением лопнула. Опять про нас, про сварщиков, скажут, что мы виноваты? А нашей вины тут нет!

— Сколько атмосфер выдержала? — спросил Косачев.

— Семьдесят две.

— Отойдите в сторону, дайте взглянуть.

Все расступились, и Косачев стал осматривать трубу, медленно двигаясь от одного конца к другому.

Навстречу Косачеву шагнул из толпы бледный, покрывшийся потом Поспелов:

— Это я виноват, Сергей Тарасович. Моя вина. Николай отказывался варить этот шов, а я приказал. Шов был неплотно подогнан на середине.

— Что же, по-твоему, Вячеслав Иванович, наша промашка? — крикнул Никифор Шкуратов.— Это ты брось.

Поспелов повернулся, стал против Никифора Шкуратова:

— Да, ваша промашка, Никифор Данилович. Не ваша личная, а вашей бригады формовщиков. Вы проглядели брак листопрокатчиков. Чуть скошенный срез листа. Достаточно отклонения на два-три миллиметра — срыв.

Никифор Данилович повернулся к бригаде:

— Что же это, ребята? Правду он говорит?

— Правду,— твердо сказал Николай.— Я же видел слабость прижима, не хотел варить, а Вячеслав Иванович приказал, потому что верил вам. А вы все на глазок.

— Замолкни, Колька! — топнул ногой Никифор Данилович.— Мы тоже верой живем. Листопрокатчики свое дело знают, никогда не подводили.

— А вот и подвели.

Косачев тем временем тщательно осмотрел трубу, покачал головой, обводя укоризненным взглядом всех собравшихся:

— Что, братцы? Вячеслав Иванович прав: прокатчики напортачили, а вы с закрытыми глазами свое дело сделали, и баста! А надо смотреть в оба, или, как говорят, во все глаза. У нас с вами вон сколько глаз, не слепые.

— Так мы же как думали? На все сто доверяли прокатчикам. А они подвели. Черт нас попутал,— виновато сказал Никифор.

— Нечего на других валить.

— Сами оконфузились, что говорить.

Люди зашумели, стараясь не смотреть в глаза Косачеву.

— Ну вот что, ребята,— сказал Косачев, обращаясь ко всем.— Эту паршивую трубу выбросить и забыть. Такой у нас не было и никогда не должно быть. И чтобы никаких разговоров, никакой паники. Ни дома, ни на улице, ни в трамвае, нигде ни слова. Может, потом когда-нибудь вспомним, а сейчас, сами понимаете... Ясно?

— Понятно.

— Что говорить?

— Не малые дети.

— А с тебя, Никифор, не слезу, пока не добьемся своего. Бери всю бригаду, пошли на стан.

Косачев пошел с бригадой Никифора Даниловича на формовочный стан и сам до утра возился с наладкой зажима на середине трубы, обсуждая с рабочими и мастерами каждую деталь. Вместе с Косачевым работали Водников, Поспелов, Андрей Шкуратов. Глядя на всех, трудно было разобраться, кто здесь инженер, кто рабочий, кто директор: все были похожи на солдат, защищающих кре-

пость под обстрелом, или на матросов, закрывающих пробоину в корабле в момент опасности при шторме в открытом море.

Зазвонил телефон, кажется междугородный, с особым прерывистым треском. Спокойным и ровным голосом Косачев сказал в телефон:

— Слушаю, товарищ Коломенский? Да, это я.

— Здравствуйте, Сергей Тарасович.

— Здравствуйте.

— Как дела? Как настроение у рабочих?

— Мы все готовы, товарищ Коломенский. Доделываем кое-какие мелочи, ждем команды.

— Сегодня ночным рейсом я и министр Петров вылетаем к вам с группой товарищей.

— Правительственная комиссия?

— Да.

— А Пронин?

— И Пронин.

— До свидания, Сергей Тарасович.

— До свидания.

9

Как-то вечером, когда Николай выходил из проходной, его позвал чей-то голос:

— Коля!

Он оглянулся и увидел Алевтину. Она была нарядная, в новых сапожках, в пуховом оренбургском платке. Подошла, сняла перчатку, подала руку:

— Здравствуй. Не ждал? Пойдем в кино, у меня два билета.

Теплой рукой она крепко держала его руку, не отпускала.

— Делать нечего? Выходная?

— Нет. Совсем ушла с работы. К вам на завод аппаратчицей оформляюсь. Подумаешь, какая наука, нажимать кнопки на конвейере! Не задержусь в ученицах, быстро освоюсь. Хоть у вас не так тепло, как в ресторане, и музыки нет, зато рядом с тобой буду каждый день.— Она виновато посмотрела на его грустное лицо, смутилась. Помолчав, продолжала: — Извини, что я пристаю как банный лист. Может, не вовремя? Тяжко тебе? Я и

сама извелась, да что теперь сделаешь? Она живая тебя мучила и мертвая не отпускает.

— Шла бы ты своей дорогой,— беззлобно сказал Николай.— Не касайся чужой раны.

— Разве виновата, что моя дорожка с твоей скрестилась?

Алька осеклась, поняла неловкость и неуместность такой игривости.

Николай с укором сказал ей:

— Все чудишь, Аля? Спектакли устраиваешь? Пора повзрослеть.

— Разве не видишь, как я изменилась? Совсем не такая, как раньше была. Бегала за тобой, бросалась на шею. С первой встречи вела себя как дура. Помнишь, когда на практику приезжал?

— И я тогда не умнее был.

— А меня испугался.

— Да нет. Просто ни к чему это было. Ладно, пока. С тобой заговоришься, насмерть замерзнешь.

— Да будет тебе, я серьезно. Не хочешь в кино, пойдем на хоккей.

Николай пожал плечами:

— Спасибо, Аля. Я не могу.

— Ну какой же ты, Коля! — пошла за ним Алька.— Скажи сам, куда хочешь. Мне хоть на край света, только с тобой. Может, пойдем на концерт?

Они удалялись от проходной и уже шли по тротуару, где шумела, толпилась публика.

— В таком виде? — сказал Николай.— Я же со смены. Скажи, ты всерьез надумала на завод?

— Ага! Правда.

Он испытующим взглядом посмотрел ей в лицо, усмехнулся: «Что это с ней? Очередная блажь или серьезный шаг к перемене жизни?»

Она присмирела, сникла под его взглядом, застенчиво опустила голову. Это было новое в ее поведении. Неужели правда, что Алька повзрослела?

— Замерзла? — спросил он.— Пальтишко у тебя чудное, на рыбьем меху.

— Зато модное,— сказала она.— Стерплю, не замерзну. Ты поезжай переоденься, а я подожду. У кассы в концертном зале постою. Беги, вон твой трамвай, не то уйдет.

Он ничего не сказал, побежал к трамваю, едва успел

вскочить на подножку, уехал. Она стояла в некоторой растерянности, не зная, придет ли он. Наверное, нет. Но если не сегодня, так в другой, в пятый, десятый раз. Алька сама найдет его, не поленится, не отступится, не такой она человек. Теперь никто не стоит между ними. Забудет же он когда-нибудь Нину, поймет, что все на свете со временем меняется, изменится и она, Алька, в чем-то изменится и он. Не сегодня, не завтра, так когда-нибудь позже. Она подождет.

10

Главные события этих дней на заводе развивались стремительно. Из Москвы прилетели Коломенский, Петров, Пронин и группа экспертов. Их встречали Косачев, Астахов, Уломов, Водников, Поспелов, Квасков. Прямо с аэродрома на машинах отправились на завод.

В трубоэлектросварочном цехе собралось много народа. Лучшая точка обзора была на мостовом кране, где работала Вера и куда забрался теперь Никита Орлов со своим журналистским блокнотом.

Где-то на мостках тесно уселись музыканты заводского духового оркестра, готовились играть торжественный марш по сигналу Косачева. Косачев знал, что не всем нравилась такая официальная торжественность в подобных случаях. «При чем тут духовой оркестр? — говорили некоторые сугубо деловые люди.— Старомодно. Это же не первая пятилетка!»

Но у Косачева были свои взгляды на этот счет. Напряженный труд коллектива увенчался большим успехом. А музыка, цветы и восторженные слова нужны людям. «Представьте на миг,— говорил Косачев,— что знаменитый спортсмен, выступая на огромном стадионе, поставил рекорд, а тысячи людей, присутствующих при этом, хладнокровно сидят и никак не реагируют. Испытает ли при этом спортсмен радость победы? Конечно же нет. Не сбрасывайте со счетов ни музыки, ни аплодисментов, дорогие товарищи, не стесняйтесь выразить свое одобрение хорошего дела восторженным криком или горячим, радостным словом».

Внизу, на цементном полу и на всех линиях стана, на перекидных мостках, на фермах, стропилах и где только возможно было стоять, толпился народ.

Из начальства раньше всех в цехе появился Поспелов. Проходя мимо Николая, он внезапно остановился. Николай настороженно повернулся к Поспелову. Минуту они молча смотрели друг на друга. Наконец Поспелов сдавленным голосом сказал:

— Сегодняшний день должен примирить нас. До сих пор я не мог об этом говорить, мне очень тяжело.

Николай молча кивнул. Нервная судорога схватила горло. Он снова увидел прекрасное лицо Нины. Последние слова Нины о сыне...

Поспелов протянул Николаю руку. Они молча обменялись рукопожатием, и Поспелов ушел.

Провожая его взглядом, Николай с жалостью думал о горе этого человека. Знает ли Поспелов правду о сыне, подозревает ли что-нибудь? Наверное, ничего не знает, и в этом его спасение. Как поступить в данном случае Николаю? Тайна, которую открыла ему Нина перед смертью, не известна Поспелову. Что делать? Сказать Поспелову и нанести еще один удар? Но этот удар падет на двоих: и на Поспелова и на мальчугана. Ясно одно: не надо горячиться, надо прежде всего думать о ребенке. Пусть мальчик остается у Поспелова, ведь он считает его своим отцом. Да и Поспелов считает его своим сыном. Другого выхода нет. Николай много дней мучился, терзал себя бесконечными вопросами и решил пока оставить все, как есть.

Бедный Поспелов! Чем же он виноват? Нельзя лишать его последней опоры в жизни...

...В кабине крана за спиной у Веры суетился Никита, комментировал вслух все, что видел в цехе, словно уже диктовал машинистке статью для газеты.

— Иди вниз,— сказала ему Вера.— Сейчас начнется самое главное.

— Отсюда виднее, смотри!

На специально поставленный помост, как на трибуну, поднимались Коломенский, Петров, Пронин, Астахов, Водников, Уломов, Квасков, Поспелов и еще какие-то лица, прибывшие из Москвы. Министр Петров снял шапку, приветливо поднял руку. Рабочие также приветствовали его.

— Ну что же, командуй, Сергей Тарасович,— сказал Петров Косачеву.— Ни пуха ни пера!

Косачев спокойно и просто кивнул головой людям,

будто поздоровался со всем цехом. Живыми глазами окинул всех, узнавая каждого в лицо, призывая к вниманию. Увидел и Николая, встретился с его взглядом. Увидел в толпе и седую голову Воронкова, кивнул ему вместо приветствия. «Все-таки пришел, старый упрямец,— подумал Косачев.— Куда мы денемся? Нас не оторвешь от завода». Остановился взглядом на Никифоре Шкуратове. Поднял руку, сказал Андрею:

— На-чи-най!

Андрей поднял кверху обе руки. Его сигнал тотчас был принят. Включили станы. Заработали и другие линии, одна за другой. Цех задрожал, напружинился, загудел.

Магнитные спруты поднимали с вагонной платформы стальные листы, плавно подавали на рольганги, подкатывали к прессовочному стану. Отсюда заготовка медленно плыла под прессом, где выравнивали листы и зачищали края. Все шло гладко, по строгому порядку, нигде никаких заторов и сбоев. Все внимательно следили за работой станов.

— Все сами проектировали, Павел Михайлович, и сами строили. Наши мастера.

Министр закивал головой, не спуская глаз с трубы, которую в эту минуту поднимали на верхнюю стрелу к аппарату сварки внутреннего шва.

Косачев повернулся к Пронину.

— Волнуешься? — толкнул его локтем.— Держись!

Пронин кивнул головой, на миг скосив глаза на Сергея Тарасовича.

Из кабины крана Никита Орлов следил «за ходом боя», как потом он напишет в своей статье. А в глазах Веры из этой картины выделялось одно самое яркое пятно — сварщик Федор Гусаров. Ей казалось, что все дело решал именно он, ее муж, на которого она смотрела с гордостью и любовью. Правда, главным в этом деле был Николай и вся бригада, в том числе и Федор, но Вера видела только одного работника — своего мужа.

Огненная змейка шва ползла по темному стальному полю, постепенно остывала, затухала, темнела. Это было похоже на волшебство, и тот, кто умел это делать, был конечно же необыкновенным человеком. Сваренная двумя продольными швами, громадная труба медленно плыла по рольгангам к особому стану, где зачищались вну-

тренняя и внешняя поверхности. Потом труба двинулась дальше к гидравлическому прессу.

— Выдержит? — тихо спросил Коломенский.— Сколько атмосфер?

Косачев уверенно кивнул:

— Восемьдесят пять.

— Отлично!

Теперь уже труба доплыла до последнего рубежа, застыла перед гидравлическим прессом. Механизмы мягко и плавно взяли трубу в зажим. Включили воду, стали заполнять трубу. Давление увеличивалось, стрелки приборов быстро ползли от одной цифры к другой. Тяжко дышали насосы. Приборы показывали, как с напором воды увеличивалось давление в трубе, а вместе с увеличением давления напрягалось внимание, с которым люди следили за ходом работ. Каким прибором измерить давление в сердце Косачева, Пронина, Коломенского и всех, кто страстно желал успеха!

— Сорок пять... шестьдесят... Восемьдесят пять! Девяносто!

Труба выдержала.

— Отключить насосы!

Вода схлынула, стрелка прибора быстро падала до нуля.

Люди облегченно вздохнули.

Зажимы гидравлического пресса медленно разжались, опустили трубу на специальную раму, покатили вниз.

Косачев снял шапку, взмахнул ею над головой, и духовой оркестр сразу грянул марш. Люди кричали «ура-а!», громко хлопали в ладоши, обнимали друг друга.

— Браво, Федька! — кричала Вера из кабины крана, хлопая по плечу редактора газеты и обнимая его.— Браво! Не забудь о Федоре написать, Орлов!

— Обо всех напишу, никого не забуду. Ты взгляни на Сергея Тарасовича, спокоен, как бог в день сотворения мира. Виду не подает, что волнуется, а сам готов прыгать от радости. Наверху блаженства!

Осмотрев все досконально, обсудив результаты, выслушав Косачева, инженеров, мастеров и рабочих, Коломенский, Петров и Пронин доложили Центральному Комитету и правительству о выполнении заводом соцобязательств и освоении новой технологии изготовления труб большого диаметра.

Вечером об успехе завода передало московское радио. Праздник выплеснулся через заводские стены на улицы и проспекты города, всюду горели огни, слышались песни. Нарядные, веселые люди гуляли до позднего часа, долго не расходились по домам. Казалось, весь город в этот вечер не мог угомониться, даже окна светились по-особенному ярко, и звезды на ночном темном небе сверкали приметней и теплей. Только далеко за полночь стали гаснуть огни в окнах то одного, то другого дома, и весь большой город, как добрый работник, хорошо сделавший свое дело, уснул богатырским сном.

11

С новыми трубами на трассу газопровода Косачев теперь прибыл самолично, со своими специалистами и сварщиками. Хотя государственная комиссия и разрешила заводу приступить к массовому выпуску труб, для Косачева и для всего завода было делом чести довести испытания до конца в условиях промышленной эксплуатации.

В конторе Газстроя собралось много народа. Пришел и председатель комиссии Газстроя — молодой инженер с круглым лицом, с обвисшими усами.

— Никифоров,— представился он Косачеву.— Я высокого мнения о ваших трубах. Но прискорбный факт насторожил.

Косачев кивнул головой, повернулся к Салгирову:

— Товарищ Салгиров, разреши мне самому с моей бригадой сварщиков смонтировать и провести стыковку труб. Дай команду, немедленно приступим. Сам увидишь, теперь все пойдет по-другому.

— Ночь же надвигается, товарищ Косачев.

— Разведем костры. Нельзя терять ни минуты. Поспелов, Водников и ты, Николай, все за мной. Придется показать, как сваривать стыковку по-нашему, намертво.

Косачев широко распахнул дверь и первый вышел в темную морозную ночь, встретившую его сильным порывом ветра. За Косачевым пошли все остальные, направились к месту работы.

Ночью на трассе у коллектора горели костры, светились прожекторы передвижной электростанции. Косачев шагал по котловану, лично руководил работами, советовался с местными инженерами, не отпускал их ни на шаг.

Заводские сварщики, словно боевой расчет на учениях, показывали свою сноровку.

Когда сварка была закончена, затрубили сигнал тревоги. Все пошли в укрытия, спрятались в траншеях. Укрылся и Косачев с инженерами.

Салгиров командовал по телефону:

— Все готово? Пускайте газ!

Люди сидели в укрытиях. Молча курили, нервничали.

— Пустили газ?

— Пустили.

— А как снова рванет, аж земля треснет?

— Да ну тебя!

— Вот увидишь!

Время томительного ожидания тянулось медленно.

И вдруг напряженная тишина взорвалась криком «ура!». Крик раздался где-то далеко и, словно эхо, докатился до бункера Салгирова, где сидел и Косачев.

— Ур-ра! — подхватил крик Салгиров.— Твоя взяла, Косачев. Самое высокое давление выдержано! Смотри, куда пошла стрелка. Теперь сам черт не страшен. Отбой!

Затрещали звонки, сирены пропели отбой. Люди выходили из укрытий, бросали вверх шапки, кричали.

Начальник Газстроя Салгиров и председатель комиссии, прибывшей из Москвы, созвали срочное совещание специалистов совместно с Косачевым и Водниковым. Строители газопровода дали высокую оценку трубам, признали высокое качество сварочных работ, проведенных на месте бригадой Николая Шкуратова.

На этом же совещании Косачев увидел своего зятя Ивана Полухина со скуластым обветренным лицом. Высовывая голову из-за спины сидящих впереди нефтяников, Полухин улыбался Косачеву, приветливо кивал:

— Здравствуйте, Сергей Тарасович!

— Вот куда ты забрался,— сказал Косачев, здороваясь с Иваном.— А я искал тебя в Москве, хотел знать твое мнение о моей затее, о трубах с двумя швами.

— Колоссальное дело, Сергей Тарасович,— громко при всех похвалил трубы Иван.— Я отчасти из-за этого и задержался у газовиков, пропагандирую ваши трубы. Вот товарищ Салгиров тоже согласен.

Иван встал с места, прошел поближе к Косачеву.

— Определенно не возражаю,— подтвердил Салги-

ров.— Я еще в прошлом году на совещании в ЦК поддержал твой проект, Косачев. Помнишь?

— Помню, спасибо тебе. Не жалеешь?

— О чем ты говоришь? Жалею только, что мало еще пока у нас таких труб.

— Дай срок, будет больше.

Когда прощались, Иван и Косачев отошли в сторонку.

— Как здоровье, Сергей Тарасович? — спросил Иван, оглядывая Косачева.— Вид у вас молодецкий.

— А что мне сделается? — отмахнулся Косачев.— Видишь, какие дела? Болеть некогда, да и не надо.

— Разрешите приехать к вам на завод, Сергей Тарасович, детально ознакомиться с работой цеха. Будет отличная глава к моей диссертации о перспективах технической революции.

— Милости прошу, хоть завтра,— сказал Косачев.— Буду рад, конечно, сам понимаешь. Привет Тамарочке и поцелуй внука. Скоро буду в Москве, увидимся.

Косачев со своими людьми уезжал довольный: трубы не подвели, газовики и московская комиссия одобрили работу заводчан, признали полный успех косачевского дела.

12

Уже много дней Косачев не был дома. Садясь в машину, спокойно подумал: «Отдохну денька два, а потом слетаю в Москву. Пора окончательно договориться об уходе и сдавать дела. Думаю, теперь министр отпустит».

Дома принял ванну. Посидел с женой за столом, с аппетитом ел, хвалил домашнюю стряпню.

У девочек в тот день были соревнования по фигурному катанию во Дворце спорта, и они задерживались позже обычного.

Клавдия Ивановна вышла, оставив Сергея Тарасовича одного. Он развернул не прочитанные еще газеты и журналы, принялся просматривать почту, полистал страницы новой книги, забытой девочками на диване.

Девочки пришли домой возбужденные, еще не остыли от азарта спортивных состязаний. Подойдя к дому, увидели светящиеся окна в столовой.

— Папа приехал!

Быстро проскочили в подъезд, побежали по лестнице

наверх. Осторожно открыли своим ключом дверь, тихо разделись в прихожей и, мягко ступая на носках, направились к столовой, желая внезапно появиться перед отцом.

Из столовой слышался какой-то разговор, различались детский и мужской голоса. Маруся и Женя в недоумении остановились и, прежде чем войти в комнату, решили заглянуть в щелку. Увидели Сергея Тарасовича в глубине комнаты. Он лежал в низком мягком кресле, откинувшись на спинку, закрыв глаза, в белой рубашке с расстегнутым воротом, без галстука, без пиджака. Правая рука повисла вниз, касаясь ковра, куда упали газеты и раскрытая книга.

Девочки застыли на месте как окаменелые, с удивлением смотрели на отца.

Косачев лежал неподвижно, навалившись на кресло своим крупным, тяжелым телом. Его лицо с закрытыми глазами и сомкнутым волевым ртом было спокойным и непривычно умиротворенным, как будто он внимательно прислушивался к чему-то чрезвычайно значительному и важному для него. Из-за кресла, с другой стороны, доносилось едва уловимое потрескивание магнитофона и тихо и отчетливо звучали голоса.

«Дедушка, а ты был маленьким?» — спрашивал голос косачевского внука Сереженьки.

«Был,— отвечал голос Косачева.— Все люди сначала бывают маленькими, а потом вырастают».

«А что ты делал?»

«С детства пас кулацких коров. А когда подрос, пошел в депо кочегарить, выгребал из печей угольную золу».

«Ты ездил на лошадке?»

«Откуда мне было взять лошадку? Родители жили бедно, ничего не имели».

«Даже игрушечного коня не было?»

«Был маленький пес-дворняга, да и тот подох с голодухи».

«А почему у тебя шрам на щеке?»

«Белый казак рубанул шашкой в гражданскую войну. Если бы наши ребята не пристрелили казака, снес бы он мне голову с плеч».

«Больно было?»

«Не помню. Должно быть, больно».

«А кто тебе уши помял? Хулиганы?»

«Не-ет, Сергуня, это мороз — красный нос, в сорок втором году, когда шла война. Мы тогда наш завод строили в открытой степи, под ледяным ветром день и ночь работали. А морозище такой лютовал, спасения не было, насквозь до костей прожигал. Одежонка у всех ветхая, и уйти с мороза нельзя, потому как надо работать, завод строить, чтобы скорее снаряды делать и на фронт посылать. В тот год бабушка твоя померла. А мама была маленькая, в школу ходила, потом простудилась, ангиной болела. И я чуть не умер. Ноги, уши отмерзли, и не заметил, как началось заражение крови на пальцах ноги. Пришлось отрезать два пальца. А уши — ничего, помялись маленько, засохли, как грибы».

Внук залился смехом:

«Сыроежки?»

«Мухоморы»,— весело сказал голос Косачева.

«А зачем ты волосы белой краской покрасил?»

«Это время побелило мои волосы. Много лет на свете живу. Меня, брат, жизнь в семи котлах варила, в семи водах мыла, на семи ветрах сушила...»

Настойчивый телефонный звонок перебил этот разговор. Косачев зашевелился, открыл глаза, неторопливо потянулся рукой к магнитофону, который стоял за креслом на полу. Рука Косачева нажала стоп-кнопку, и магнитофон умолк. Сергей Тарасович взял телефонную трубку.

— Сейчас с вами будет говорить Москва,— предупредил женский голос.— Одну минуточку.

Молча ожидая разговора, Косачев стоял и смотрел на стену, где висели две большие фотографии: на одной — портрет миловидной женщины средних лет, покойной жены Косачева Анны Григорьевны, а на другой — групповой снимок: Тамара с мужем и сыном.

Наконец в трубке раздался мужской голос:

— Сергей Тарасович?

— Я слушаю,— отозвался Косачев.

— Говорит Коломенский. Здравствуйте.

— Здравствуйте, товарищ Коломенский.

— Мне поручили поздравить вас, Сергей Тарасович, с присвоением вам звания Героя Социалистического Труда, пожелать вам здоровья и дальнейших успехов.

У Косачева участилось дыхание, он рванул ворот ру-

башки, пошевелил губами, не мог сразу заговорить, в горле пересохло.

— Большое спасибо, Алексей Степанович. Передайте Центральному Комитету и товарищам в Совмине мою благодарность за награду и столь высокую честь. Передайте также заверение в том, что уже в этом месяце первые эшелоны наших труб будут отправлены на строительство газопроводов.

— Передам. Будьте здоровы, Сергей Тарасович! До свидания!

Голос умолк. Косачев не сразу опустил трубку, постоял у телефона и вдруг неожиданно громко и бодро крикнул девочкам, выглядывающим из-за двери:

— Слыхали? Идите же ко мне! Поздравляйте!

Дочери, видимо, поняли, что произошло, бросились к отцу, прыгая от радости.

Весть о награде взбудоражила Косачева. Хоть он и старался сохранить спокойствие и степенность, душа его кипела. Хотел было звонить Астахову и Уломову, но воздержался, отошел от телефона. «Подумают, хвастаюсь. Сами узнают из газет».

Но похвастаться ему все же хотелось, хоть в домашнем кругу. Он шумно пошел по квартире, стал зажигать полный свет в столовой, в прихожей, в кабинете. Снова обнял дочерей, громко крикнул:

— А ну, доченьки, тащите самовар и поднимайте мать с постели. Она же еще ничего не знает! Попразднуем на славу!

Девочки засуетились, разбудили мать, сообщили новость.

У Клавдии Ивановны от радости потекли слезы, она вытирала платком лицо, чтобы муж не видел, как она плачет, но долго не могла успокоиться. Маруся и Женя возбужденно шумели и суетились, накрывали на стол.

А Сергей Тарасович в волнении шагал по комнате, подошел к высокому окну, широко распахнул шторы. Дом, в котором он жил, стоял на горе, и отсюда всегда, во всякое время года, открывался захватывающий душу простор. Не один раз Косачев вот так же в полный рост стоял у этого окна, глядя вдаль, чувствовал себя слитым с полоской темного леса и ширью вспаханных полей, с тихой, извилистой речкой и волнистыми песчаными холмами, с мерцающим светом в окнах домов, с высокими

трубами и серыми стенами заводских корпусов. Предчувствие самого счастливого дня его жизни давно было в нем. Оно пробуждалось и в морозную зимнюю пору, когда кружились метели, бушевали бураны; и ранней весной, когда таял снег, капало с крыш, бежали ручьи; и в благодатное время короткого лета, когда со степных равнин и предгорий дул теплый ветер, одуряюще пахло ковылем, полевыми цветами и травами; и в дни прощального сияния золотой увядающей осени — величавой задумчивой красавицы. Праздник этого заветного дня будто из самой глубины пробивался наружу, поднимался и созревал в постоянном кипении его жизни. С самого раннего его детства прорастал он как тоненький стебелек и увенчался тяжелым спелым колосом.

Пришло время жатвы.

13

Один за другим уходили холодные дни, зима уступала место весне. Таял снег, капало с крыш, бежали ручьи. В то утро к заводским воротам стекалась огромная масса народа.

По радио передавали «Последние известия»:

«...За освоение в короткий срок производства труб большого диаметра Президиум Верховного Совета СССР наградил трубопрокатный завод орденом Ленина и присвоил звание Героя Социалистического Труда директору завода Косачеву Сергею Тарасовичу, мастеру Шкуратову Никифору Даниловичу, а также наградил орденами и медалями сто двадцать рабочих, инженеров и техников завода...»

На оживленных улицах с раннего утра звенели трамваи, шуршали жесткими покрышками автобусы, пофыркивали и повизгивали тормозами легковые машины.

Со всех концов города шли и ехали рабочие, направляясь к заводской площади, и говорливые людские потоки, словно рукава одной огромной реки, бурно текли через створы проходных и, вырвавшись на просторы заводского двора, расходились по тенистым аллеям в цехи, мастерские, лаборатории.

Слушая сообщение по радио, люди поздравляли друг

друга. Заслуженную награду с благодарностью принимал весь город...

Наступало новое время, открывалась новая страница отечественного трубостроения и создания тысячекилометровых нефтепроводных и газопроводных трасс, питающих энергией жизнь городов, сел, фабрик и заводов Советского Союза и других государств.

Всех награжденных пригласили в Москву для вручения наград. В столицу ехали руководители завода, ветераны и молодые рабочие.

Ехал Николай Шкуратов и Поспелов. Случайно они попали в одно купе. Долго сидели молча, не решались ни о чем говорить. Николай вышел покурить и долго не возвращался, стоял один в коридоре, грустный и задумчивый.

Тайна, открытая ему Ниной, все время мучила Николая, жгла его душу, как брошенная искра огня. Уже много месяцев он сдерживал себя, заглушал душевную боль и ни разу ни словом, ни намеком не дал понять Поспелову и никому другому о том, что он услышал от Нины в последнюю минуту ее жизни. Глубоко переживая, хранил тайну в себе. И когда нестерпимо хотелось взглянуть на мальчика, Николай издали смотрел, как Поспелов гуляет с его сыном...

Поезд стучал колесами о стыки рельсов, мчался в Москву. В вагоне было шумно, пели песни, смеялись, разговаривали.

Стоя у окна и глядя на проносящиеся мимо поля и леса, Николай слышал за спиной громкие голоса и среди них голос Поспелова. Так и стоял до самой Москвы...

И вот наступил торжественный день. Гвардия трубопрокатчиков собралась в Свердловском зале Кремля... Все были нарядные, торжественные, как на параде. Один за другим подходили к трибуне, и каждого, удостоенного награды, приветствовал улыбкой и крепким рукопожатием высокий седой человек — член Президиума Верховного Совета. У многих на лацканах пиджаков к военным и трудовым орденам и медалям прибавлялись новые, иные получали первые в жизни награды...

Почти все уже были при орденах. У Косачева и Никифора Шкуратова на груди сияли Золотые Звезды Героев Социалистического Труда. Член Президиума подошел к группе награжденных, сердечно обнял мастера Ни-

кифора Шкуратова и директора завода Сергея Косачева...

После торжественной церемонии трубопрокатчики вышли на Красную площадь. В предвечерней тишине тихо переливался мелодичный звон курантов. Молодой зеленой листвой шумели стройные липы; на брусчатой мостовой, у подножия трибун, перед фасадом и на карнизах Исторического музея гуляли сизые голуби.

От Спасских ворот к ленинскому Мавзолею чеканным шагом шествовали двое часовых и разводящий.

Косачев и Пронин шли впереди своих товарищей, чуть отдалившись от группы заводчан и москвичей, вели тихий разговор.

— Вызывали тебя в ЦК, Иван Николаевич? — спросил у Пронина Косачев, и тот сразу же догадался, о чем речь.

— Вызывали, — кивнул головой Пронин.— Все было, как ты предсказал.

— Уговорили? — лукаво прищурился Косачев.

— Будто не знаешь, Сергей Тарасович? — улыбнулся Пронин.— Я и сам не упирался. Провел ты меня по всем кругам своей кузницы, как говорится, «влюбил» в завод. Я и не думал, что так увлекусь, войду в азарт. Хитрый ты человек, завлек меня в капкан. Как говорится, «мужик и ахнуть не успел...»

— «Как на него медведь насел»? — засмеялся Косачев.— Это я-то медведь? Ловко! Когда принимаешь завод, Иван Николаевич?

— Когда скажешь. Ты — хозяин.

Дойдя до Мавзолея, они остановились, прекратив разговор, и несколько минут стояли в молчании, наблюдая смену караула. Потом пошли дальше.

Владимир Сергеевич Беляев

В ТЕ ХОЛОДНЫЕ ДНИ

Заведующая редакцией *Л. Сурова*
Редакторы *И. Сабова, С. Митрохина*
Оформление художника *С. Данилова*
Художник *А. Пауков*
Художественный редактор *Г. Комзолова*
Технический редактор *Л. Маракасова*
Корректор *Ю. Черникова*

Л49630. Сдано в набор 16/V 1977 г. Подписано к печати 24/XI 1977 г. Бум. № 1. Формат 84 × 108 1/32. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,55. Тираж 65 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Зак. 1749.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

В издательстве
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

в серии
«Современный городской роман»
вышли следующие книги:

Ю. Авдеенко.
«ДИКИЙ ХМЕЛЬ»

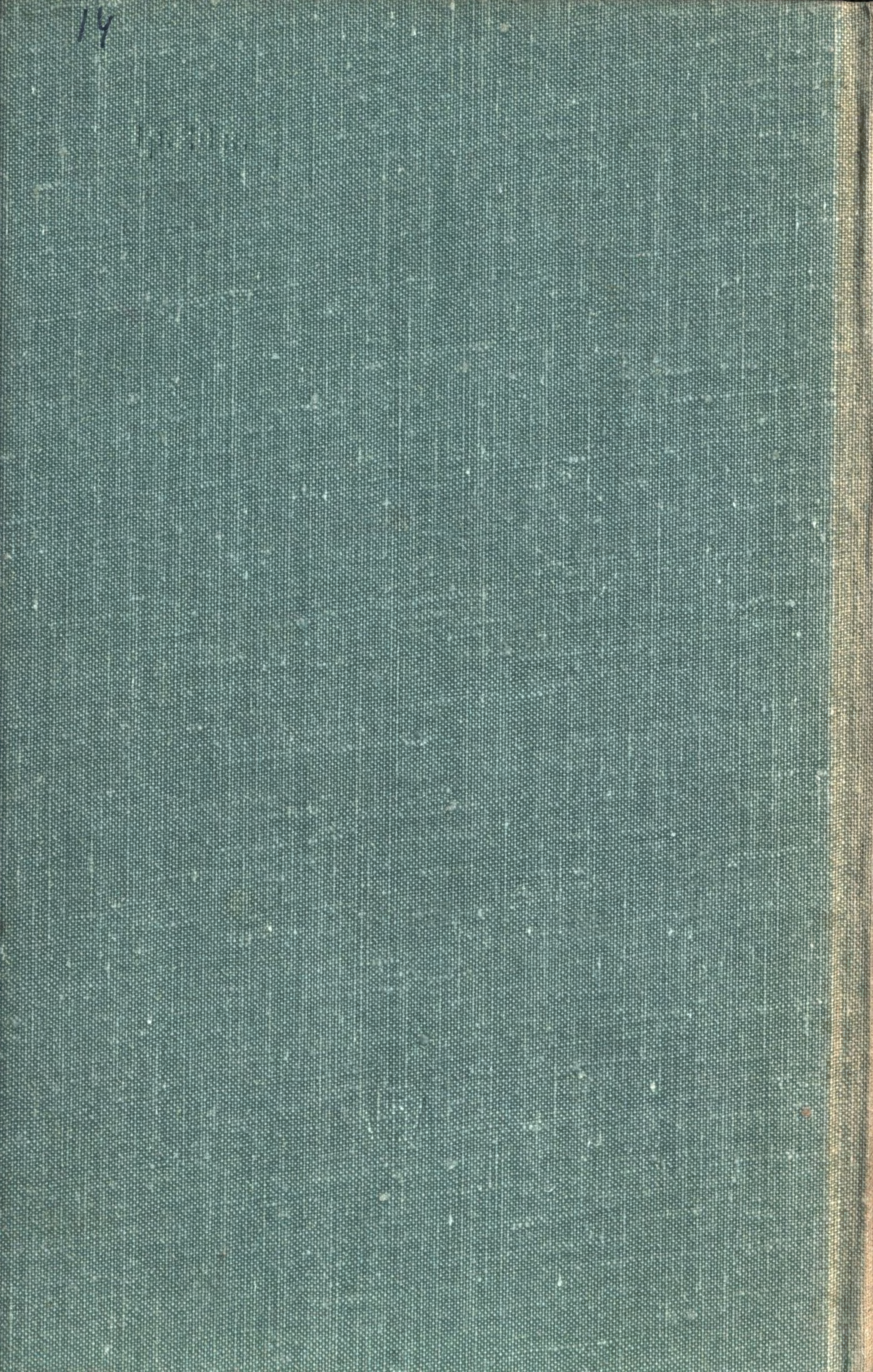
М. Барышев.
«ЛЕГКО БЫТЬ ДОБРЫМ»

Л. Карелин.
«СТАЖЕР»

М. Колесников.
«ОПОРА ДЛЯ РАДУГИ»

Л. Парфенов.
«ДАША»

О. Попцов.
«ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ»

Владимир БЕЛЯЕВ
В ТЕ ХОЛОДНЫЕ ДНИ